

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

3

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

РАССКАЗЫ
ОБ ИГРУШЕЧНИКАХ

Книга третья

Саратов
2015.

Выпуск приурочен к Году культуры в России.

Африкантов П.П.

**СКАЗКИ О САРАТОВЕ и Саратовской глиняной
игрушке. Книга 3.**

Рассказы об игрушечниках.

264 стр. г. 2015.

В книгу включены повести и рассказы об игрушечниках, написанные по воспоминаниям жителей деревни Малая Крюковка, где существовал игрушечный промысел. В произведениях отслеживается судьба глинолепов одного родового древа. Так уж распорядилась история, что они участвовали во многих эпохальных событиях в стране. Находясь в гуще исторических событий, игрушечники, обладая природной смёткой и находчивостью, применяют свои знания и навыки в сложных обстоятельствах. Произведения написаны просто, доходчиво и нередко с юмором.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

В написании рассказов автор так же опирался на архивные материалы, предоставленные ему исследователем жизни деревни Малая Крюковка Жирновой Анной Петровной.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015

Новогодние кролики

Произошёл этот случай со мной ровно двенадцать лет назад, по китайскому календарю в год кролика. Тогда эти календари модными стали, а я как раз стал осваивать лепное дело. Годы те были ельцинские, тяжёлые. В доме подчас хлеба не было, зарплату не давали, а жить и детей кормить было надо. Дело было в канун Нового года. Дети ещё небольшие, младшенькому Антону всего десять, Костя немного постарше. Как раз тот возраст, когда дети ждут от Нового года чего-то особенного и сам

праздник для них в первую очередь ассоциируется с подарками.

Как сейчас смотрю – дети в одной комнате о Новогоднем празднике говорят, а мы с женой Еленой в другой думаем, как концы с концами в семейном бюджете связать, да на какие-никакие подарки детям выкроить. Но ничего не связывалось и не выкраивалось. И тут решил я налепить к празднику глиняных игрушек и продать. Сказал жене, та засомневалась, но идею одобрила, всё равно другого выхода нет. Посоветовались, кого лепить? «Конечно кроликов, – сказала жена, – весь город кроликами увешан, лучшей рекламы не придумаешь».

Стал лепить кроликов. Опыта никакого, а энтузиазма и желания сделать приятное семье – через край. Все в семье ходили смотреть, как я на терраске леплю этих зверушек. Я леплю, а мать с женой спорят – похожи они на кроликов или нет. Мать говорит, что похожи, видно больше из желания меня подбодрить, а жена – наоборот. Но, я их не слушаю. Мне нравится лепить этих зверушек. Леплю и испытываю огромное удовольствие от лепки, в душе будто симфонический оркестр тонкие и сладостные мелодии выводит. А мать с женой всё спорят. Мне надоело их слушать «похожи – не похожи» и я их перестал пускать в комнату, сказав им своё решительное – «базар рассудит». Он и рассудил.

На улице мороз, ветрено, мимо импровизированного прилавка люди идут, некоторые на реклам-

ные вскрики жены: «Кролики! Кролики! Кто забыл купить детям подарок к Новому году!» подходят, вертят в руках поделки и, скептически улыбаясь, отходят.

– Разве это кролик, – говорит упитанный господин в очках.

– А зубы, – парирует жена. – Вы на зубы посмотрите!

– М-да – вроде похожи,.. – тянет господин.

– А уши? – говорит жена.

– Вроде тоже кроличьи... – говорит господин.

– А косые глаза? – вставляет жена.

Господин, однако, хмыкнув, отходит и, как назло, покупает напротив брелок с похабным, с неестественно растопыренными ногами кроликом. На вид это и не кролик даже, а снятая и распятая на палочке кроличья шкурка.

Нет, не нравятся людям мои кролики, ни одного ещё не купили.

– Я же говорила, что не похожи, а ты мать слушал, – сердито говорит жена, перестукивая на морозе, валенками. Мне неудобно на этом базаре, ни одного понимающего меня человека и вдруг.

– Мама, смотри, кролик! – раздаётся рядом голос ребёнка. Это сказала девочка. Она стоит на цыпочках около прилавка и смотрит на моих кроликов широко открытыми глазами.

– Где ты увидела кроликов? – одёрнула её подошедшая мать.

– Так вот же они, – сказала та, показывая на того самого кролика, которого отставил господин.

– Давай мы тебе лучше найдём, что-то эти поделки на кроликов не очень похожи. Но ребёнок настаивает на своём:

– Мам, он хорошенький... я этого хочу....

Но, мать настояла на своём и, можно сказать, потенциальные покупатели стали уходить.

Это меня подбодрило. Ведь нашлась же одна человеческая душа, которая меня понимала и со мной была солидарна. «А может быть и не надо больше ничего», – подумал я. Первой сообразила жена, она догнала уходящую девочку и сунула в руку малышки кролика. Лицо девчушки просияло счастьем. «Хоть одна душа порадуетя вместе со мной», – подумал я и благодарно посмотрел на жену. Этим поступком она спасла мою, уже было начавшую отчаиваться, душу. Возможно, этим она спасла меня и как будущего игрушечника. В этот момент я понял, а потом, работая педагогом и уча детей лепке, неоднократно убеждался в том, что дети и взрослые видят вещи совершенно разными глазами. И, чаще всего, дети узнают в изделиях своих сверстников то, чего они слепили, а взрослые – нет, рассуждая о непохожести. Вот и я, по сути, лепя кроликов, вёл себя как ребёнок, лепил, опираясь только на чувства и эмоциональный душевный фон, совершенно не сверяя возникающие в голове картинки с требованиями рынка, с мнением толпы. Я понял, что всё нале-

пленное мною не будет продано, потому что взрослые никогда не увидят в том, что я сделал, кроликов и не купят.

С базара домой ехали молча, послезавтра Новый год, а у нас в кармане ничего нет. Потом жена пыталась меня успокоить, но у неё это плохо получалось. В её словах больше слышалась жалость ко мне, а я в этой жалости не нуждался. Мне было скверно не от того, что моя идея не удалась, а от того, что я хорошо знал, что надо делать, и это было мерзко в отношении самого себя, но я должен был это сделать.

Когда пришли домой, я взял ножовку по металлу и всем тридцати восьми кроликам стал отпиливать головы. Обожжённая глина резалась довольно легко. Вошла жена, спросила, что я делаю. Отвечаю резко: «Пытаюсь угодить рынку» и продолжаю резать. Жена уходит.

В этот же вечер налепил новых крольчихих голов, обжёл и приклеил их на обезглавленные керамические туловища. Радости не было никакой, больше одолевала внутренняя пустота. К утру следующего дня изделия были готовы. На столе стояли тридцать восемь настоящих кроликов. Они смотрели на меня своими искусственными глазками и как бы говорили: «Не живи, как хочется... не живи, как хочется...», а рядом с ними на столе лежали тридцать восемь отрезанных крольчихих головок и улыбались. Я пожалел о том, что в раздражении не ос-

тавил ни одного прежнего кролика, которые моей душе говорили совсем иное, нежели эти, обновлённые.

Их раскупили быстро. На вырученные 380 рублей купили ёлку, детям подарки, накрыли праздничный стол, да ещё отдали сто рублей долга. Всё было хорошо: в углу стояла зелёная ёлочка, под ёлочкой хозяином Новогодней ночи стоял в тулупе с посохом в руке пышнобородый и пышноусый Дедущка Мороз с мешком на спине, дети радовались. А более радовались тому, что все тридцать восемь кроликов остались дома. Дети подвесили кроличьи головки за ушки к веткам и те, покачиваясь, смотрели из зелёных веток и улыбались своими непосредственными детскими крольчихьими глазками. А одну головку ребятишки прикрепили к мешку с подарками, что Дед Мороз несёт, и получилось, вроде из мешка кролик выглядывает. Я тоже, глядя на крольчихьи головки, улыбался, понимая, что игрушечником я ещё не стал, но из игрушечного детства вышел, а жаль, в нём так было хорошо, правда, всего несколько крольчихьих вечеров.

После того, как я написал первый рассказ о случае, произошедшем со мной, то рассудилось мне написать и о моих предках-игрушечниках. Придумывать что-то было особо не надо, истории эти мне

рассказывали деревенские старожилы. Начал я писать, начиная с самого первого известного в роду игрушечника – Григория, родившегося в 1718-ом году и умершего в 1788-ом. К сожалению, отчества я его не знаю. Написал я этот рассказ в виде сказа, потому как дело это происходило аж в восемнадцатом веке и кроме легенды до нас ничего не дошло. Имя жены Григория в памяти и в архивах не сохранилось, его я ей дал произвольно. Сказ этот я назвал «Горновица». Возможно, и прадед Григория делал игрушки, только об этом из стариков никто уже ничего сказать не мог и архивы об этом молчат.

А вот о сыне Григория – Андрее Григорьевиче (1747 – 1823) , по прозвищу «Тетеря», получившего это прозвище за тугоухость, информации дошло больше чем об его отце. Называли его Тетерей и в глаза и за глаза и Андрей Григорьевич на это нисколько не обижался. Назвал я повествование о нём «Сказ о том, как скудельный петух Фомкиного петуха уму-разуму учил». Этот сказ следом за сказом о Григории идёт. И далее по порядку, о всех игрушечниках рода, о ком сказ, о ком рассказ, о ком повестушка. Читайте на здоровье.

Горновица

(сказ)

*По рассказу Тетерина Ивана
Зиновьевича (г.р.1901–1982).*

Как уж водится на Руси – всякое ремесло, какое не возьми, хоть скорняжное, хоть плотницкое, хоть ещё какое, обязательно легендами обрастает. Здесь тебе и байки, и домыслы, и причуды всякие – куда ни кинь, а всё о том же. И рассказы эти всегда, по

преимуществу, таинственные и страшноватые. Слушаешь, бывало, лёжа на печи, как иной дока внизу, за пеленой махорочного дыма, типа нашего соседа Ивана Зиновьевича, царствие ему небесное, вдаётся в воспоминания старины глубокой, так и стараешься от страха в кирпичи печные вдавиться, чтоб тебя никто уж и не заметил, никакие страшные и тёмные силы тебя не увидели.

Понятно, что и игрушечный промысел тоже не мог без своей мифологии обойтись. И понятно, что эта история с обжигом игрушек связана, потому как таинственнее и непредсказуемее в гончарном деле ничего более нет. А уж там миф это, сказка или реальность с додумками, как знать? Только без чудесного и необыкновенного и сказ – не сказ и байка – не байка. В любом случае, одну из таких баек я и расскажу, чтоб от других промыслов не отстать. А то без байки, вроде, как и промысел не промысел, а так – не пойми что. Итак, слушайте.

Есть такое место недалеко от Малой Крюковки, называется оно «Перерытое озеро». Это что недалеко от Кельцевого пруда. Если вы сейчас спросите об этом названии кого из жителей близ лежащих деревень, там из Полчаниновки или из Большой Фёдоровки, то вам никто нипочём не скажет, почему это место так называется. В последнее время знали об этом только жители деревни Малая Крюковка, да и то помалкивали. Не принято было в деревне об этом

говорить. Считалось, что если человек об этом говорит, то он на себя беду кликает, потому и молчали. Как говорится – роток на замок, чтоб никого не искушать и самому не искушаться. А уж что эта история с нечистой силой связана, то тут никаких сомнений. Ну, сами подумайте: откуда это озеро в лесной глуши появилось, когда в этом месте нет никаких полезных ископаемых? Зачем его было рыть или перерывать в том месте, куда даже за грибами тамошние жители не ходят, а предпочитают места хоть и менее грибные, но не такие сумрачные, где только одни волчьи логовища и можно встретить? Место это робостное. Яма на яме. В ямах этих вода ржавая и гниlostная. Самая большая из них, что посредине, это и есть то самое перерытое озеро.

Солнца в этом месте земля лесная отродясь не видала. Не доходят до земли солнечные лучи, мохнатые шапки деревьев не пускают, а ниже этих шапок мрак постоянный. Деревья здесь тоже особенные, в основном дубьё могучее с сучьями толстыми и корявыми. Если со стороны посмотреть, то сразу видно – окружили деревья озеро, сцепились кривыми ветвями, что не расцепить и не разодрать. Ни дать, ни взять службу несут, а вот чего охраняют вековые – не понять.

Постоял в этих местах один раз и я, посмотрел на ямы, на камни-дикари, мхом заросшие, почитай размером с добрую телегу каждый и подумал: «Эвон какую адскую работу человек проделал! А для чего?»

Что его подвигло на такое? Почему он здесь жилы рвал, да потом с кровью умывался? Может быть зависть виновата? Нет..., не это. Здесь что-то другое происходило... Не будет себя человек просто так уничтожать, никак не будет. Однако ж озеро есть со стоками и отводами, деревья корчёванные и не сгнившие с корнями по лошадиной ноге толщиной в верх протянулись, камни прозеленевшие тут же. Здесь как не мозгуй, всё указывает на значительность потерявшегося во времени события.

Дело же, как толкуют о сем событии старики, коим довелось до наших дней дожить и которые рассказы эти от других дедов восприняли, происходило вот как...

Жил в деревне Крюковке игрушечник по имени Григорий, статный, красивый и силушкой не обиженный, лошадь за передние ноги на дыбы ставил, первый кулачный боец в округе. Жена у него была молодая, красавица синеокая. Очень любил жену Григорий. Редко так любили, даже в то время, не говоря о сегодняшнем, когда в народе божеском любовь поиссякла.

Понятно, что история эта была вся на любви замешана. Дело было зимой. В зимнее время другие мужики в деревне в извоз собираются, а Григорий дома, игрушки лепит. Весь его извоз к тому сводился, что запряжёт в сани лошадку, да съездит в Тарны за глиной.

Там у него яма была вырыта, сверху накатником дубовым прикрытая, чтоб не промерзала. Наберёт мужик глины и домой приедет, вот и всё. У Григория ещё дед живой был, на печи сидел. Это от него Григорий лепить научился, дело перенял. Дед этот и говорит однажды Григорию, дескать, помру я скоро, Гришка. Ты же дело наше родовое не бросай, а по линии нашей семейной так и передай дальше.

Григорий, услышав от деда такое, возмутился, мол, чего ты говоришь, разве тебе жить, кто мешает? В нашем роду долгожителей хоть отбавляй, а ты не вовремя засобирался. А дед своё: «Пора мне, говорит, долг платить».

– Кому...? Какой долг!? – изумился Григорий.

А дед этак, рукой повёл и с придыханием говорит:

– Горновице платить.– Замолк, дышит трудно. Затем с силой собрался, продолжил. – Ты старый горн, Гриша, сломай. Не нужен он тебе, нового до конца жизни хватит.– Откинулся на подушку, замолчал.

– Почему раньше ничего про Горновицу не сказывал? – хотел допытаться Григорий. Хотя про Горновицу он не раз слышал, другие игрушечники и горшечники сказывали, а сам никогда её не видел. К рассказам этим мастер относился с определённой долей юмора, думая, что это не более, как сказки гончаров, этакий красивый вымысел и не более того. Суть же этих рассказов сводится к тому, что буд-

то, у мастеров в горнах, что служат для обжига изделий из глины, игрушек там или горшков, заводится Горновица. Особь такая, женского пола. Внешностью, вроде, человек, а не человек, потому как не могут люди такие температуры переносить. Вот и выходит, что не человек она, а только образ человеческий имеет.

В одних рассказах эта Горновица – согбенная старуха с клюкой, которая ходит внутри горна во время обжига и проверяет, как ведётся обжиг изделий. Одета она тоже по-старушечьи. Одежды простые. На ногах лапоточки, кофта в синий горошек, на голове платок. Хотя, одежды, вроде, и простые, но в огне не горят и даже не дымятся. Живёт она в горне и появляется, когда в печном пространстве горна температура достаточная наберётся, при которой горшки спекаться начинают. Выходит она прямо из глиняной стены. Ходит эта старуха по горну и глиняные изделия клюкой постукивает. Иные изделия местами может поменять, одни выше поставить, а другие пониже. А какие горшки или игрушки не понравятся, то и разбить может, а то даже и горн развалить, если злоба возьмёт.

В других рассказах Горновица предстаёт в виде молодой стройной девушки, приятной внешности, в белом шёлковом платье. В рассказах она всегда завлекает молодых гончаров и те, что послабовольнее поддаются её чарам. А вот про какую Горновицу старую или молодую дед Григория речь вёл он так и не

сказал, а только текли у него по щекам мелкие как бисер предсмертные слёзы. С теми словами и умер. Этих слов про «долг», ни Григорий, ни жена его не поняли.

Деда похоронили, а через некоторое время на- лепил Григорий игрушек, да и в горн поставил, об- жигать стал. Только не в новый горн поставил, в ко- тором он всегда обжигал, а в старый, подумав: «Прежде чем сломать горн и просьбу деда выпол- нить, обожгу-ка я в нём в остатний раз игрушки и тогда уж сломаю». В горн игрушки уложил, при- крыл сверху кирпичом- сырцом и стал в створе гор- на костерок разводить. А если из читателей кто не знает, как гончарный горн был в старину устроен, поясню: простой гончарный горн имеет вид стоя- чего валенка. В носу валенка проделывается отвер- стие (створ), где и разводится огонь, а в голенище на подставку (под) устанавливаются глиняные изделия для обжига. Сверху такой глиняный валенок при- крывается кирпичами, или глиняными пластинами, в которых проделывается отверстие для выхода ды- ма. С боку голенища проделывается смотровое от- верстие, чтоб гончар мог наблюдать за процессом обжига. Горны такие обычно устраивались в земле, или на её поверхности и засыпались землёй.

Итак, положил Григорий в самом начале обжига в створ щепочек осиновых, зажѐг, затем веточек подбросил, но так, чтобы температура в горне мед- ленно поднималась, иначе игрушки полопаются.

Когда веточки прогорать стали – полешки положил.
Ждёт, как разгорятся полешки, а сам песенку в усы
мурлычет.

Буря море раздымает,
А ветер волны подымает:
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело,
Почернело.

В полдни будто в полуночи,
Ослепило мраком очи:
Одна молнья-свет мелькает,
Туча с громом наступает,
Наступает.

Часа два так Григорий горн грел, песенку напевал, да проверял – идёт из горна вместе с дымом пар, или нет. А уж как полешки разгорелись, пар перестал идти и внутри горна шумок послышался, игрушечник на коленки встал и в горн через смотровое окно заглянул. Смотрит он в горн через узкое отверстие, из которого только что глиняную затычку вытащил и видит, как всё в горне понемногу красным становится, а в самом низу уже цвет вишни на изделиях проступает.

Ещё подбросил полешков Григорий, топку щитком прикрыл, чтоб жаром поленья хватило. Подождал немного и снова в горн через отверстие посмотрел. А в горне уже красное марево плавает. Ещё

подбросил в горн Григорий дров, рядом с горном на поленья сел. Посидел какое-то время и вдруг слышит, как будто зовёт его кто-то: «Гриша..., Гриша...» Оглянулся игрушечник – никого. Решил, что почувдилось. Снова уселся поудобнее, на горн локтем облокотился, песенку замурлыкал. Чуть посидел и вдруг опять: «Гриша..., Гриша...»

Не по себе стало Григорию, оглянулся – никого. Решил температуру в горне проверить. Заглянул в горн, а там уже всё красно: и игрушки, и стены самого горна как вишни спелые. Игрушки огнём схваченные, вроде, как и не из глины совсем, а из самого, что ни на есть драгоценного металла редкого сделаны. Так бы сидел и смотрел на эту огненную стихию. И видит вдруг Григорий, как будто из-за игрушек, вышел кто-то и идёт в направлении смотрового отверстия. Потёр мастер глаз кулаком и снова стал смотреть. Вгляделся – видит молодую девушку в кипенно-белом платье, лицом миленькую и красивую.

Горн у Григория просторный. Так если б он смог туда залезть, то и уместился бы. А девушка ростом по локоть руки будет, не выше. От напряжения глаз засвербило. Подумал, что это от долгого смотрения привиделось. Тут вспомнил игрушечник, что дров надо в топку подбросить. Кинулся в сарай за дровами, они у него там хранились. Туда - сюда сбегал, дров охапку принёс, в створ чуток бросил, а сам к отверстию лбом припал, глазом в горн глянул и от-

шатнулся от неожиданности. Снова припал, другим глазом смотреть стал – всё тоже самое. Видит Григорий, девица по горну ходит и игрушки в руки берёт, рассматривает. Тело у неё белое, щёчки с румянцем, волосы цвета спелой пшеницы длинные, распущенные по плечам спадают.

Смотрит на это диво Григорий и дышать боится, чтобы дыханием это чудо не спугнуть. «Горновица» – подумал Григорий, а сам наблюдает за гостьей. А та, вроде как гостьей себя и не считает, а этак деловито по-хозяйски от одного изделия к другому переходит и что-то едва слышно напевает. Обойдя и осмотрев все игрушки, она взяла в руки игрушку с глиняной подставки, села на подставку и стала эту игрушку рассматривать. А игрушкой этой был глиняный конёк. Видно, что игрушка эта ей очень к душе пришлась. Смотрит она на игрушку, а лицо так и светится от радости. Долго она так конька рассматривала, поворачивая его из стороны в сторону, затем поставила его рядышком на под и, подняв изящную головку, посмотрела перед собой и вдруг увидела, что за ней наблюдают в смотровое отверстие, но не испугалась, а улыбнулась и проговорила:

– Здравствуй, игрушечник.

– И тебе не хворать, – буркнул Григорий немного смутившись. Он не знал, как себя вести с этой необычной девушкой, что ходит босыми ногами, как ни в чём не бывало по раскалённому поду горна и рассматривает его поделки.

– А ты хороший мастер, – сказала девушка. – Твои изделия очень даже любопытные. Люблю изящность и грацию, хотя простенькое и миленькое меня тоже радует. Простое всегда более душевное и не давит.

«Што это она говорит? Слова чудные и незнаемые, – подумал Григорий. – Што отвечать то?»

– Вы согласны, что грация всегда немного утомляет? – Спросила Горновица. И, не дожидаясь ответа, сказала, – Вижу, обескуражился игрушечник. Слова непонятные говорю. У вас в деревне так говорить непринято. – И вдруг, улыбнувшись, сказала:

– Тебе особенно удаются птицы Гриша.

– Правда! тебе нравится!?! – подбодрился от похвалы Григорий.

– Очень. Они просто райские. Нигде и никогда я не видела таких птиц, хотя мне ведомы и заморские игрушечники, но у них такого нет.

– Кто ты?... раз и заморское тебе ведомо?

Девушка немного помедлила с ответом, а потом этак непринуждённо сказала:

– В разных местностях меня зовут по-разному. В здешних деревнях я Горновица, в других – Печница, в третьих – Углёвка, как кому нравится, так и зовут. Я, Гриша, везде, где есть огонь. Без огня я могу существовать совсем малую толику времени.

– Какой же для Горновицы жар самый приятный? – осмелев, спросил Григорий.

– Такой, какой сейчас – жар спекания горшка, когда глина меняет свойства. Есть в этой жаркости некая услада. Я прихожу в такую среду, чтобы отдохнуть и набраться душевных сил. Вот и в твой горн зашла, думаю – «не прогонишь»?

– А ты красивая. – Оставил Григорий вопрос Горновицы без ответа. – Только красота у тебя особенная. Я даже не знаю, как сказать...

– Правильно заметил, мастер, – улыбнулась девушка. – Глаз у тебя хороший..., верный глаз. У меня и не может быть вашей земной красоты. Я дочь огня, игрушечник. Мне многое ведомо о чём ты и представления не имеешь. Я знала хорошо твоего деда, славный был мастер. Только задолжал он мне. Обещал игрушку слепить, а не получилось. Может быть мне внук чего слепит памятное... а? И с деда обещание снимет? – лукаво заметила она. – Что опешил? Испугался?

– Есть малость... От неожиданности... – Брякнул Григорий.

– Ну, что ж ты, игрушечник! Смелее... Слепишь меня такую... а-а-а?.. какая я есть, или я тебе не любя, тебе более женская земная красота по нраву? – И вдруг засмеялась. И смех этот звоном заполнил горновое пространство.

– Не... я... что... я ничего... ты красивая... – проговорил Григорий, не зная, что сказать и как себя в этой ситуации вести.

– Красивая, говоришь? – Головкой покачала. – Ой, ли?.. Не об этом думаешь игрушечник. Говоришь не то, потому, что мыслей своих боишься. – И еле слышно спросила, – Ведь любишь..., правда?– И, отвернувшись, добавила. – Твоё дело, мастер, красоту людям являть, вот и являй, коль мило. Знай, Гриша, женская красота в мире на час земной. Моя же красота вечная... Покуда существует огонь и моя красота существует. Я вечная, Гриша... И игрушка твоя тоже вечная. Не надо удивляться. Игрушка создаётся по законам красоты из глины, из земли. Создаётся при помощи огня...– И вдруг опять засмеялась. А потом замолчала и говорит изучающе. – Не слышал, значит, обо мне? А я всю жизнь тебя знаю и на свадьбе твоей была. Завидовала я твоей Устинье. Ой, как завидовала. Хотела даже сжечь её. Помнишь, как от оброненной свечи её платье огнём пошло.

– Помню...– едва выговорил Григорий. – Потушили, слава богу.

– Ой, ли... – и девушка засмеялась. – Пожалела я её, а тем паче себя. – И вдруг переменяла тему разговора вопросом: – Игрушку - то больше всего на свете любишь?! Не скрывай. Так, Гриша, так. Жену так не любишь, Гриша, как игрушку. В крови она у тебя, в соке телесном. Жилы твои, как струны, ей музыку играют. Можешь мне ничего не говорить. Я знаю. Редкие такие игрушечники как ты. Избранным такой талант даётся.

– Так, как же... – начал говорить Григорий и запнулся, потому, как при виде горновой красавицы сказать ничего не мог, мысли путались, а язык во рту превратился в настоящее полено и еле шевелился.

– А я горячая, Гришуня, ой горячая... – проговорила она игриво. – Собери всех женщин мира, а такой теплоты и неги не увидишь, как в моих объятиях. Я, Гриша, многое могу сделать для того, кто меня полюбит. Только полюбить надо так, чтоб душу мою огненную раскалить. Чтоб полюбивший смотрел на меня и не видел меня, как смотрит гончар на раскалённое в горне изделие и не видит его, ибо просвечивается насквозь раскалённая до бела глина. Дров для этого, Гриша, не надо. Чувство жарче любого огня. Ты уж мне поверь. Я из царства огня и огонь знаю. А хочешь, Гриша, я дам тебе глину такой крепости, что после обжига, её и обухом не разобьёшь?

– Такого быть не может, – сказал Григорий. – Я все залежи вокруг на двадцать вёрст знаю.

– Все, да не все, мастер. Пойди на озеро, что в Мурском лесу, в самой чаще находится, да и копни около корней вывернутого пня. Копни... копни.– Она вдруг отошла на середину горна и, сдвинув брови проговорила строго: – Прощай, Гриша... Только помни – тот, кто меня хоть раз в жизни увидел, нет тому на земле человеческого счастья. Нет ему покоя. Не мил тому белый свет и веселье человеческое не в веселье уже. Тоска съест его душу и ко мне приведёт.

– И, вдруг, исчезла, растворилась в огненном тумане и сама стала огненным туманом.

Крепко задумался Григорий после этой встречи. Молчаливый стал, озабоченность с лица не сходит. Жена Устинья к нему и так и эдак, дескать, что произошло, почему смурной? А Григорий в ответ только молчит, ус кусает, в сторону глядит, да сына трёхлетку, Андрюшу рукой гладит и в маковку целует. Видит Устинья, что с мужем что-то неладное творится, а что – не поймёт. А однажды Григорий засобирился, взял мешок, лопату и никому ничего не сказав, ушёл в направлении Мурского леса. Вернулся под вечер, зашёл в сарай да и вытряхнул содержимое мешка. В мешке оказалась глина. На вид такая же, как и другие глины в округе. Часть глины Григорий взял и водой затворил, для пробы. Затем из этой глины копилку слепил, высушил с другими игрушками, обжёг в горне.

Через три дня Григорий пошёл горн вскрывать. Он к тому времени уже достаточно остыл и можно было игрушки на божий свет вытаскивать. Снял Григорий верхние кирпичи, что горн прикрывали, стал игрушки вынимать. Вынимает Григорий игрушки, а сам думает: «Может быть и не было никакой Горновицы, может быть всё это привиделось? Ведь в этот обжиг она не появилась». И стал Григорий к этой мысли склоняться. Повеселел даже. Игрушки после обжига домой принёс, на полку, что

под самым потолком была, поставил. Каких только игрушек Григорий не делал. Были тут и райские птицы с причудливыми хвостами, и кроткие голуби. Особенно ему удавались лебеди. «Царская птица», – говорил о них Григорий.

Лебедей крюковские крестьяне видели. Барин привёз несколько лебедей и в барский пруд пустил. К лебедям Прохора приставил, из дворни, чтоб кормил, поил и глаз с заморского чуда не спускал. Прохор так и делал, исполняя волю барина, пока праздник не подошёл. Напился Прохор браги и про введенных ему лебедей забыл, что в пруду плавали. Охраняя лебедей, он и спал в телеге на берегу пруда. А когда утром проснулся, глянул и, враз протрезвел. Да так протрезвел, что вроде и не пил в жизни никогда. Видит Прохор, что около пруда по плотине одни перья лебединые валяются. Понял, – лисы лебедей съели.

Лисы лебедей съели, а память о тех грациозных птицах в народе осталась. Прохора, за недосмотр, в солдаты, пух лебяжий девки дворовые собрали и сделали для барина подушку а на ней лебедей плавающих вышили. Да так это у них здорово получилось, что барин даже хвастался перед гостями этой подушкой и каждому давал пощупать её мягкость.

Расставил игрушки Григорий на полке, полюбовался сделанной работой, пощёлкал пальцем по копилке, что в виде лебедя была сделана. Хорошая копилка получилась – лебедь в пруду купается,

крылья приподнял, шею этак изогнул и груди головой коснулся. Хоть и жалко было копилку, решил Григорий этой глине экзамен устроить. Вынес копилку во двор, поставил на пень, на котором чурбаки дубовые колол, да и стукнул по изделию поленом. Сделанное из другой глины изделие в крошку бы разлетелось, а копилка даже не лопнула. «Ты смотри! – Удивился игрушечник. – Стоит, как ни в чём не бывало». Ударил сильнее – опять ничего. Взял в руки топор – только искры из – под обуха брызнули. Ещё больше удивился Григорий и даже малость испугался, что же это за глина такая, что её и топор не берёт? Однако, больше из этой глины лепить не стал. Сомнение в душу закралось – правильно ли он поступил, отправившись за глиной? Только тут не жадность была виновата. Жадностью Григорий никогда не страдал, а пошёл за глиной из творческого интереса. Копилку после ударов топором, принёс в дом и опять поставил на полку.

Пришла Устинья, начала ужин собирать. После ужина Григорий сел новые игрушки лепить, Устинья прясть стала, сынишка на печи уснул, на валенке, чтоб от кирпичей не горячо было. Немного погодя все спать легли, лучину задули. Устинья тут же уснула, а Григорию не спится. Встал он воды попить на вторую половину дома пошёл. А как за занавеску зашёл – так и стал как вкопанный. В комнате свечные странное, по стенам шары светлые серебристые двигаются. Григорий подумал, что этот свет чрез

окна идёт и на стены падает. На окно посмотрел – ничего нет, за окном темно, только морозные окна малость серебром отсвечивают. Понял Григорий – свет этот не с улицы идёт, посмотрел на полку, а на полке, куда Григорий игрушки поставил – лебедь мерцает. То, как будто затухает совсем, а затем опять разгорается. По светящемуся лебедю шары более светлые и яркие ходят, будто зарницы на небе играют.

Перекрестился Григорий, лебедя в руки взял, любуется. В жизни такого игрушечник не видел, даже о таком и не слышал никогда. А потом он Горновушку вспомнил. И взяла Григория оторопь. «Её дело, – подумал Григорий. – Разве такое в глинном деле возможно?». Григорий копилку к уху приставил, а из копилки слова доносятся: «А ты, Гриша, с молодой женой нежься, а меня помни. Всегда помни мастер. Копилку эту никому не отдавай и не продавай. Сила в ней». Дальше смех послышался.

Испугаться Григорий не испугался, а оторопь взяла. Лебедя на полку поставил и тряпкой накрыл, сам спать пошёл, а уснуть не может, чувствует озноб по телу пошёл, зубы застучали. Устинью будить не стал. Решил днём получше копилку рассмотреть. А тут она сама проснулась, пошла в заднюю комнату воды попить, там слабое мерцание увидела, сняла тряпку с копилки, Григорием наброшенную и, ахнув, позвала мужа.

– Гриша! Гриша! Иди сюда. Посмотри, красота какая. Такого ты никогда не делал.– И, видя, что муж медлит, с нетерпением и громче произнесла, – Гриша! Ну, где же ты? Иди скорее. Как это у тебя получилось? Боже мой, какая красота, глаз не оторвать.

Подошёл Григорий, молча взял у жены тряпку и снова набросил на мерцающего лебеда. Глаша с недоумением посмотрела на озабоченное лицо мужа, на его обвислые усы, замолчала, поняла, что здесь что-то не так.

Через две недели Григорию снова понадобилось обжигать игрушки. Только в дедовом горне он обжигать не стал, а развёл огонь в своём. Григорий не знал, как относится к произошедшему с ним случаю при обжиге в дедовом горне и даже старался гнать от себя эти мысли, но они не прогонялись, а так и гнездились в голове. Пока его горн накапливал температуру Григорий взял топор и обухом стал разбивать дедов горн думая: «Вот, оказывается, почему дед велел ему сломать старый горн... Мог бы и растолковать, а то – «сломай» да и только. Ладно... чего на деда валить. Сам виноват. Горн сломаю, Горновица уже не придёт, потому как она только в дедовом горне, видимо, появляется. Счёты у неё с дедом...».

Через час со старым горном было покончено. Ещё через некоторое время в горне Григория появилось свечение. А потом, когда горн набрал нуж-

ный жар, Григорий вдруг увидел в горне ту самую Горновицу. Она зависла в огненном пространстве прямо напротив смотрового отверстия и, смеясь в лицо игрушечнику, проговорила:

– Решил, Гришенька, от меня избавиться. Или я не мила, или игрушка из новой глины не крепка? Горн дедов сломал..., чудачок. Разве горн виноват, что ты мне приглянулся. Иди ко мне, Гриша. Ну, что ты оробел. Думаешь – «сгоришь». Нет, Гришенька, ни один волос на твоей голове и усах от жара не свернётся. Я дочь огня и что ни попрошу – всё огонь для меня сделает. Попрошу – будет тебя на языках своих оранжевых носить, искрами забавлять, зарницами играть... Пламя – мой слуга. И ты, если б я захотела, давно стоял передо мной, удерживаемый им, так что и пошевелиться бы не смог. Только ты не бойся, молодец. Я этого не сделаю. Что с этого толку. Не свободная любовь – не любовь. Сколько раз я пыталась влюбить в себя парней силой, – она горько усмехнулась, – из этого ничего ни разу не получилось.

– Почему ж не получилось? – спросил Григорий.

– Мы, жители стихий, не можем понять человеческую душу. Она нам непонятна и потому притягательна. Мы понимаем, что человек будучи, по сравнению с нами, немощен обладает тем, чем мы не обладаем. Скольких юношей я в порыве злых эмоций испепелила. Нет, не испепелила, не то слово. От них, в физическом смысле слова, ничего не оста-

лось, даже пара. Однако, уничтожить человека, превратить его в едва заметный дымок – ни есть победа. Это всегда поражение. Это я осознала потом. Ах, Гриша, как мне хотелось превратить тебя в пепел, при виде того, как ты ломаешь дедов горн. Как мне хотелось расплавить твой железный топор, а горн, который ты так усердно рубил, одним дыханием своим превратить в стеклянный блинчик. Ах, как мне этого хотелось... Но, я, Гриша, не стала этого делать... Понимаешь... не стала. Это одна огненная суета и слабость. Я хочу, чтоб ты меня полюбил простой человеческой любовью. Просто так полюбил, как ты полюбил Устинью. Ведь ты её полюбил не за наряды. Хотя, какие у неё наряды... Раньше я представляла перед избранниками во всём своём огненном благолепии, я делала их богатейшими людьми мира. Я ведь могу любой камень сделать драгоценным... Только всё это ничто.

Горновицаа замолчала, немного отступила и вдруг, посмотрев на Григория с усмешкой, сказала. – Я, Гриша, твоей человеческой любви мешать не буду. Это ваши человеческие жёны хватаются за мужей, дескать, никому не отдам. На них при этом без смеха глядеть нельзя... А, впрочем, Гриша, какая там любовь и верность... Сам подумай... Ты же игрушки свои глиняные ни на что не сменяешь? Ведь так? Молчишь, Гришенька, молчишь. Сказать тебе на это нечего, потому как сила ваяния в тебе сильнее всего на свете. И не говори мне «нет». –

Добавила утвердительно, – Так, так, Гриша, и не спорь. Сравни сам, какая в тебе любовь выше – к женщине или к игрушкам?! К игрушкам у тебя, Гришенька, любовь неземная. Эти чувства повыше всего будут, потому, как даны тебе мироправителем в виде таланта. Спутниц жизни ты можешь менять, а вот талант, единственный и неповторимый, ты игрушечник, сменить не можешь. Не в твоей это власти. Ведь так? – И засмеялась весело и задорно. А, отсмеявшись добавила. – Так мастер, так. За этот талант ты, глинолеп, и ответишь, когда твой срок жизни на земле кончится. За него, милый. Использовал ли ты талант в должной мере? Как ты им распорядился?

– Зачем ты мне всё это говоришь? – озлился Григорий, чувствуя, как эта умная бестия выбивает из - под него последнюю опору и этой опорой была его семья. Он так всегда считал.

– А затем я тебе это говорю, что я хочу жить вечно, Гриша, и быть вечно с тобой. Но я, одна из стихий Земли, увы, не вечная в мирозданье. Я тебе неправду говорила, что я вечная. Я знаю, что придёт время, и Земли не будет, она сгорит. И сгорит она не от внутреннего жара. А сгорит от более сильного огня, который испепелит и Землю и её стихии.

– Я знаю это, священник в церкви намедни говорил. Потом, у меня в приятелях Прокопий – дьяк из Казанского прихода Ворушаевской церкви, с ним нередко беседы ведём. Большого ума человек. Когда

у нас в деревне бывает, всегда у меня в доме останавливается. Барский сын из Петербурга приезжает – мимо моего дома не проходит. Мы с ним в детстве дружили.

– Ты не обижайся. – Миротвориво сказала Горновица. – Никто тебя лаптем не считает. Ты очень и очень славный и житейски мудрый человек. Договорились?... Не будешь обижаться?

Григорий кивнул и, помолчав, спросил:

– Ты боишься за свою жизнь!?

– Не совсем так, – ответила Горновица. – Если вы со своим дьяком такие грамотные скажу: в древних знаниях огня есть утверждения о том, что избежит смерти только любовь и всё то, что ею благословлено. Я не совсем понимаю это выражение. Любовь ведь не вещество, это не камень, не вода. Непонятно. Я предполагаю, что вечен только человек, а точнее, его душа, которой я ни разу не смогла обладать так, как бы мне этого хотелось. Она всегда зримо уходила, проходя через пространства великих температур. Никакие огненные преграды не смогли ей помешать. Никакой температурный предел её не удержал.

– Разве это о чём-то говорит? – спросил Григорий.

– Это говорит о многом. – Перебила его Горновица. – Если б я научилась этому человеческому чувству – любить, то я бы тоже приобщилась к вечности, я бы обожествила свою огненную душу и ста-

ла бы такой же бессмертной как и человек. Во мне тоже бы были две сущности. Я знаю человека. Чем он немощнее и слабее, тем бессмертнее и могущественнее. Я видела много раз души слабых, больных и немощных... Я знаю... Я хочу быть Гриша слабой, я хочу быть немощной... В человеческой немощи сила, но почему? – я не знаю. В мире стихий всё наоборот.

– Это вряд ли возможно...– сказал Григорий. – По нашей православной вере – простая телесная немощь силы не даёт, это обыкновенная дряхлость, не более.

– А что даёт?

– Прокопий говорит, что должна быть цель бессмертия.

– А что такое, Гриша – цель бессмертия? Я действительно этого не знаю. В древних знаниях огня об этом ничего не сказано... Там говорится только о том, что стихии земли всегда находятся в противоборстве и единстве.

– Прокопий сказывал, что цель существования, это единение с Богом, с Творцом всего и вся. И что Бог – это и есть сама любовь...

– И, если словом «любовь» обозначить человеческую душу... то...

– Это не можно...

– Знаю... Гриша... знаю. И потому мне хочется научиться плакать. Плакать, как плачет твоя Глаша и другие люди. Ведь они плачут от земной слабо-

сти... правда? Я видела их в ваших храмах. Я наблюдала за ними из огня зажжённых свечей. Они там тоже плачут. Только они там совсем другие. Я не могу тебе этого объяснить... Но, их слёзы сильнее огня. Я не могла на эти слёзы смотреть. Они обжигали меня, не смотря на то, что я сама огонь... Я тоже иногда плачу, только мои слёзы текут огненными струями, в них нет бессилия и силы одновременно, как в тех, что я видела в храмах. Когда я злюсь – я становлюсь молнией и это всегда ужасно. Я не люблю себя за это.

Ты тоже, Гриша, стихия, твой дух – стихия, только стихия более мудрая и глубокая, способная покрыть все другие стихии, способная оживотворять и напитывать нас содержанием и более глубоким смыслом нашего бытия. Мы это видим и ужасаемся вашей, покоящейся в дремоте силе и не можем приблизиться к вам, так близко, как бы нам хотелось. Вы не знаете, что вы боги, а мы знаем, что вы боги. Мироздатель бережёт вас от этого знания, чтоб вы не повредились. Потому, что только бог имеет вечную жизнь. Только, почему вы находитесь на земле – мы не знаем? И вы всегда поступаете не так как мы, ну почти всегда, за редкими случаями. Я знаю, что вас подвигает на эти поступки. В вас есть некое облачко таинственной энергии, которое, когда вы так поступаете, всегда производит некий танец. Я называю его танцем вашего незнаемого духа, вашего внутреннего созидания. И чем энергичнее и пре-

краснее танец этого облачка, тем величественнее ваши поступки и тем светлее становится это облачко. Ты этого не знаешь, но ты это чувствуешь. Твоё облачко, Гриша, производит великолепные танцы, самые лучшие, что есть у людей, это так. Это облачко танцует, когда ты лепишь свои игрушки. И чем красивее игрушка, тем великолепнее в тебе танец облачка. Каждая, слепленная тобой игрушка, является частью твоего облачка и они тоже, по сути, вечны. Я была бы очень счастлива, если б часть твоего танцующего облачка осталась и во мне. Сотвори, Гриша, во мне меня, пусть я тоже стану твоей игрушкой... Ты этого не хочешь делать. Ведь так? ».

– Так... – Григорий потрянул кудрями. – Нельзя нарушать соответствия... – Он помолчал и вдруг спросил, глядя прямо в глаза Горновицы: – А можешь ты объяснить, почему ты выбрала меня, игрушечника?.. Без всяких там танцующих облачков? – И он сделал замысловатое движение рукой.

– Не скажу... – сказала вдруг она игриво и совсем по-женски.

– Почему же?

– Секрет. – И Горновица, улыбнувшись Григорию так, что у него, как-то приятно защемило сердце. Здесь она отодвинулась в оранжевом мареве к дальней стенке горна и оттуда громко со смехом проговорила. – Дрова прогорели... Игру-ше-чник... – и исчезла.

Такие встречи стали проходить каждый раз, когда Григорий начинал обжигать изделия. А вскоре, к Григорию пришёл сосед Демьян-горшечник. Подошёл, когда Григорий колот дрова для обжига.

– Здорово, сосед.

– Здоров..., сосед. Чего я тебе спонадобился?

– Дело у меня к тебе есть.

– Что за дело?

– Деликатное дело, Григорий. Слышал я неделю назад, как ты с кем-то разговаривал около горна. Смотрю – никого нет, а ты, вроде, как и на вопросы отвечаешь, и сам вопросы задаёшь.

– Не знаю, ты о чём, – грубо ответил Григорий.

Ой, ли... Только я, Григорий, всё знаю. Когда ты в сарай за поленьями пошёл – я к горну, да в отверстие смотровое и заглянул...

Демьян до этого смотрел на Григория испытующе и с хитрецей, а после того, как он признался ему в том, что видел Горновицу, стал почему-то заискивать перед игрушечником и вдруг перешёл на шёпот. Видно он сильно волновался.

– И что из того, что видел огненную бабочку? – спросил Григорий, не зная, что сказать Демьяну и пытаясь собраться с мыслями.

– А то, Григорий..., то-о-о... – продолжил Демьян. – Ты сам - то, не знаешь или притворяешься? Так если с этой Горновицей поласковее, то и дров для обжига готовить не надо будет. А обжиг, не мне тебе говорить, почти полцены горшка тянет. Смекаешь?

Знаю, что смекаешь, только почему-то пнём прикидываешься?

– А от меня-то ты чего хочешь!?

– Жалости хочу... Снисхождения ко мне и моему семейству. В нужде бьёмся. Пудами глину перелопачиваем, а достатку, сам знаешь – нет, и не предвидится. Тебе глины лопата нужна для игрушек, а мне пуды для горшков.

– А чего ты от меня-то хочешь?! – озлился Григорий.

– Отдай её мне Гриша... Богом молю... . Она ведь, девонька эта, тебе не нужна совсем. Я же это из разговоров понял, потому и рискнул к тебе подойти. Я же честно, без злого умысла, в открытую...

– Так возьми, Демьян! Как братъ - то будешь, кузнечными клещами что ли да в карман?– Григорий засмеялся. – Карман прогорит.

– Это моё дело, Гриша, – суетливо проговорил Демьян. – Главное, чтоб твоё согласие было, а там я всё улажу. Ты только один раз дай мне обжечь мои горшки в твоём горне. Добро?

– Обжигай, если так уж невтерпёж, – и Григорий пожал плечами. На этом разговор закончился. Но не закончился у него разговор со своей женой. Когда Григорий с соседом разговаривал, Устинья топала печь. Не успело в печи как следует разгореться пламя, как Устинья увидела в огне маленького роста девушку с пшеничными волосами. Глаша отшатнулась от печного жерла и, думая, что это ей почуди-

лось, заглянула в печь ещё. Нет, не почудилось. Девушка сидела и раскачивалась на горящем полене, а, увидев Устинью, проговорила:

– Не слишком ласково, Устинья, гостей встречаешь.

У Устиньи от её слов и от испуга застрял комок в горле. «Горновица», – подумала она. Девушка, ни мало не смутившись, продолжала говорить.

– Ой, Устя. Не завидую я тебе. Людская жизнь на земле – сплошные муки и забота о хлебе насущном. Ведь так!?

– Так, – вымолвила Устинья, не понимая, куда клонит незваная гостья.

– Радостей – то, Устя, – всего ничего. – Продолжала говорить девица, – а там ещё болезни всякие липнут, скот падает, в поле неурожай... Перечислять можно долго. А, самое страшное, согласишься, – пожары, ведь верно?

– Да, уж. Вор стены оставляет, а огонь и стены пожирает, – ответила Устинья, следя за каждым движением Горновицы. Особенно её поразило лицо девицы. Оно, улыбаясь – не улыбалось. Всё было как-то не так. «Почему она заговорила о болезнях, а закончила пожаром? – крутилось в голове у Устиньи. – Она кто – демон? Батюшка говорил, что демон связать может, и холод от него, что сразу узнаешь. Да и не слышала я, чтоб демоны в пламени были. Странно. Нет, мне этого не понять, а раз пришла, то обязательно пояснит, раскроется. Эвон как

её пламя от горящих дров облизывает, а ей ничего...»

– Довольно, уйди прочь. – Сказала девица и пламя, липнувшее к ней, тотчас отшатнулось от неё. – Ты, наверняка, думаешь о том, кто я и зачем к тебе пришла? – Спросила Горновица. Немного помолчала и продолжила. – Всё, Устюша, просто. Я – дочь огня. Мне пламя служит и предо мной преклоняется. Я тебе, твоим детям, твоему дому хочу помочь. Я избавлю вас от пожара и болезней. Согласна? Все болезни боятся огня.

– Кто ж этого не хочет... Только у нас принято за всё платить. Денег же у нас не густо, – проговорила преодолевая спазм в горле, Устинья.

– А деньги и не нужны. – Торопливо сказала девица. – Ты о них не думай. Жить будешь, Устюша, припеваючи. Откажись от Григория...

«Понятненько. Вот теперь всё встало на свои места». – Подумала Устинья и, иронично улыбнувшись, сказала:

– Что ж ты ко мне пришла? С ним бы этот вопрос и решала.

– Нельзя, Устинья, этот вопрос без тебя решить.

– Пыталась, значит уже..., ну...ну. – Усмехнулась Устинья. – Отказал...

– Нет у меня, Устюшенька, возможностей семьи рушить. Сила в них, мне неведомая, такая сила, что сила огненная, по сравнению с ней – ничто. Вот я и хотела с тобой полюбовно договориться.

– На выгодных условиях, значит.– Сыронизировала Устинья.

– Мил мне Григорий. Ой, как мил. А я бы твою жизнь устроила. То, что у вас здесь ценится – у нас грязь. Я дочь огненной стихии, я смогла бы сделать тебя счастливой.

– Счастливой, по-твоему, это не болеть, не гореть и полные короба в закромах, так что ли?

– Для меня, Устя, это не так. А у людей, это в большинстве случаев так. Вот я и подумала... Ты ведь человек более земной, чем твой игрушечник. Он небожитель. Его душа принадлежит более мирозданию, чем ему самому. А ты, земная, должна и рассуждать по-другому...

– Совести у тебя нет и не будет никогда. Прощайте... – Сказала решительно и грубо Устинья и задвинула печную заслонку.

– Что такое совесть?! – выкрикнула из-за заслонки дочь огня. Устинья не ответила. Из печи слышались всхлипывания, затем из - под заслонки вдруг, как вода, побежал огненный ручеёк, вроде металла расплавленного. Он был уже готов стечь на пол, но Устинья, поняв, что возможен пожар, быстро подставила горшок и огненная струйка стала стекать в глиняную посудину. Затем огненный ток ручейка прекратился, а накалившаяся докрасна печная заслонка стала остывать. Устинья опустила на скамейку и, закрыв лицо ладонями, заплакала то ли от бессилия, то ли от радости.

«А что же с Перерытым озером и со светящимся лебедем? – спросит читатель. – Не так же просто сказитель описывал это забытое людьми место?».

Всё правильно. И вопрос законный. Мы не будем подробно выписывать детали обжига Демьяном своих горшков в горне Григория. Скажем только, что обжиг этот состоялся. Знаем от людей то, что сосед не раз похвалялся, что теперь он горшки с малой толикой дров обжигает. А скоро и совсем обжигать не будет, потому как есть такая глина, что обжига не требует. Слепил из неё горшок, высушил и хорошо. Воду ни в жисть не пропустит. А уж креп-ка-я..., слов нет. Горшок, из неё сделанный, хоть поленом колоти, хоть санями на него наезжай, а ему хоть бы что. Глина эта недалеко находится, а вот где, он пока не знает.

Слушал эту Демьянову похвальбу и Григорий, жевал при этом ус и только хмыкал на очередной выверт соседа. Он-то хорошо понимал, кто за всем этим стоит. Демьян же, знай соловьём поёт. А по весне его вдруг в деревне не стало. Видели люди, как он запрягал лошадь в телегу, как клал в неё лопаты, верёвки и другие инструменты и как рано поутру выехал со двора в направлении Мурского леса. Всё лето не было Демьяна в деревне. Жена Прасковья одна по хозяйству с сыновьями управлялась. А ближе к осени забеспокоилась. Сама в лес идти не решилась, а пришла к Григорию и стала просить его

сходить в Мурский лес на озеро, что Григорию известно, и посмотреть, что там делает Демьян, потому как у неё на душе тревожно – не сгиб бы.

Григорий в начале отнекивался, но соседка была настойчива и слезлива, а Григорий слёз не любил и вняв мольбам женщины отправился в Мурский лес. По мере приближения к озеру до Григория начали доходить отдалённые звуки: то удары, то скрежет, а по мере приближения к месту стали слышны позвякивания и отдельные выкрики. Только напрямую к озеру Григорий не пошёл, а решил зайти с боку а, приблизившись к озеру, хорошенько рассмотреть, что же там происходит?

Он так и сделал, зашёл со стороны, пробрался по кустам бересклета и, раздвинув последние кусты перед озером, изумился. Изумился он открывшейся перед ним картине. А картина эта состояла в следующем: перед ним лежало совершенно без воды озеро. С боку озера в направлении оврага Григорий увидел прорытый канал. По этому каналу и была спущена из озера ржавая вода. На дне озера было ещё достаточно мокрой и подсохшей по краям тины с глубокими трещинами в три пальца ширины. Там, где земля на дне подсохла, зияли вырытые глубокие ямы, а по краям ям виднелись большие камни-дикари. Видно, наткнувшись на них, землекоп применил верёвки и вытащил их при помощи установленного на берегу озера, сколоченного из стволов воротила.

Больших ржавых камней было навалено много и около воротила. По дну озера были проложены дубовые гати от ямы к яме, для удобства передвижения по топкому месту. Над одной из ям на дне озера то и дело взлетала земля и доносилось кряхтение. «Демьян роет – подумал Григорий, – больше некому в этом месте быть».

Через некоторое время, земля перестала взлетать над ямой и над краем её появилась голова обросшего до неузнаваемости человека. Голый по пояс, в измазанных землёй подштанниках Демьян (а это был он) подтянувшись, вылез из ямы и сел тут же на выброшенную чёрную сырую землю и стал отирать пот со лба. Через малую толику времени он стал размахивать руками и что-то говорить взволнованно, с выкриками.

«Не с ума ли он сошёл?» – подумал Григорий, но тут же отбросил своё предположение, потому как увидел по ту сторону ямы, на камне, сидящую Горновицу. Именно с ней и разговаривал Демьян. Григорий стал вслушиваться в разговор.

– Ты утверждала, что на дне этого проклятого озера находится чудодейственная глина!!! Я поверил! А её здесь нет, я всё озеро перерыл! Одни ямы рою, другие закапываю и всё бесполезно! Ты обманщица, а я доверчивый идиот, поверил в твои сказки!

– Что ты так, Демьян, убиваешься, что плачешь?
– Послышался голосок Горновицы. – Не даётся тебе

глина. Сам виноват. Григорию далась, а тебе нет, а он всего пять раз лопатой копнул, – и засмеялась весело и непринуждённо.– Ушла в недра глина. Теперь её не достать, далеко ушла. Я дочь огня, но не хозяйка недр. Обидел ты видно чем-то Недровицу, вот она и опустила слой глины на недосыгаемую для человека глубину.

– Чем же я мог обидеть эту Недровицу? Я ж её никогда не видел...

– Мысли твои она увидела, расположение твоих душевных сил. Этим и обидел.

И вдруг Демьян схватил лопату и замахнулся на Горновицу:

– Убью стерва!!!

После этих слов, из камня на котором стояла Горновица ударил в небо столб рыжего огня, а Горновица оказалась в середине этого огненного столба. Демьян отпрянул, выроненная из рук лопата тут же сгорела, даже металл превратился в пар.

– Прощай, молодец,– проговорила Горновица и огненный столб, отделившись от большого камня, завис в воздухе, а затем, облетев озеро по краю берега остановился напротив Григория. Глаза Горновицы и Григория встретились. Горновица, немного смущённо пожала плечами, улыбнулась краешками губ, согнула в локте руку и одними пальцами раза три помахала игрушечнику, а огненный столб заколебался, стал деформироваться и вдруг превратился вместе с Горновицей в большую, необычайной кра-

соты огненную птицу с длинной шеей и причудливо изукрашенными жаром крыльями и хвостом. Птица, взмахивая крыльями и искрясь, стала медленно подниматься над озером, затем над деревьями, затем ускорила движение, стала удаляться и, наконец, превратилась в летящую хвостатую звезду. Демьян же стал выкрикивать вслед огненной звезде ругательные слова и с остервенением бросать в её направлении комья земли, которые тут же плавились и падали в озеро большими рыжими каплями. Потом горшечник повалился на свежевыкопанную землю и заплакал.

Много с тех пор времени прошло. Место, где находится Перерытое озеро преобразилось: осыпался канал, запрудив выход из водоёма, в озере опять набралась рыжая гниlostная вода, выросли новые деревья, а срубленные и выкорчеванные Демьяном сгнили и только одни камни-дикари, вросшие наполовину в землю, остаются вечными памятниками разыгравшейся здесь человеческой трагедии. Копилка, сделанная мастером из необыкновенной глины, затерялась. Может быть ещё и найдётся, ведь разбить её невозможно.

Сказ о том, как скудельный петух Фомкиного петуха уму-разуму учил.

*По рассказу Евстифеевой
Евдокии Андрияновны.*

Если уж в каждом монастыре свой устав, то и деревни от них тоже далеко не отстали. За примером далеко ходить не надо. В одной деревне напалок так на черенок косы крепят, а в другой – совершенно по-другому, и хоть ты лоб расшиби, иначе делать не будут. Или вот, например, в деревне Большая Фёдо-

ровка, что от Большой Крюковки в семи верстах стоит, все мужики в те времена носили картузы и галифе, а в соседних деревнях такой традиции не было. И тем благопристойней в Большой Фёдоровке хозяин, чем у него картуз или галифе на особинку выглядят, там кант вишнёвого цвета, вместо красного, не как у других, или цвет картуза погуще. В Крюковке же, равно как затем в образовавшейся Малой Крюковке, мужики больше петухами хвалились, а картузы хоть и носили, но без какой-либо особенности в их отношении.

В Крюковке хороший петух, можно сказать, определял статус хозяина, и потому, все мужики старались в своём хозяйстве хорошим петухом обзавестись, чтоб был и красив, и горласт, и статен, и обязательно боец хороший. Боец – это, пожалуй, самое главное, но негоже, чтоб твоего петуха соседский бил, это даже и неловко как-то, хоть на улицу не выходи, срам один. А тут ещё мужики сойдутся, и первое у них дело о петухах поговорить. Бойцовские качества петухов обычно «на самовар» проверяли. Вынесет хозяин во двор до блеска начищенный самовар, поставит и наблюдает, как кочет со своим отражением настоящий бой ведёт. Если пяток наскоков сделает и бросит, то сообразительный, а если драться не перестаёт, то петух этот самоварный и годен только в суп.

В общем, петух в деревне всему был голова. И всё бы ничего, если б не деревенский мужик Фомка.

Хозяйство у Фомки было поплоче, чем у других, да и сам он был не из видных, сморчковатый. И угрозило же Фомку привезти в деревню этого петушишку; на первый взгляд, разве его кто задаром отдал: маленький, на одну ногу припадает, гребешок наполовину отмороженный, набок свалился, из хвоста всего три пера потрёпанных торчат, не больше, а под скуластенькой головёной серёжки синюшные мотаются, если б можно их было отстегнуть, то надобно б это и сделать, чтоб не срамотиться. Посмотрели мужики на это чудо в перьях, головами покачали, да улыбки в усы спрятали, потому, как чего не скажи – всё равно обидишь.

Но петух этот оказался только на вид плюгавенький. Ровно через неделю соседи Фомки стали замечать, что их петухи на улицу не идут, куры без них гуляют, а с ними этот самый хроменький вышагивает, да на левую припадает: чуплык - чуплык, чуплык – чуплык. Припадал бы он там и припадал на свою левую, и дел никому никаких нет, как говорится, каков поп, таков и приход. Так нет же, через неделю Тетериного петуха этот заморыш совсем со двора сжил, и спасался кочет где-то за двором, в крапиве и лопухах, пока его хозяин не нашёл и в суп не употребил за дворовой ненадобностью.

Тут деревенские мужики над Тетерей стали подтрунивать, что, дескать, зря петуха жизни лишил, потому как лопухи за его двором реже стали расти, некому их стало обхаживать. Только недолго они

так подсмеивались, за Тетериним петухом пришёл и их петухов черёд, тоже стали после проигранных сражений по лопухам скитаться. Тут все мужики примолкли и над Тетерей уже не подтрунивали. После этого Фомкиного петуха стали называть за его припад на левую ногу и за особые бойцовские качества «Хромым бесом». И ходил этот Хромой бес по деревне хозяин хозяином, потому как равных в бою среди деревенских петухов он не находил.

Мужики Фомкиного петуха зауважали. Наиболее языкастые стали говорить в шутку, что от крестьян в Москву с наказом в комиссию¹ надо было посылать не одного депутата, а с Фомкиным петухом в придачу, тогда, глядишь и вышло бы крестьянам обязательно послабление». «Не..., в комиссию не годится..., ему лучше с турками воевать, – говорили другие. – Мал, да смекалист. Прирождённый воин, а вы его куда? Там голова нужна, а с турками необходима храбрость, чего петушишке не занимать...».

Из деревенских мужиков у Тетери на этого Фомкиного петушишку самый большой зуб образовался. Он в пересуды мужицкие не лез.

И вот однажды запряг Тетеря мышастого жеребца, бросил в телегу связанного барашка и куда-то уехал. Под вечер приезжает, только уже без барашка, а в мешке что-то есть, живое. Въезжает он во

---

¹ Речь идёт об Уложенной комиссии, собранной Екатериной Второй, для систематизации законодательства, работавшей в 1767-1768 годах

двор и выпускает из мешка петуха. Откуда он его привёз, неизвестно; только посмотреть на этого петуха мужики толпой ходили и петуха этого «Прынцем» за его красоту прозвали. Петух действительно был что надо: статный, грудь колесом, гребешок ладный, стоймя стоит и солнцем просвечивается, будто изумрудный, а серьги – всем серьгам серьги, хоть барыне в подвески. Я уж не буду рассказывать о его перьевых переливах, потому как всё равно их описать не смогу, а только всё испорчу, и у читателя из-за скудости моего литературного языка, сложится неправильное о петушином наряде мнение, лучше на слово поверить, что таких красавцев в деревне не видывали, и в соседних деревнях тоже.

В первую голову петух тем отличился, что вышел с хохлатками на улицу и всех, там имевшихся, петухов под ворота загнал, затем взлетел на навозную кучу и громко пропел, победное – «Ку-ка-ре-ка-ку-у-у!!!». И вот тут-то и началось. Откуда ни возьмись, появляется у навозной кучи Хромой бес, голову набок склонил и изучающее так смотрит красноватым глазом на Тетериного красавца, видно, когда Тетерин петух других петухов уму разуму учил, его поблизости не было, а ровно через двадцать минут, только ленивый не мог наблюдать, как бегал Тетерин красавец по деревне, а за ним гонялся Хромой бес и если б ни его хромота, то, наверное, и совсем бы угнал Прынца из деревни.

Спасла Прынца жена Тетери. Она вышла на улицу, встала у калитки, расставила широченную юбку, какую в те времена носили, так перепуганный кочет в эту юбку со всего петушиного бега и влетел. Только бежал он уже не от Фомкиного замухрышки, а от Тетери, размахивающего над головой топором и кричащего в адрес петуха одно выражение крепче другого. Хотел Тетеря отнять у жены несчастную птицу, но тут соседки вступились, отчего досталось не только Тетере, но и всем мужикам деревни. «Что ж, – говорят бабы, – на всю деревню один петух, как петух появился, и того изничтожить решили..., не бывать этому, и пусть Фомка девадет своего Хромого беса, куда угодно, хоть за ногу во дворе привязывает, так как всё равно ни толку, ни вида, только и делов, что драться умеет, как Савоськин сын..., у которого ни жены, ни детей, в одном хорош – в драке, только с драками его не жить, потому и не идёт ни одна девка за него замуж. А ты, Тетеря, что хочешь делай, хоть Прынца драться учи, хоть кольчугу ему сладь, но птицу не трогай, от него, глядишь в деревне приличные цыплята появятся, иначе от Хромого беса одними драчливыми замухрышками обрастём».

Вот такая развилась из, казалось, простого дела, история. После такого заступничества стал Тетеря думать, как Прынцу Фомкиного замухрышку помочь победить и бабий наказ исполнить? Потому, как не победить, было никак нельзя и привязать

Хромого беса за ногу, как советовали бабы, тоже, не по деревенскому уставу, а раз по закону нельзя, то и разговоров нет.

После этого события Тетеря стал реже выходить на улицу, а всё что-то дома сидит и прикидывает. Надо сказать, мой предок Андрей Григорьевич и раньше попусту по улице не ходил и байки со словоохотливыми мужиками не рассказывал, а дома с глиной и деревом возился, да лепил всякую всячину. И всё у него хорошо выходило: и скамеечка, и игрушка для ребятишек, и сани. Никто в округе не мог такие сани сделать как Тетеря, хотя мастера были и неплохие, особенно в селе «Ягодная Поляна» или у мордвы. А игрушечников-глинолепов почитай вокруг вёрст на двадцать ни одного не было. Только как этим мастерством петуху поможешь? И получается, что никак. Так не сходится же с Хромым бесом около навозной кучи самому на кулаках? Думал, думал Тетеря и придумал.

Через некоторое время слепил он из глины и поставил во дворе на просушку большого петуха, по стати точь-в-точь Прынц, только глиняный. Когда петух высох, Тетеря ему обжиг в яме устроил. Домочадцы думали, что это он такую игрушку слепил, а нет, всё изделие было утыкано дырочками. Потом Тетеря опять куда-то съездил, привёз старого бельмоватого петуха, на Прынца окрасом похожего, видно, от тех же хозяев, заколол, оципал, а перья аккуратненько собрал и к себе в сарай отнёс. Там он

эти перья в дырочки на глиняном петухе вставил и для крепости на столярный клей посадил, в результате получился настоящий глиняный Прынц, его-то рано утром и выставил Тетеря на навозную кучу и к чурбаку прикрепил, а сам из-за плетня наблюдает, что будет?

Значит, глиняный Прынц стоит, ветерок дует, перьями на изделии шебуршит. От ветерка глиняный Прынц покачивается, вроде на месте топчется. Увидел Фомка глиняного Принца на навозной куче, за настоящего принял, поспешил домой и в калитку кур на улицу выпроваживает, чтоб Хромой бес Прынца увидел и трёпки ему задал. Хромой бес как вышел за калитку, сразу «Прынца» на навозной куче заметил и напрямик к нему направился. Смотрит через калитку Фомка, за своим петухом наблюдает и на «Прынца» с улыбкой поглядывает, дескать, сейчас Хромой бес тебе покажет навозную кучу, быстро слетишь, ишь, расфараонился.

Подходит Хромой бес к навозной куче ближе, и пора бы уж «Прынцу» от Фомкиного петушишки дёру дать, только «Прынц» никуда с навозной кучи не спешит, а даже, этак нагло смотрит на приближающегося противника, будто и не узнаёт вовсе. «Может быть, его Тетеря для смелости медовухой подпоил, – подумал Фомка, – откуда вдруг такая смелость? Ну, ничего, сейчас она с него слетит». А Хромой бес уже на навозную кучу поднялся и с ходу

на «Прынца» налетел, ударил клювом так, что у самого в глазах потемнело. А как же не потемнеть, попробуй, стукни лбом не в подушку, а в балясину, пожалуй, зачешешься...

Крепко ударил клювом «Прынца» Хромой бес, изо всей силы ударил, ещё и крыльями помог, и на грудь взял, чтоб уж разом рассчитаться. От этого удара упал «Принц», а Фомкин петух через него перекувыркнулся и по инерции до основания навозной кучи скатился, умел боец в удар вложиться, в чём ему не откажешь. Молодец боец, а упал потому, как не думал, что Прынца легко с ног собьёт.

Как скатился Хромой бес, так тотчас вскочил, глядь, а противник как стоял, так и стоит на вершине навозной кучи, только немного покачивается, вроде с ноги на ногу переминается. Рассерчал петушишка и снова на «Прынца» ринулся, только не так быстро, чтоб опять с навозной кучи по инерции не слететь, и не сбоку, как прежде, а подскочил, крыльями куцыми взмахнул, когти выставил и сверху налетел. И в этот раз он опять с ног «Прынца» сшиб. Упал «Принц», а так как был сделан по примеру Ваньки-встаньки, то тут же поднялся.

Смотрит Хромой бес, что сколько бы раз он Принца не сбивал, тот всё на ноги становится и бежать никуда не собирается, и не боится ни его клюва, ни его когтей, а ведь удары были не слабые. Этого петушишка никак не ожидал и решил в послед-

ний раз наскочить, и уж окончательно повергнуть «Прынца», чтоб уж раз и навсегда.

Тут надо оговориться, Хромой бес был бойцом отнюдь не самоварным и умишко кое-какое имел и наверняка бы раскусил, что петух не настоящий, только для этого надо было раза три ещё наскочить. А чтоб уж окончательно убедиться, тут без коронного прохода под крыло с выходом за спину никак было не обойтись. Ни один петух такого приёма не выдерживал и всегда спешил унести ноги, чтобы хуже чего не вышло.

Для Хромого беса, главным было – очутиться сзади врага, да тотчас долбануть противника в затылок, отчего у многих петухов драться с Хромым бесом сразу охота пропадала. Только и Тетеря этот петушишкин приём подметил и к нему приготовился.

Выбрал удобный момент Хромой бес и поднырнул «Прынцу» под крыло, а как поднырнул, то «Прынц» зажал сразу крылом его голову и не отпускает. Хромой бес и так и эдак, а голову вытащить не может, и только с каждым его рывком его горло сильнее крылом сдавливается, что аж дышать становится нечем. Хрипит петушишка, а «Прынц» его отпускать и не думает. Тут над калиткой Фомкина голова появилась, пытается Фомка рассмотреть, что же на навозной куче происходит, только далековато, не разобрать.

Занемог Хромой бес, обессилел, на навозную кучу повалился, и за собой «Прынца» увлёк. В этот момент Тетеря за верёвочку потянул – голова драчуна и освободилась. Петушишка, как почувствовал свободу, сразу на ноги стал подниматься, а лучше бы и не поднимался, потому как «Прынц» тоже вертикальную позу стал принимать и по инерции в сторону Хромого беса качнулся, а как качнулся, так и ударил калёным керамическим клювом со всего глиняного весу петушишку в голову, да так, что тот с навозной кучи кубарем покотился.

Как же не покатишься, когда глиняный петух несколько раз Хромого беса тяжелее. Понятно, что этот удар от смещения центра тяжести получился, а не потому, что его глиняный Прынц по-настоящему клюнул, только голове петушишкиной от этого не легче. От этого удара он вообще остаток соображения потерял, а как скатился с навозной кучи, то куда и воинственность его делась, побежал напрямик домой и ни разу не оглянулся. А «Прынц» и не думает его преследовать, стоит на навозной куче, и только ветерок его оперением играет. Увидел это Фомка и от калитки отошёл, чтоб сраму не видеть. Издали он не заметил ни подмены, ни Титериной верёвочки, что тянулась к хитрому приспособлению под крылом «Прынца».

После этой схватки Хромой бес с неделю на улице со двора не выходил. А как тут выйдешь, когда он

только под калитку голову просунет, а Принц уже на навозной куче стоит и его, петушишку, дожидается. А петушишке снова драться не резон, потому как от прошлого поединка в голове гуд не прошёл. Только и это не главное, а главное то, что «Прынц» не по петушиным законам и правилам дерётся, и эти законы и правила для Фомкиного петушишки неизвестны и непонятны, а раз непонятны, то и страшно ему становится даже в собственном дворе и среди хохлаток неуютно.

Фомка тоже в долгу не остался, зачем ему петушишка, что драться перестал? Разве мелкоту плодить, взял, да и отправил его в суп.

Бабы в деревне этим событием, тоже остались премного довольны, потому, как на следующий год появились у Тетериных наседок невиданные ранее цыплята, один красивее другого, и понесли хозяйки в решете Тетере куриные яйца на обмен, чтоб и у них такие же вывелись. Так и запестрела деревня диковинными молодками и красавцами петухами, что и из других деревень стали за курами приезжать и к себе в телегах увозить.

Принесла Тетере на обмен яйца и Фомкина жена. Эти яйца Тетеря пометил и особо положил.

Конечно, тогда жители деревни ничего о генной инженерии не знали, но о животине пеклись и понимали, что от плохонькой коровёнки – не жди хорошего телёнка. Тетеря, понятно, догадался, что от

петушишки, если его потомство укрупнить, в будущем хороший петух может выйти. А прилил ли Тетеря петушишкиной крови к Принцеву потомству или нет, до нас это не дошло, а вот, что в хозяйстве Тетери все петухи красавцы были, и ни одному петуху спуску не давали, то это верно, хотя забияками не были, и никто на них не жаловался. Нрав, видно, от Принца переняли. Вот такая произошла петушиная история.

А уж о сыне Андрея Григорьевича Африканте Андреевиче пришлось написать целую повесть. Эту повесть я назвал «Глиняные шарики, или сказ о том, как игрушечник Африкант Наполеона воевал». И тому были веские основания. Родился мой прапрадед в 1794-ом году, а умер в 1858 году, установлено точно, так в церковно-приходской книге записано. Дал моему предку батюшка крестильное имя Африкант. Больше такого имени я в приходских книгах ни разу не встретил. От этого имени и наша фамилия образовалась. Дети этого Африканта стали Африкантовыми. Сам Африкант был крепостным и фамилии не имел. А чем он в роду игрушечников отличился понятно из названия повести.

*Глиняные шарики,
или
сказ о том, как игрушечник
Африкант Наполеона воевал*

*Рассказ Наумовой
Марии Михайловны*

За давностью лет, трудно уже воспроизвести абсолютно точно детали тех событий, только известно, что Африкант Андреевич, мой предок, житель деревни Крюковка, Саратовской губернии, крепостной крестьянин, а по призванию игрушечник-глинолеп,

с Наполеоном воевал. И получилось это совершенно случайно. Было ему в ту пору восемнадцать лет и взял его барин Житков Пётр Никитич с собой в дальнюю поездку, родную сестру от Наполеона спасать.

Сестра его жила вместе со своим мужем Фролом Иванычем в Калужской губернии. Барин её очень любил и потому, как только наполеоновские войска заняли Москву, принял незамедлительное решение ехать в Калугу и привезти сестру в Крюковку дабы уберечь её от наполеоновских орд. Барин в исполнении своих решений был скор и возражений не терпел. Старый вояка, артиллерист, изрядно покалеченный в сражении под Аустерлицем и потому не имеющий возможности продолжать службу в армии, он в чине капитана вышел в отставку и поселился в своём имении в Крюковке. Тогда ещё была всего одна Крюковка, Малая Крюковка ещё не образовалась.

Искалеченная нога и выбитый на поле боя глаз нисколько не мешали отставному капитану вести хозяйственные дела добротнo и содержать своё имение в полном порядке, чего не скажешь о его сестре. Не было в ней хозяйственной жилки, как у Петра Никитича. Муж её, Фрол Иваныч, был вообще далёк от всяких хозяйственных дел. По влечению своей натуры, он был художник. Жена в нём души не чаяла. Весь, какой-никакой доход от имения уходил на аренды выставочных залов, на кисти,

краски и прочие художественные надобности, в чём сестра Петра Никитича не могла мужу отказать, считая его очень талантливым, но пока не признанным художником. Она трепетно относилась к его всевозможным выставкам и выставочкам, принимала бурное участие в их организации, считая каждый раз, что уж на этот раз звезда Фрола Иваныча засверкает во всю свою силу и не признать его гениальности будет никак невозможно. Но одни выставки проходили, без каких либо последствий, а другие тут же нарождались. В чём Фролу Иванычу было не отказать, так это в светлости души и чистоте творческих порывов. «Моя Кузенька», – называл Пётр Никитич свою, живущую больше душой, чем разумом сестру и не жалел для неё и её мужа ничего, терпеливо ежегодно покрывая их долги и нередко наезжая к ним в сельцо, чтобы навести хоть какой-либо порядок в хозяйственных делах. Он сам и старосту присмотрел, Зосиму, из местных крестьян, поручив ему вести дела, и доверялся больше ему, нежели сестрице с мужем.

Жил Пётр Никитич у себя в Крюковке в большом барском доме вдвоём с матерью, Параскевой, которая от старости уже плохо ходила, но была ещё в своём уме. Как ни уговаривала Параскева сына не ездить, в такое неподходящее время к сестре, её просьбы никаких последствий не имели. Пётр Никитич страшно не терпел разного рода упрашиваний и когда такое происходило, то он, наоборот,

прилагая к делу особое упрямство, оставался твёрд в осуществлении собственного решения. «А в какое время ещё ехать!? – спрашивал он укоризненно, уставясь на мать своим единственным глазом, – именно сейчас и ехать надо. В другое время и Зосима справится. Надо распоряжения дать, да и мою незабвенную Кузеньку с её Фрольчиком увезти от греха подальше. Они ведь сердцем живут, да душевными порывами, в мечтательности пребывают, а эти вещи с войной не совместимы». Он всегда называл мужа сестры – Фрольчиком, что по детскости натуры к нему более всего и подходило.

В то время до деревни доходили о Наполеоне и его армии всякие страшные новости. Стало известно, что Наполеон сжёг Москву и что некоторые москвичи бежали из города ещё до занятия его войсками Наполеона. Многие из них приехали в Саратов и поселились у своих дальних или близких родственников, потому слухи те носили бесспорный характер. В это время в Саратовской губернии для помощи армии были организованы сборы пожертвований. Сборы эти были всенародными. В жертвованиях принимали участие все сословия, вносили все кто чего и сколько мог. Купцы жертвовали много. Крестьяне, по скудости доходов, жертвовали меньше. Для сборов, по деревням ездила большая телега и в неё крестьяне клали всё, кто чего мог без всяких списков и записей пожертвованного. В телегу клали: варежки, шапки, онучи, или новый хоро-

шо наточенный топор, что был в крестьянской семье особо ценным орудием труда. «В армии всё сгодиться», – говорили мужики, снимая с себя полушубки и бросая на воз. Больше всего эти возницы, или сборщики пожертвований и были главными распространителями новостей.

В Саратовской губернии по указу царя не создавалось ополчение и многие жители губернии уходили в Пензу, чтобы влиться в пензенское ополчение. Таким образом в пензенское ополчение ушёл старший брат Африканта. На семейном совете решили, что одного солдата от семьи хватит и что Африканту в ополченцы идти не следует.

Не очень хочется Африканту в такую дальнюю поездку ехать, дома жена молодая, а его осенью да в незнакомые края. Ладно бы там с французом воевать, а то барыньку с Калужской губернии везти. Тьфу ты, нелёгкая. Да кому она там нужна в своей деревне? Так Банопарт на неё и позарился? Барынька не богатая, даже собственного выезда нет. Сельцо, где она проживает, небольшое. Ох, не хочется Африканту ехать, только против барина чего скажешь, человек Африкант подневольный, крепостной. Раз барин сказал, то и надо выполнять. И не дальняя дорога тяготит Африканта – с Фёклой года ещё не прожили, четвёртого февраля свадьбу сыграли, а летом француз напал. Только делать нечего, подождёт Фёкла Ильинична пока Африкант барское

дело справляет. Не отцу же ехать в такую даль, да и стар Андрей Григорьевич для таких расстояний, пусть по дому управляется. Единственное, о чём жалел Африкант, так о том, что не успел налепить да обжечь к Рождеству игрушки, ребятишкам в подарок. Кто же думал, что так дело повернётся и придётся ему в Калугу ехать. Детям игрушка – радость. Каждый год в Рождество дарит Африкант игрушки ребятишкам. Пришёл, кто к нему в дом Христа славить, то и получай глиняную игрушку в подарок. Детям игрушка в радость, дети дом игрушечника Африканта никогда не обходят.

Факт, Африкант и не должен был ехать под Москву, у барина был кучер из дворни, Ферапонт. Но Ферапонта вдруг свалила лихорадка и в дальнюю дорогу взял барин кучером Африканта. Африкант – мужик молодой, смекалистый, да и силёнкой не обижен, на масленицу всегда первый в любом весёлом поединке. На столб ли скользкий залезть или на кулаках сойтись, ему всё нипочём. А, главное, он был человек весёлый, каждое дело делает с прибаутками да присказками. Его удаль да смекалка в столь тревожное время – не лишние. Ферапонт – ямщик надёжный, но молчун. Правит себе лошаадьми и молчит, а Африкант – песенник, а песня дорогу укорачивает.

С вечера заложили карету, положили тёплую одежду, на чём так настаивала старая барыня, съестных припасов на крайний случай. Не забыл Пётр

Никитич взять с собой и пистолет. Время военное, а дорога дальняя, может сгодиться, потому, как лихие люди ещё не перевелись на белом свете и можно ожидать всякого.

Фёкле тоже не хотелось отпускать мужа в неведомые края, но разве что скажешь, и кто тебя послушает, барскую холопку. Однако, часов в пять утра, проводила мужа, окропив его плечо слезами и долго стояла у калитки вслушиваясь в топот копыт удаляющихся коней. Вышел проводить сына и отец шестидесятипятилетний Андрей Григорьевич. По хозяйству он занимался уже меньше, силы стали не те, что раньше, а вот обязанности сельского старосты исполнял ревностно и со знанием дела. Был он справедлив и строг, крестьяне его уважали. «Ты лошадам в дальней дороге укорот давай, – напутствовал он сына. – А то до Тамбова не дотянешь, как выдохнутся и поспех выйдет в смех». «Ладно, тя-тя, – смущаясь, отвечал Африкант, – Знаю». Однако Андрей Григорьевич лично проверил упряжь, подсунул под шлею руку и, убедившись, что всё сделано как надо, отпустил сына.

Из Крюковки выехали, когда было ещё темно, с расчётом к рассвету добраться до Аткарска. Как рассчитывали, так и получилось. Только забрезжил рассвет, как показалась городская окраина. В Аткарске останавливаться не стали и, выехав из города, свернули на тамбовскую дорогу. Про город Тамбов Африкант слышал. В Саратове на базаре с кучерами

из Тамбова разговаривал. Только барин сказал, что из Тамбова они поедут в Тулу. В общем, путь не близкий. Барин сказал, что за две недели управятся.

Ничего значимого с Африкантом и отставным капитаном Житковым вплоть до Тулы не произошло, если не считать оборвавшейся постромки, да влетевшей в спицы заднего колеса изогнутой палки, которая так плотно влезла между рессорой, осью и спицей, что пришлось провозиться с ней добрых полчаса, пока её оттуда извлекли.

Две крепкие барские лошади «Певец» и «Звёздочка» легко везли полупустую карету. Африкант на облучке песни поёт, пара пегих вёрсты отмахивает, а барин в карете дремлет. Сентябрь. Погода хорошая, Африкант правит да по сторонам посматривает, интересно ему, как крестьяне в этих краях живут. Так далеко Африкант никогда не ездил. Самое дальнее – до Петровска. А тут – Тамбов – Тула – Калуга.

Сама Калуга им была не нужна, потому что поместье сестры находилось между старой и новой калужскими дорогами. Африканту всё равно – новая эта дорога или старая, если он ни ту, ни другую в глаза не видел. На барина надеялся. Пётр Никитич знал те места хорошо, не раз к сестрице ездил.

Ехали не спеша. Барин был неохоч до быстрой езды, а пуще всего жалел лошадей, считая, что если они приедут на час или два позже, то ничего не случится. А вот что крепкие, сытые и не загнанные ко-

ни могут даже жизнь спасти, в этом он был уверен и неоднократно рассказывал историю про то, как лошади в зимнюю стужу и сильный снегопад с метелью его от верной смерти избавили. Он на своих пегих домой добрался, а другой барин замёрз, потому как коней при покупке подбирал более для форса, чтоб конь голову красиво задирает, да ногами игриво перебирал. Вот и доперебирались ногами лошадки – барин замёрз, а игривых лошадок волки слопали. На своих пегашек Пётр Никитич надеялся. Статью хоть и не взяли, но сильные, тягущие. Если надо, из них любая в одиночку, хоть Певец, хоть Звёздочка карету увезут.

До Тамбова никаких особых примет военного времени не ощущалось, разве что большое количество обозов в сторону Москвы шло, да партии ополченцев встречались, вот и все приметы. А вот после Тулы дорога стала иная: то на рысях кавалерия обгонит, то новенькие пушки на таких же новых лафетах провезут, то роты солдат в полном военном обмундировании строем пройдут, то фельдегерь аллюром проскачет. А как переехали речку Лопасню, то стали им попадаться группы крестьян с котомками и с малыми детьми, что навстречу шли. А чуть дальше проехали, то и сожжённые избы стали встречаться. При виде сожженных изб у Африканта по спине мурашки побежали. Нет не от испуга, а больше от тревоги, которая стала забираться в душу.

Окончательно это тревожное чувство забралось в Африканта, когда им встретился большой казачий отряд. Барин потом сказал, что это был полк, но Африкант в военных делах не разбирался. Африканту, при встрече с казаками, было надо сразу уступить дорогу и в сторону свернуть, да он замешкался, так его казацкий офицер прямо так на облучке чуть плёткой вдоль спины не протянул, пришлось не только дорогу уступить, но и остановиться. «Куда прёшь! – закричал офицер, – не видишь войско идёт! С дороги!!». Дальше уж Африкант такой оплошности не давал. Он может быть и сам бы сообразил свернуть на обочину, да засмотрелся на казака у которого голова была перебинтована и левая рука на перевязи висела. «Видно с французом дрался», – подумал Африкант. А ещё он залюбовался стройным донцом под казацким офицером. Не жеребец – огонь. Косит на Африканта лиловым глазом, а у самого с губ пена падает. Жеребец на месте не стоит, то пятится, то приседает, то на дыбы норовит встать. А как только карета остановилась, офицер с дверцей кареты поравнялся и рукоятью плётки по дверце постучал. Барин дверку открыл, высунулся.

– Командир первого казачьего эскадрона лейтенант Чуб, – отрекомендовался офицер и козырнул.

Барин тоже отрекомендовался, но не как положено – дворянин такой-то, а по военному: «Капитан от артиллерии в отставке ...» и так далее. Офицер

Чуб Петру Никитичу ещё раз честь отдал, уже как старшему по званию и говорит:

– Вы бы поостереглись дальше ехать, господин капитан, французы вокруг шалют, как бы вам на их интендантов не наскочить, или с авангардом маршала Даво не встретиться. Они за нами следом идут... Тю, чёрт, разыгрался!.. – урезонил он донца.

– А что, это опасно? – спросил барин.

– Не знаю, – уклончиво ответил казачий офицер. – Драгуны Даво может быть и не тронут, а вот в лапы к лесепским мародёрам попадаться не советую.

– А кто этот Лессепс? Что-то я о таком французском главнокомандующем не слышал. Маршала Даво – знаю, про Мюрата слышал, а Лессепса... не припомню, не было такого главнокомандующего под Аустерлицем.

Услышав про Аустерлиц, казачий офицер, проникся особым уважением к боевому капитану и пояснил:

– Лессепс у Банопарта руководит снабжением московского гарнизона. Мародёры из мародёров. Шныряют по деревням вокруг Москвы и отбирают всё съестное... – и вдруг спросил. – Вам беженцы по дороге встречались?

– Попадались люди с котомками и с детьми малыми.

– Их работа. Люди из ограбленных деревень уходят, зачастую идут без корки хлеба в кармане.

Берут лессеповцы всё подчистую.... А за своё кровное вступишься, то и красного петуха получай, а то и круче обойдутся. Сворачивать вам с дороги надо, пока не поздно. А лучше вообще в такое время никуда не ездить. Можете без кареты и без своих лошадей остаться или вообще без головы.

– Так сестру жалко. Я за сестрой еду... – произнёс Пётр Никитич сокрушённо.

– Жалко – не жалко, только время неподходящее. Смотрите сами...

– Нет, мы поедem, – твёрдо сказал барин.

– Я приказа «заворачивать встречных» не получал, – сказал казачий офицер и улыбнулся, – затем, немного подумав, добавил. – Встретятся французы, то... – Чуб многозначительно возвысил голос на последнем слове и произнёс его протяжно с подтекстом, дескать, догадывайтесь сами.

– Понятно, не говорить, что вас видели... – перебил его барин. На что офицер улыбнулся и этак ещё более загадочно сказал:

– Этого как раз скрывать не надо, если останоят и спрашивать про нас будут, вы не скрывайте, а говорите как есть, видели мол, только не полк, а гораздо больше. – Затем, немного подумав, уточнил. – Лучше притворитесь, что вы в воинских формированиях ничего не смыслите и скажите просто «много»... Вот и всё.

– Думаете, что французы как узнают, что вас много – преследовать не будут, струсят? – спросил Пётр Никитич.

На эти слова офицер опять улыбнулся и, пожав руку барину, сказал:

– Честь имею, капитан! – и, оглянувшись назад, приложил руку к головному убору, поднял на дыбы донца и поскакал за своим эскадроном.

– Час от часу не лучше, – проговорил встревоженно барин. – Трогай, Африкант... Чего стоишь!?

– А как же французы?.. Он же говорил... – и Африкант кивнул в сторону удалявшихся казаков.

– Трогай давай!.. дальше поедем. Француза что ли испугался? Откуда ему здесь взяться. В Москве он. Перепугался казачёк малость.

Не поверил Африкант барину. Не увидел он испуга в глазах казачьего офицера. Эскадрон боевой. Рука вон на перевязи, у многих одежда в крови, да головы забинтованы. Тут и своя кровь и вражья тоже. Эти не испугаются, рубаки видать отчаянные. Похоже, задание какое-то выполняют, а не от французов бегут. Со страха бегут совсем не так... торопятся... ни на что внимания не обращают. А они, нет. Вон с ними остановились, предупредили. Когда бегут – не останавливаются. Только вот почему он велел сказать французам, если спросят, что их гораздо больше, чем есть на самом деле? Этого Африкант понять никак не мог. «Может быть, действительно

хотел попутать француза?» – вспомнил он слова, сказанные барином.

– Трогай, трогай ... чего медлишь?! – донёлся голос Пётра Никитича.

Африкант дёрнул вожжами, причмокнул и лошади послушно тронулись. Впереди был довольно длинный спуск с горы. Африкант до самого конца спуска придерживал лошадей, не давая им разогнать карету. Только они спустились и начали уже подниматься, как впереди что-то на дороге зачернело, задвигалось, при приближении вырастая в большую массу всадников, скачущих во всю ширину дороги. Не прошло и десяти минут, как масса кавалеристов в незнакомой форме окружила карету. Это были французы. Французский офицер подъехал к карете и что-то сказал Петру Никитичу. Барин вышел из кареты и заговорил с французским офицером на их языке. Француз говорил быстро, показывая шпагой, то в сторону Тулы, то в сторону Москвы. Он чего-то явно пытался узнать у барина. Пётр Никитич, в свою очередь, показывал рукой в сторону Тулы, кивал головой и что-то говорил французу. Затем французский офицер подошёл к Африканту и по-русски, почти без акцента, спросил:

– Так большое войско недавно вам встретилось?

– Устали ждать, когда пройдут, – выпалил Африкант, никак не ожидая от себя такой прыти. Хотя он и не говорил с казачьим офицером, но мысль, им высказанную в разговоре с барином уловил. «Пыта-

ется узнать сколько встретилось наших войск и куда идут», – подумал Африкант, глядя на француза.

– Ну-ну. – Француз пощипал усы и спросил Африканта снова. – Значит много, говоришь, войска прошло?...

– В жисть столько не видал. – Опять, не моргнув глазом, сказал Африкант.

И что на него в это время такое нашло неизвестно, только врать он никогда не умел, не принято это было не только в семье, но и в деревне. Побалагурить – всегда, пожалуйста, на вечеринке небывальщину рассказать – тоже, а вот чтоб на прямой вопрос незнакомому человеку ответить неправдой – такого никогда не было. Африканту было лучше собственного языка лишиться, чем пойти на враньё, а тут!

Подошёл ещё один офицер, показал на барских лошадей. Что-то сказал по-французски. Африкант понял, что советует их коней забрать. На что первый офицер поморщился и что-то резко сказал подошедшему. Тот попытался ему противиться, но первый офицер, глядя прямо и жёстко ему в глаза, медленно и врастяжку проговорил весьма длинную фразу. Отчего второй офицер, всё же не согласный с первым, но вынужденный подчиниться, что-то ответил. Между французскими офицерами вспыхнул, как показалось Африканту, неприятный разговор. После этого разговора оба наполеоновских офицера не торопясь поехали в сторону, где скрылись казаки.

За ними двинулась и вся масса конников. Французский авангард шёл по дороге на Тулу. Один из драгун изо всей силы ударил Звёздочку вдоль спины, та от неожиданности присела, а затем от испуга взвилась, рванулась вперёд, карета дёрнулась с места и понеслась, Африкант изо всей силы тянул вожжи, пытаясь остановить испуганных лошадей, а сзади слышался хохот французских кавалеристов.

Не знал Африкант французского языка, а если б знал, то услышал бы такой диалог:

Второй офицер. Надо, Антуан, у этих русских лошадей карету забрать.

Первый офицер. Слышишь, Моро. Ты уже не говоришь мне те вещи, которые я не приемлю. Я тебе ещё раз повторяю, что в роду Готье никогда не было грабителей..., никогда. Для нас всегда честь была превыше всего.

Второй офицер. Но, другие, Антуан, это делают, да и император не только разрешает, но и велит делать всё, что идёт на пользу великой армии!

Первый офицер. Возвращайся к своим драгунам. Я тебе запрещаю грабить. Если ты пожалуешься на меня маршалу, то я и ему скажу то, что сказал сейчас тебе... Я не грабитель с большой дороги, а боевой офицер.

Второй офицер. Как знаешь. Ты командир. Только я выразил волю императора...

Первый офицер. Воля императора, как я понимаю, – разбить войска Кутузова, что я и делаю. И

меня никто не может упрекнуть в трусости ни под Смоленском, ни под Бородино. Брать редуты неприятеля это не с безоружными воевать. Иди, Моро, к своим драгунам и не серди меня больше.

Последней фразой потомок рыцарей Готье, явно уколол Моро, который в Бородинском сражении простоял в запасном полку, который Наполеон так и не ввёл в сражение. Антуан же не раз водил своих драгун на неприятеля, атакуя с фланга багратионовские флешы и положил на этом проклятом поле половину своего подразделения. Потом, этот барин и его холоп дали французам очень полезную информацию. И если этот прощельга Моро донесёт маршалу о случае на дороге, то ему, Антуану, есть что сказать. И тут он подумал: «Исходя из сложившейся ситуации, двое русских – барин и его кучер подтвердили его догадку, что впереди них движется не кучка казачков, а арьергард русской армии, прикрывающий армию Кутузова с тыла. Эта информация стоит многого. Эти русские не могли сговориться, Антуан разговаривал с барином на французском языке. Ямщик – обыкновенный крестьянин и французского языка, понятно, не знает. Ясно, что ямщик не может знать движется это один русский полк или три полка. Ценность в его информации заключается только в том, что русский ямщик устал ждать, когда войска пройдут, чтоб начать движение дальше. И это, «устал ждать, когда пройдут», было для Антуана важнее всего. За эту информацию русскому боро-

дачу можно бы было и орден на шею повесить от главнокомандующего французской армии, да ещё и отсалютовать. И ещё Антуан был горд тем, что это они, драгуны маршала Даво, нашли русскую армию, которая будто растворилась, выйдя из сожжённой Москвы. Оказывается армия Кутузова здесь, она перед его кавалеристами, отступает по дороге на Тулу. С военной точки зрения это разумно. Тула – кузница русского оружия, наверняка там его большие запасы; есть чем вооружить пополнение. Зачем армию было искать по дороге на Владимир, зачем её искать по дороге на Рязань? Эти дороги при отступлении ничего не дают Кутузову. Были горячие головы, предлагавшие армию русских искать в направлении Петербурга, полагая, что она обязательно будет прикрывать новую столицу русских. – Глупцы! Сердце России не Петербург. Петербург – резиденция русских царей, начиная с Петра, и только, а душа русского государства здесь, в Москве. И прав Император, что двинул свои войска не на Петербург, а на Москву, хотя Петербург ближе. Поразить душу русских, это самое главное, а голова без души сама отомрёт» и Антуан улыбнулся своей мысли. В душе он мнил себя стратегом и ему нравилось, что его размышления совпадают с стратегическими замыслами великого полководца Банопарта, равного которому нет в современном мире. Улыбнулся он ещё и тому, что представил, как конники Мюрата рыщут по Рязанской дороге, отыскивая армию Ку-

тузова, надеясь, что именно им удастся первым найти русских. «Что ж, ищите, господа. Представляю, как у этого выскочки Себастиани, командующего Мюратовским авангардом, вытянется лицо, когда он узнает, что удача обошла его стороной».

Прошло немного времени и барин приказал сворачивать с дороги влево, на просёлочек, то и дело повторяя: «Быстрее, Африкант,... быстрее. – Он был не на шутку взволнован и когда они уже, съехав с главной дороги, катили по просёлку, он всё ещё оглядывался назад. Успокоился Пётр Никитич, когда они, почти галопом, отмахали не менее десяти вёрст. Здесь он приказал Африканту остановиться.

– Что скакали как угорелые?– спросил Африкант. – Они ведь нас не тронули. Им и лошади наши видно не понравились.

– Тогда не тронули, а теперь тронут, если, разумеется, им снова в руки попадёмся... Понял?! – убедительно сказал барин.

– Я, хоть их поганого языка и не понимаю, но понял, что хотели лошадей забрать...

– Вместе с каретой, – уточнил Пётр Никитич. – Это первый офицер, Антуан, воспротивился. А так, выкинули бы нас в чистом поле и все дела. А ты правильно сказал французу, что наших войск впереди много, сообразил...

– Что казачий офицер просил сказать, то я и сказал... Сам не понял, как выскочило, – признался Африкант.

– Эт, ты молодец, что подтвердил, что и я ему сказал на французском, это должно его убедить. Только всё это непонятно как-то, не по - боевому...

– Что ж тут не понять. – Проговорил Африкант. – Французы казачков преследуют. А те вроде особо и не убегают, а эти не слишком спешат их догнать.

– Это и я заметил, ретивости ни у тех, ни у других нет. Почему они себя так ведут, нам с тобой знать не положено, а свернули мы потому, что если француз ещё кого спросит на дороге и выяснится, что мы его обманули, то догонят и на нашей же оглобле нас и повесят или к карете за ноги привяжут.

– Пужаешь, Пётр Никитич?

– Не пугаю... Это как пить дать. Давай трогай, только уж больно не гони, лошадей запалим.

Дальше ехали уже с оглядкой. Африкант песни петь перестал и всё больше во встречных вглядывался, да по сторонам смотрел. Его уже перестало интересовать житьё-бытьё местных крестьян. А вот, как бы, откуда не появились французы – это страшило более всего, тем более и защищаться было нечем, в руках один кнут. Доехали до большой развилки. Одна дорога забирала влево, а другая вправо. Барин велел остановиться, вылез из кареты, прошёлся по одному ответвлению, затем по другому, вернулся к карете, сказал раздумчиво:

– Конечно, казачий офицер и не должен был мне все их воинские секреты выдавать. Поверь мне, как военному человеку, это не случайность. И не за эскадронам французы с такой силой гонятся. Это всё равно, что по воробьям из пушек стрелять. Здесь французов не менее двух полков мимо нас прошло.

– Может быть решили Тулу взять? – сказал осторожно Африкант.

– Зачем она им? Тем более, что Тулу никто не защищает и наших войск в ней нет, мы бы видели, через неё ехали... Такой силой, Африкант, только армия преследуется, не меньше. Это поверь моему боевому опыту и долголетней службе.

– Так, кроме наших казачков мы никого не видели, – удивился Африкант.

– Возможно это отвлекающий маневр. Себя французам показывают, как красную тряпку быку, чтобы с толку сбить.

– А что ж вы казачьего офицера об этом не спросили?

– Об этом, Африкант, не спрашивают. Если это так, то это военная тайна стратегического характера, понял?! И мы в эту тайну, стратегию и тактику вляпались с тобой по самые уши. И голову нам в этой стратегии отшибут, и как звать не спросят.

Дальше ехали без остановок, изредка справляясь в деревнях о правильности направления движения. Наполеоновских солдат в этой стороне никто не ви-

дел и Африкант с барином немного успокоились и ни о какой погоне уже не думали.

Они - то не думали, а вот Антуан Готье очень даже думал. Правда, он не знал о том, что ни кавалеристы, посланные Наполеоном по дороге на Владимир, ни конники Мюрата на Рязанской дороге – русской армии не обнаружили. Досадно было и то, что и он этой армии не увидел. Ещё его омрачало, что поверил этим, с экипажа, особенно кучеру, который, видите ли, устал ждать, пропуская русские войска. Моро оказался прав. Но он ему об этом не скажет. А ведь как обвели?... Как обвели? Только, проследовав за мнимым арьергардом русских войск и поднявшись на возвышенность, они увидели до самого горизонта пустую дорогу на Тулу. Куда казачки делись, неизвестно. Когда это случилось, к нему подскакал Моро и крикнул: «Разрешите догнать карету с русскими!!!». Антуан молча кивнул. Моро с десятком драгун скрылся в пыли, ускакав в направлении Москвы на полном аллюре, желая догнать злополучного барина и его кучера.

К вечеру Пётр Никитич и Африкант расположились на ночлег в небольшой деревушке у старосты. Дом у хозяина был большой. На ночь лошадям задали овса. Ужинали за большим столом. Хозяин, кося сажень в плечах, с кудрявой с проседью бородой сказал, отпивая из блюда чай:

– Утром на Чириково поезжайте, оттуда свернёте направо, на Красную Пахру. Влево, дорога на Тарутино уходит. От Красной Пахры до усадьбы вашей сестрицы будет рукой подать. Под счастливой звездой родились, что вас французы отпустили, хотя больше советую им не попадаться... Мужички по деревням партизанские отряды организывают. Кто с вилами, кто с топором, всем миром на супостата налегают. В Москве есть нечего, вот француз в окрестностях и лютует. А ваше сельцо я знаю, бывал. И барыньку помню с её мужем. Не знаю как она, а он – сущий ребёнок. Красивые в своей наивности их души, храни их господь. Я у барина ещё картиночку купил, простенькая такая, но душевная, рамка хорошая, богатая. Так что ложитесь спать, а утро вечера мудренее.

Утром выехали затемно. Хозяин показал дорогу, подробно словами обрисовал местность, так что заблудиться было невозможно. Когда совсем рассвело, переехали по мосту реку Моча и, не останавливаясь, миновали ещё какое-то спящее село. Пётр Никитич то и дело поторапливал Африканта. Лошади в утренней свежести бежали споро, но только они выехали из Чириково и стали подъезжать к Красной Пахре, как путь им перерезал конный отряд русских кавалеристов.

– Сворачивай! Сворачивай, борода! Уходи с дороги! – кричал Африканту гусарский майор и указывал пашкой куда надо сворачивать. Африкант бе-

зоговорочно выполнил требование гусара. Карета, покачиваясь на неровностях, съехала с дороги и остановилась

– Дальше, дальше отъезжай!! – прокричал опять гусарский майор, – вон к тем берёзкам.

Такое приказание было совершенно непонятным, но Африкант доехал до берёзок, что росли достаточно далеко от проезжей части и остановился.

– Ты чего? – спросил его, высунувшись из кареты, барин.

– Велят.

– Кто велит?

– Свои велят, – односложно ответил Африкант и кивнул в сторону удалявшегося гусара. Для чего они освобождали дорогу, ни барин, ни ямщик не знали. Но вскоре всё прояснилось. Из-за леса показался головной отряд русской армии. По дороге шла пехота, по ней же везли пушки, шли санитарные повозки, край дороги скакали эскадроны гусар, а ближе к ним двигались на рысях казацкие сотни. То шли передовые части армии Кутузова. Пётр Никитич и Африкант смотрели на колонныдвигающихся войск. Они понимали, что именно их и разыскивала кавалерия маршала Даво. Барин и ямщик стояли уже более часа, а войско шло и шло по направлению на Тарутино. Вдруг к их карете подскочил уже знакомый им казачий офицер Чуб. Он улыбнулся им во весь рот, сверкнув зубами, проговорил:

– Ну, вот и встретились, барин! А я уж думал вас французы того..., и он провёл ребром ладони по горлу.

– Вы тоже хороши, – осклабился Пётр Никитич, – нет на ухо шепнуть..., чай не басурманы какие.

– Нельзя было, капитан. Никак нельзя. Прости уж. Наша задача была француза на Тулу отвлекать. Другие на Рязань отвлекали, а ещё кто и на Владимир, а войско вот оно в подбрюшье Наполеоновской армии к Тарутино идёт. Десять дней армию их авангарды искали и найти не могли. Видишь какая сила!?

– Да уж, видим.

– Мало видишь, капитан. Мы здесь стоим, а по просёлочным дорогам, чтоб не встречаться с наполеоновскими авангардами идут к нам отряды ополченцев, везут с Тулы оружие и боеприпасы. Весь народ поднялся, по всем лесам партизанские отряды... так-то. – А затем, улыбаясь во весь рот, спросил: – Далеко вам ещё до вашей сестры, капитан, ехать?

– Рядом совсем, если б не войско, то уже б приехали.

– Ладно, капитан, честь имею. Счастливо вам. Может ещё свидимся. У нас теперь другое задание, – и галопом ускакал куда-то в сторону, скрылся за ближайшими деревьями.

Африкант с барином смогли тронуться от Красной Пахры, где им пришлось заночевать, к сельцу, там где жила барыня, только утром следующего дня.

К обеду они подъехали к знакомым воротам помещицкой усадьбы. Каково же было удивление Петра Никитича, что никто не вышел открыть им ворота, хотя ворота, по сути, не были воротами. Одна их половинка валялась на земле, а другая, покачиваясь на одной петле, жалобно поскрипывала в осенней тишине.

Барин почуял недоброе и, не дожидаясь, когда карета остановится, выскочил из неё на ходу и бегом побежал к барскому дому. Двери в доме были открыты, людей не было. Только из одной комнаты слышались то-ли всхлипы, то-ли причитания. Пётр Никитич открыл дверь и остолбенел – Посреди залы стояли два гроба, а около них на лавке сидели две крестьянки, да старый лакей Силантий. Крестьянки молча уставились на Петра Никитича, а Силантий, узнав брата барыни, весь затрясся и ни слова не говоря опустился на стул, плечи его ходили ходуном, а из глаз лились безудержно крупные старческие слёзы. В гробах Петр Никитич узнал свою несчастную Кузеньку с не менее несчастным Фрольчиком. Крестьянки тут же рассказали, что вчера на барский дом налетели французские фуражиры с охраной и стали допытываться, где хранятся припасы. Припасы нашли. Подогнали телеги, стали зерно насыпать. А в одной фуре зерно потекло, стали зерно в другую фуру пересыпать. Командир французский стал искать, чем бы дно у фуры застелить. Вошёл в мастерскую барина, где он картины

малевал и сорвал со стен несколько полотен, намереваясь ими и застелить фуру. Фрол Иваныч такого глумления над своим творчеством стерпеть не мог, схватил кочергу, да на француза, хотел свои картины защитить, а драгун его сзади пикой в спину. Барыня, увидев всё это, скончалась от разрыва сердца.

Пётр Никитич, услышав сей рассказ, медленно опустился на скамью, сжав голову руками. Этого он предположить никак не мог.

Крестьянки поставили Петра Никитича в известность, что могилка для барина и барыни выкопана и что сегодня надобно похоронить, так как французы могут нагрянуть снова, потому как всё зерно увезти не сумели. Хлеб сейчас, что французы не увезли, крестьяне по ямам прячут, потому и не до похорон. Ими руководит староста Зосима. Только между мужиками спор идёт – надо зерно прятать, или нет. Одни говорят, что надо, потому что и есть надо будет что-то, и сеять весной. А другие против того, чтоб зерно прятать, потому как если б это было сделано раньше, до прихода французов, это одно, а после того, как они хлеб видели, а, приехав снова, его не найдут, то и мужиков могут побить, и деревню спалят...

– Что же вы решили? – спросил Пётр Никитич.

– Староста Зосима сказал что, то зерно, что видели французы, прятать нельзя, а спрятать надо только то, что в дальних амбарах лежит, которого мародёры не видели. Он подсчитал, что того хлеба

людям, хватит, но жить будут впроголодь. Но, и это зерно, что французы видели, всё не отдавать, а только немного им оставить.

– Француз не дурак, – сказал Пётр Никитич. – Он прекрасно помнит, сколько было хлеба и сколько осталось?

– Он помнит на глаз, – стала объяснять женщина побойчее. – Сколько его в амбаре есть, на глаз столько и будет. Сейчас мужики полы в амбаре поднимают. Потом снова зерно назад в амбар насыпем, но только треть от того, что было.

– Хорошо придумали, – сказал капитан. – Может и пронесёт нелёгкая.

Через час в комнату вошёл с несколькими крестьянами староста. Африкант представлял старосту здоровым мужиком с большой бородищей, а в комнату вошёл невысокий тщедушный мужичок лет пятидесяти, поздоровался с барином и этак непринуждённо сказал:

– Снова надо ждать гостей. Это уж, Пётр Никитич, как дважды-два. Крестьяне их повадки изучили. Если чего не дограбили, то обязательно дограбят. Сегодня приехать не успеют, а вот завтра, точно здесь будут.

– Мне уже бабы рассказали про подъём полов в амбаре, – сказал Пётр Никитич.

– Эта хитрость, по - большому, дела не решает... Мы тут организовались немного, – и Зосима кивнул на окно. Пётр Никитич посмотрел в ту сторону и

увидел на улице вооружённых вилами и кольями группу мужиков. – В соседние сёла гонцов послали, чтоб сообща отпор дать, потому, как фуражиров этих отряд конный сопровождает. У них даже пушка имеется.

– Хорошо, хорошо, – сказал Пётр Никитич, понимая, что староста лучше его разбирается в местных реалиях и что мешать мужикам не стоит, а вот что он должен делать, Пётр Никитич пока не знал. Его выручил тот же староста.

– Мы здесь, барин, пока мужиков организовываем, а вам лучше заняться похоронами. Вон Василиса всё расскажет, – и он кивнул на крупную, дородную крестьянку.

– Да-да, – опять проговорил Пётр Никитич. Он был рад, что благодаря старосте и Василисе, здесь уже всё организовано и что ему пока не надо отдавать каких-либо распоряжений. Он полностью решил довериться старосте, и этой крестьянке. Василиса тут же сообщила барину, что могилку выкопали в хорошем месте и что надо хоронить сегодня.

– Хорошо, хорошо. Делайте, как знаете.

– Я пойду с Василисой могилку посмотрю, да и дорогу тоже, – сказал Африкант. – На наших лошадях придётся везти, других в сельце нет, крестьяне каких в лес отогнали, от супостатов подальше, на каких зерно прячут.

– Иди, Африкаша, ... иди... – проговорил барин ласково. – Делайте всё, что надо.

Африкант вышел из барского дома, за ним вышла и Василиса.

– Туда надоть, – сказала крестьянка и показала палкой в сторону пруда.

Кладбище было недалеко, за прудом, на бугорке. Пока шли, Василиса рассказала, что у неё пятеро детей и что жив ещё свёкор. Её мужа Зосима в деревни ближние послал, крестьян организовывать.

– А почему его? – спросил Африкант.

– Он говорить умеет и люди ему верят, – сказала Василиса.

Подшли к кладбищу, Африкант спустился в свежевырытую могильную яму, постучал по стенкам. Могилка была вырыта на славу. Отливающие глянец глиняные стены были прочны, точно утрамбованы. Он выпрыгнул из ямы, взял с кучи выброшенную из ямы глину, помял в руках. Мастер сразу определил, что глина в этом месте жирная, эластичная. «Только игрушки, да горшки лепить» – подумал он.

– Надо торопиться, сказала Василиса. – Засветло надо похоронить. Оно туда - сюда и темнеть начнёт. – И они вернулись в усадьбу.

В поместье готовились к похоронам. В прохладной зале горели поминальные свечи, старенький священник читал молитвы. Большая толпа крестьянок пришла проститься со своей любимой барыней и барином. По скорбным лицам баб было видно,

что они действительно очень жалели о своей барыне, при которой до сего времени жили не зная нужды. Трое мужиков вместе с Африкантом, установили оба гроба на телегу, обряженную сосновыми и еловыми ветками и Африкант, по знаку Петра Никитича, стал выводить лошадей со двора на дорогу. Со всех сторон к процессии присоединялись крестьяне и крестьянки, да старики, что были покрепче. Старики, что послабее, стояли у дворов и смотрели на похоронную процессию. Певец и Звёздочка везли телегу не торопясь, будто знали что они делают.

– Никогда не думал, сестрица, что мы так тебя хоронить будем, – проговорил барин, шагая сбоку телеги. – Да ну уж ладно. Видно не вы последние от супостата пострадали. Много ещё будет покойников, пока русская земля освободится.

Провожали покойных молча, никто не плакал. И эта похоронная тишина была страшнее всех плачей, и причитаний. Пётр Никитич только тёр покрасневший нос платком, да крякал. После похорон так же молча вернулись в усадьбу. Народ не расходился. Все ждали, что скажет барин. После смерти сестры и её мужа он был единственный, кому отходило их сельцо, и потому воспринимали Петра Никитича как своего барина.

Пришёл Зосима и сообщил, что крестьяне около дороги в сельцо нашли французскую пушку и притащили её в деревню.

Услышав про пушку, Пётр Никитич сразу ожил и пошел посмотреть трофей, совершенно не понимая, как орудие могло быть найдено, а не отбито у неприятеля, тем более пушка без охраны стояла рядом с дорогой. У него ещё мелькнула мысль о том, что пушка могла выйти из строя и её французы просто бросили за ненадобностью. Однако, осмотрев орудие, он убедился в его полной исправности. И ещё его больше удивило, то, что вместе с пушкой, в ящике находились неиспользованные пороховые заряды. Этому он никак не мог себе объяснить. Это не укладывалось у него в голове. Разъяснил ситуацию муж Василисы, Прохор, который и обнаружил пушку.

– Тут, барин, всё просто, – сказал он не торопясь. – Лошадей мы из деревни увели, фуражиры французские хлеб нашли, а везти не на чем. Так они телеги в домах забрали и артиллерийских лошадей в них впрягли, а пушку бросили.

– Так-так, – сказал Пётр Никитич, пощипав ус. – Если пушки стали в армии дешевле хлеба, то плохи дела у Бонапарта.

– Что скажете, Петр Никитич? – спросил Африкант и кивнул на пушку.

– Без ядер и картечи – это никому не нужная вещь, – сказал он хмуро. – Были бы ядра или картечь, тогда можно бы было по-настоящему помянуть и усопшую сестрицу и Фрола Иваныча... Кар-

течь, даже одним только выстрелом, оставит от их интендантов пустое место. Сколько их было?

– Человек пятьдесят, половина на повозках, половина верховых, с ружьями.

– Маловато нас будет, – сказал староста. К обеду столько людей не наберём, чтоб с французским отрядом совладать. И он сердито стукнул кулаком по пушечному лафету.

– Кабы пушку эту задействовать, – сказал Прохор, тогда и людей больше не надо.

– А если вместо картечи камешек насобирать и зарядить? – спросил староста?

– Нельзя. – Пётр Никитич отрицательно покачал головой. – Не круглые камешки, вылетев из ствола, полетят каждый по своей траектории, исходя из капризов своей неправильной формы. Да и улетят из-за сильного сопротивления воздуха недалеко. Результат от выстрела будет мизерный.

– Не побьём, так пугнём, а пуганый неприятель слабее непуганого. – Настаивал на использовании пушки Прохор. Видно ему было жаль, что его находку нельзя использовать в бою.

– Пугнуть можно. – Заметил барин, – только французы тоже не дураки, быстро сообразят, что по ним холостыми палят. Эта затея может стоить многих жизней.

– А если по... – начал говорить Африкант и замолчал, осёкшись на полуслове.

– Что хотел сказать? – спросил ямщика Пётр Никитич, – говори... раз начал...

– Я подумал...

– Ну... – Барин испытующе посмотрел на Африканта.

– Когда мы с Василисой смотрели могилу, Пётр Никитич... – Начал Африкант издалека. – Глина там в могиле хорошая, вязкая. Если шариков накатать, какие по размеру скажете, то можно будет и из пушки этими шариками выстрелить. Будет картечь не хуже чем свинцовая.

Капитан Житков поднял на Африканта глаз, подумал и вдруг у него в его единственном глазе засветились лукавые огоньки.

– А ты похож дело говоришь, Африкант. – Проговорил он. – Стало быть из глины предлагаешь картечи накатать... Так...так. – Затем помолчал и сказал. – Негоже нам от француза улепётывать. Думаю, дело говоришь, Андреич. Только с выстрелом твоя глина в пыль не рассыплется?

– Будьте спокойны, – уверенно сказал Африкант, – не рассыплется. Если поближе подпустить, так всех наша картечь слижет и не рассыплется. Глина здесь жирная, даже не обожженная будет крепкая, вы уж мне поверьте.

– А высушить успеем? – спросил строго старый капитан, прошедший не одну войну и знавший, что в таких делах на авось надеяться никак нельзя, потому и допытывался. – А если он завтра с рани сюда

прикатит? Эт, мы только думаем, что он день отдыхать будет. А если не будет? Здесь надо не на авось действовать. Чем мы завтра к обеду по французу палить будем? Или, скажем: – «подожди, мусье, у лесочка, у нас ещё картечь в печи греется...»

Кто-то из крестьян хихикнул. На него зацыкали. Из толпы послышались голоса:

Первый голос. В ночь не поедут. Забоятся.

Второй голос. Зная, что у нас есть чем поживиться, могут и в ночь поехать,

Первый голос. Или другой фуражной команде про село скажут, те приедут.

Третий голос. Не скажут. Зачем им, найденный ими хлеб, другим отдавать?

Первый голос. В ночь, как пить дать, не поедут, а завтра к обеду можно ждать. Так что наша картечь и высохнуть не успеет, не только обжечься. У меня сват, сами знаете, из Пахры, горшечник. Так он горшок, прежде чем тот просохнет, десять раз с места на место переставит и сохнут они у него не одну ночь или сутки...

– Правильно говоришь, борода, – ответил Африкант, – Только нам на глиняной картечи не щи варить, это не горшок. Сушку упростим. В шариках при лепке дырочки махонькие насквозь проколим, чтоб влага не только снаружи, но и изнутри уходила. Одни шарики будем сушить в более тёплом месте, побыстрее, а другие помедленнее.

Первый голос. Сё равно не успеть. Высушить, высушим, а обжигать когда?

Африкант. Часть приготовим к обжигу, если нам французы время дадут на обжиг, а часть просто высушим и всё. Глину я брал в ложбинке, с осыпи, верховую. Глина лежала и морозом братая. Тесто из неё хорошее выйдет.

– А ты поясни, – сказал Пётр Никитич, – чтоб понятнее было.

Верил старый артиллерист Африканту, как не верить. Таких глиняных игрушек никто не смог сделать в округе, какие делал Африкант с отцом. Знал игрушечник толк в глине. Вот и здесь, достаточно было мастеру взять в руки местную глину, так сразу определил её свойства. Молодец.

– За полчаса сомнём, – начал пояснять Африкант, – за час шариков накатаем, до полуночи в тёплое место положим, чтоб основная влага с глиняной картечи ушла, а затем на печь, на горячие кирпичи, такие, чтоб рука терпела... К утру шарики будут сухие и крепкие, так что не только кулаком не разобьёшь, но и палкой с одного удара не расколотишь. Шарик и не обожжённый, в француза попадёт – в живых не оставит. Если нам завтра француз, на наше счастье день подарит, то мы и обжечь успеем, а если два дня, то и того лучше.

Пётр Никитич и староста согласились с доводами Африканта. Через час двое крестьян уже мяли красными от холода ногами глину, а ещё через час,

в зале, где недавно лежали покойные хозяева с десятков крестьянок под надзором Африканта уже дружно катали глиняные шарики и клали их сушить.

– Хорошая картечь будет, – говорил Африкант довольно, – вон как боками отливает.

Всю ночь Африкант следил за сушкой самодельной картечи, переворачивая её с боку на бок, опасаясь появления трещин. Глина хоть и хорошая, но в сушке неопробованная, нельзя предугадать, как она себя поведёт? Времени же на проведение проб не было. Здесь Африкант полагался на собственный опыт и интуицию. И его они не подвели. На следующий день к обеду глиняная картечь была готова, шарики оказались крепкими и гладкими. Только некоторые самые крупные из них лопнули и их пришлось выбросить. Хотя, много и крупной картечи уцелело.

Под командованием капитана был сделан пробный выстрел по сараю, что стоял поодаль, у пруда. Когда капитан-артиллерист осмотрел после выстрела сарай, то остался премного доволен. Картечь глубоко засела в обмазке, а из двери вышибла и расщепила две доски.

– Ну и как? – спросил Африкант.

– Повозки их может быть и не разобьёт, а вот людей положит, тут можно не сомневаться, кучно легла, без большого разлёту, – проговорил довольным голосом Пётр Никитич. В картечи и в пушках,

он, боевой офицер, артиллерист толк знал. После пробного выстрела крестьяне повеселели. Женщины продолжали катать шарики, а Африкант колдовал над укладкой партии картечи в большую русскую печь, готовя её для обжига.

Пушку выкатили в направлении, откуда должны были появиться французы, и замаскировали. Крестьяне, кто с вилами, кто с топорами, кто с кольями попрятались за кустарником и стали ждать. Далеко вперёд по дороге был выслан верховой наблюдатель из подростков на Звёздочке.

Французские фуражиры появились к обеду. У неприятельской армии было очень трудно с продуктами и они не жалели своих фуражиров, рассылая их по окрестным сёлам с приказом – не взирая ни на что, доставить в сожжённую Москву хлеб. Поэтому наполеоновский отряд фуражиров, послав два-три часа, снова выехал из столицы, направляясь в знакомое сельцо, где ещё можно было чего-то взять. Своим ранним приходом, они так и не дали Африканту закончить обжиг. По французам пришлось стрелять хорошо высушенной глиняной картечью. О появлении французских снабженцев предупредил выставленный на опушке леса дозорный. Парнишка во весь опор скакал к крестьянской засаде на Звёздочке и кричал: «Едут!! Едут!!». Крестьяне приготвились.

Вскоре у леска, где терялась дорога, показался отряд французских фуражиров. Это был тот же са-

мый отряд. Впереди на сером в яблоках жеребце ехал командир отряда. Крестьянин Прохор рассмотрел его в подзорную трубку, сделанную им из осинового ствольца. Трубка та была как нельзя кстати. Конечно, никаких в этой трубке линз не было. В ствольце было высверлено круглое отверстие, через которое и смотрел Прохор вдаль. Эта трубка позволяла ему, охотнику, издали определить, где находится в лесу медведь, потому как тот, почёсываясь о деревья, обязательно раскачивал даже самые высокие из них. Вот Прохор и смотрел в свою подзорную трубу и высматривал, где сосны головами качают. Эффект трубки был прост. Солнечные прямые лучи не попадают в глаз и не мешают смотреть.

Отряд фуражиров всё отчётливее вырисовывался на дороге. Было уже слышно пофыркивание лошадей, да слышались отдельные голоса наполеоновских солдат. После выстрела, как рассчитывал барин, крестьяне должны были броситься вперёд, но бежать не по дороге, а по бокам, так чтобы пушка смогла успеть сделать ещё один выстрел и чтобы их собственная картечь не зацепила.

Штабс-капитан подпустил фуражиров поближе, перекрестился, зажёл фитиль и сказал, поднося факел к запальной канавке: «Это вам за Кузеньку». Глянул оглушительный выстрел. Пушка рывкнула и откатилась. Со стороны французов послышались стоны и крики. «Это вам за Фрольчика!!» – проговорил старый капитан, посылая во французов вто-

рой заряд картечи. И снова со стороны французов раздались крики и ругань. Французам и в голову не пришло, что стреляют по ним из их же собственной пушки. По всей видимости, французы подумали, что впереди в засаде находится воинское подразделение регулярной армии. А они именно так и подумали, потому что так мастерски стрелять из пушки мог только артиллерист с большим боевым опытом.

Через минуту паника охватила отряд французов и оставшиеся в живых, сбивая друг друга с ног, бросились бежать. Пётр Никитич выстрелил им вслед ещё раз. Было видно, как упало ещё несколько человек. Возбуждённые удачей крестьяне вместе со старостой стали преследовать французских снабженцев. Больше французские фуражиры в сельце не появлялись.

После этого боя многие крестьяне из села отдельным подразделением влились в партизанское соединение известного партизанского командира Сеславина, а Пётр Никитич, уладив хозяйственные дела, засобирался домой. Он отдал необходимые распоряжения старосте, обещаясь в скором времени опять приехать, обещал не оставить овдовевших крестьянок своей заботой. А старосте наказал сообщить, сколько уцелело зерна и сколько нужно будет зерна привезти. Крестьянки с плачем провожали нового барина. И был он им не просто барин, а и защитник от иноземных супостатов.

Пётр Никитич решил ехать из сельца по той же старой калужской дороге. Выехали они рано утром. Погода была всё ещё хорошая. Далеко же Петру Никитичу с Африкантом уехать от сельца не удалось.

Не доехали они до Красной Пахры, чтобы выехать на прямую дорогу, как путь им перерезал французский разъезд.

– Влипли мы с вами, Пётр Никитич, – сказал Африкант, увидев скачущих им наперерез французских конников. Ещё больше Африкант удивился, когда узнал во французском офицере старого знакомого по встрече на тульской дороге. Это был Антуан. Но не он один. Вскоре к ним подъехал и тот самый Моро, который хотел отобрать у них лошадей.

– А-а-а, старые знакомые, – проговорил зло и язвительно Моро и рывком сдёрнул Африканта с кучерских козел. Африканта тут же связали, а через минуту рядом с ним связанный валялся и Пётр Никитич. Поодаль французские офицеры обговаривали их судьбу.

– О чём они говорят? – спросил барина Африкант.

– Самое, Африкант, доброжелательное словосочетание, это «немедленно расстрелять», – пояснил Пётр Никитич.

– Думаю, что эта мера нашего наказания исходит от этого Моро, – заметил Африкант.

– Ты прав. Он ещё предлагает колесовать нас на колёсах нашей же кареты.

– Думаю, что вращаясь вместе с колесом кареты мы не протянем больше десяти вёрст, – подытожил Африкант.

– Думаю, что и пяти вёрст вполне хватит, – заверил барин.

– Но всё равно это лучше, чем расстрел сейчас на месте.

– Не думаю, Африкант, что это намного лучше.

– А о чём они сейчас говорят?

– Всё о том же, о любви к нашим личностям.

– Кажется, к нам идут...

Пленники замолчали. Французские офицеры подошли к связанным и велели драгунам поставить их на ноги, что их кавалеристы моментально и исполнили.

– Так, долго пришлось ждать пока русские войска пройдут? – спросил по-русски Антуан Африканта с ухмылкой. Африкант молчал. – Мы потеряли из-за вас полдня. Пока пытались определить, куда свернула армия Кутузова, пока гонялись за казаками, время ушло. Но не это главное. После разговора с вами мы послали маршалу письмо, в котором уведомили маршала в том, что армия Кутузова движется на Тулу и мы её держим в поле зрения.

– Ну и что, – буркнул Африкант. – Не я же доложил об этом... – Но, офицер оставил фразу Африканта без ответа.

– А вы, господин помещик, что скажете по этому случаю?– и Моро поднял плёткой подбородок Петра Никитича.

– Не трогайте капитана! – закричал изо всей силы Африкант.

– Ка-пи-та-на?! – возвысив удивлённо голос, произнёс Моро. И обращаясь к Антуану проговорил: – Ямщик назвал барина капитаном! Этот человек военный, он офицер.

– А это очень интересно, дружище. – С интересом проговорил Антуан. – Это совсем иной поворот. – Он подошёл к Африканту и спросил:

– Правда ли, что ваш барин капитан?

Африкант ещё не понял, куда клонит француз, но догадался, что проговорился, а будет им хуже от этого или лучше неизвестно.

– Правда?!... спрашиваю.

Африкант молчал.

– Хорошо, продолжай молчать. Твоё молчание только подтверждает сказанное тобой ранее. – Французы заговорили между собой и этот диалог, понятный капитану и совершенно не понятный Африканту, следует привести дословно.

Антуан. Хорошо, что ты Моро, сразу не разрядил в них свой пистолет.

Моро. Почему?

Антуан. Если этот господин является офицером русской армии, то не является ли он тайным дорожным информатором, чтоб дезориентировать наш

генералитет? Такие экипажи могут быть посланы по всем дорогам вокруг Москвы. Такие действия называются военной хитростью.

Моро. Это интересная мысль. Бескровная диверсия, так это можно назвать?

Антуан. Если это так?.. А, это именно так, то эти молодцы могут много знать... Ведь их кто-то же послал на это задание. А кто? Потом, посмотри-ка на пожилого внимательно – выправка военного просматривается, её нельзя искоренить...

Моро. Я из них сейчас вытрясу душу, и они мне всё расскажут.

Антуан. Если ты из них вытрясешь душу, то они никому и ничего не расскажут, даже самому маршалу Даво.

Моро. Правильно... Трупы не говорят, а жаль...

Антуан. Думаю надо поступить иначе.

Моро. Это как же?

Антуан. Если мы отправим их к маршалу, с соответствующей сопроводительной запиской, что дескать, эти двое специально остановили французский отряд, чтобы дезинформировать наш авангард об армии Кутузова, то эффект от их поимки будет совсем иной.

Моро. Хорошо бы было, если бы, маршал Даво засомневался в достоверности посланной нами ранее информации и не стал бы дезинформировать главнокомандующего.

Антуан. Этого мы, Моро, не знаем. Армию Кутузова уже, конечно, нашли, но мы-то как выгладим со своим враньём? Об этой дезинформации Даво не забудет. Не забудет он и тех, кто ему её подсунул, то есть нас. И если мы доставим ему дезинформаторов, то таким образом сотрём с себя пятно. Мы себя реабилитируем в глазах маршала.

Моро. Ты гений, Антуан. Ловко так всё повернул. А я уже хотел отдать распоряжение, чтоб готовили верёвки для колесования.

Антуан (улыбнувшись). Их не колесовать Моро надо, а бережно взять под руки и бережно посадить в их собственную карету, да под хорошей охраной доставить самому маршалу. Их смерть не улучшит нашего положения, а вот от их жизни можно извлечь много пользы для нашей армии... – И дальше, подумав, добавил: – Хотя бы только для нас, лично.

Моро (драгунам). В карету их! Доставим лично маршалу!

После того, как Африкант и Пётр Никитич очутились в собственной карете и под конвоем всадников тронулись в путь, капитан шепотом произнёс: «Они нас, Африкант, за Кутузовских шпионов приняли, сопровождают в штаб, только ты не обольщайся, шпионов во всех армиях всегда казнили...». Дальше ехали молча.

После описанных здесь событий, совсем недалеко, чуть дальше, по той же старой калужской дороге,

в штабе русского главнокомандующего идёт разговор между Михаилом Илларионовичем Кутузовым и генералом Дмитрием Сергеевичем Дохтуровым. Этот разговор следует довести до читателя дословно, потому, как в большей степени от него зависела судьба наших незадачливых путешественников. В это время русский главнокомандующий стоит у большого дубового стола.

Кутузов (обращаясь к Дохтурову). В создавшейся ситуации, Наполеон предпринимает попытку обойти наши войска у Тарутино, чтоб выйти к Малоярославцу. Он думает по Новой Калужской дороге продолжить движение на Калугу и тем самым вырваться на стратегический простор. Кукиш ему с маслом, а не Калуга! – и Михаил Илларионович показал правой рукой увесистый кукиш. – Не для того мы, Дмитрий Сергеевич, – скрытно шли к Подольску, затем к Тарутино, чтоб выпустить француза на оперативный простор. Этот манёвр французской армии ожидаем. Правда, я рассчитывал, что француз по старой калужской дороге до Тарутино, а он свернул. Этого я не ожидал. Бойтся французский император. Ой, бойтся... Впервые показывает неуверенность в своих силах. Это хорошо. Эта неуверенность нам на руку. Мы тоже двинем армию к Малоярославцу и немедленно двинем.

Дохтуров. Какие будут распоряжения, Михаил Илларионович, хотя задача, в общем, ясна.

Кутузов. Я для того тебя позвал, Дмитрий Сергеевич, что нам позарез нужен именно сейчас высокопоставленный французский офицер, который бы знал о самых последних распоряжениях Наполеона. Информация часто устаревает, не успев до нас дойти. Нам надо знать не то, что мы видим до горизонта. Об этом нам докладывают наши разведотряды. Нам надо знать, что делается за горизонтом, то есть знать то, что сделает Бонапарт через два-три часа, чего на глаз, пока не прослеживается.

Дохтуров. Понимаю вас, Михаил Илларионович. Вы опасаетесь, как бы Наполеон не проделал свой «Тарутинский манёвр», только на Наполеоновский лад?

Кутузов. Всё можно ожидать, Дмитрий Сергеевич. Бонапарт – противник непростой. Да, он сейчас обескуражен. Он в растерянности, это видно по письму ко мне с просьбой выпустить его из России. Но, надолго ли? У него ещё есть сильные резервы. Бережёного – Бог бережёт. Поэтому нам надо иметь постоянно самые свежие сведения о его намерениях.

Дохтуров. Надо постоянно охотиться за их высшим офицерским составом. Я немедленно отдам необходимые распоряжения.

Кутузов. Вот...вот. Вы уж потрудитесь. – И главнокомандующий углубился в чтение бумаги. Генерал Дохтуров, не прощаясь, незаметно вышел.

Прохладно. Ветер - верховик раскачивает верхушки деревьев, гонит над лесом сухой лист, изредка спускаясь к земле, чтобы вихрем схватить на ней что ни попало, поднять да и закрутить в безудержном веселье и силе.

– Зима скоро, проговорил, знакомый уже нам, обер-офицер казачьего полка Чуб, стоя около морды своего жеребца и скармливая ему с ладони крошки хлеба.

– Интересно, и долго мы будем ещё ждать этого высокопоставленного француза? – спросил обер-офицера его товарищ младший офицер Сажин, сидя на стволе сваленной берёзы и очищая с сапог прилипшую грязь.

– Сколько надо, столько и будем ждать, – буркнул Чуб. Метрах в ста от них, в пологой балке стояла сотня спешившихся казаков. – Сказали взять высокопоставленного, значит высокопоставленного... На мелкоту размениваться не будем, мелкотой только себя раскрывать.

– Так откуда мне знать, кто из французов по дороге едет и кого хватать надо? – Зло сказал Сажин.

– А ты гляди и соображай.

Подошёл партизан Прохор из сельца, спросил:

– Чего у вас?

– Посмотри ты через свою палку, может быть чего усмотришь? – с улыбкой в карих глазах прого-

ворил обер-офицер, показав на подозрную трубу Прохора. – Вы где расположились?

– Ниже по балке стоим. Наш командир сказал, что мы за вами не успеем. У нас пеших много.

– Ваше дело дорогу перегородить надёжно, чтоб не ускользнули, – растягивая слова, сказал Чуб.

– Не ускользнут. Мы поперёк дороги сосну свалим.

– Как же вы её свалите, когда около дороги только две чахлые берёзы, а сосен совсем нет?

– Ты, казачёк, оказывается только в седле лихо сидишь, да папаху заламываешь, скумекать не можешь. А во-он, видишь, пока мы разговаривали, она и выросла, сосна- то.

Казачий офицер посмотрел в ту сторону, куда кивнул Прохор. Действительно, рядом с берёзой, покачиваясь, стояла стройная сосна.

– Вы что ж её из леса притащили?!– удивлённо воскликнул Чуб.

– Позиция хорошая, а вот деревьев рядом высоких нет. Пришлось привезти из леса и к берёзе привязать, так что упадёт туда, куда надо и когда надо, – заверил Прохор.

– Да вы, оказывается, щи не лаптем хлебаете, – улыбнулся Чуб. – Вот бы и сзади так сделать...

– Уже и сзади так сделали,– неторопливо проговорил Прохор. – Если французское благородие поспешит назад, а у французов голова тоже не из зад-

него места растёт, тоже думают, а им раз... и подарочек.... – Прохор приложил свою подзорную трубу к глазам и стал вглядываться в линию горизонта. Затем тронул Чуба за руку.

– Чего там? – спросил, встрепенувшись, Чуб.

– Карета, кажется, а за ней десяток конных.

– В каретах у них только высшие чины ездят, Наполеон и его ближайшее окружение, проверено, – уверенно сказал Чуб и прижал к себе нос жеребца, чтоб случайно не заржал. – Вы там сначала переднюю сосну валите, а сзади только тогда, когда в обратную кинутся, а не сразу, – сказал он Прохору.

– Не впервой...– озабоченно сказал Прохор и почти бегом побежал к партизанскому отряду.

Как и рассчитывали партизаны, ель упала перед самой каретой, сильно хлестнув ветвями двух конников, что скакали впереди. Самое же поразительное было то, что никто из сопровождения не стал защищать того, кто сидел в карете. Гренадёры дружно повернули коней назад, но упавшая ель и, выскочившие на дорогу с гиком и свистом казачки, преградили им путь отступления. Первые же двое верховых, не останавливаясь, пришпорили коней и, бросив своих товарищей, пустились наутёк.

Бой был коротким, но яростным. Трое пленных гренадер сидели на земле, связанные кушаками и верёвками. Чуб подошёл к карете, постучал шашкой

по дверце и сказал, игриво и весело посматривая на товарищей:

– Господин, как тебя там... француз, прошу вытряхиваться... приехали – Но видя, что дверь не открывается и никто не выходит, он рывком открыл дверцу и остолебенел. Немая сцена, так можно описать реакцию партизан и казаков.

В карете сидели связанные по рукам и ногам двое русских.

– Первый раз вижу, чтоб русских пленных французы в карете возили да с эскортом, – недоумённо сказал Сажин, указывая Прохору внутрь кареты.

– Да это же наш барин, – Воскликнул Прохор. – Пётр Никитич, как же это вы!?! – И, обращаясь к казакам, добавил. – Да вы не сумлевайтесь... свой он. Это он из пушки французских фуражиров расстрелял, помните я вам рассказывал?

– Глиняной картечью, – уточнил один из казаков.

– Ей самой... А с ним его ямщик..., ну тот игрушечник..., помните!?

– Да мы, ка-же-тся, с ни-ми то-же зна-ко-мы, – проговорил с расстановкой Чуб. И, глядя на Петра Никитича, спросил, – помните дорогу на Тулу?... Я вас не сразу вспомнил, а вот лошадок ваших знаю... крепкие коняшки... – но договорить он не успел, за

спиной прогремел выстрел из пистолета. И тут же раздался удар и вскрик.

– Гад, мы думали он убит, а он очухался и из пистолетика бахнул, – оправдывался один из партизан.

– В грудь попал, – говорил другой, отходя от лежащего на земле партизана.

– Живой он! – слышался женский голос. – В карету его. Прохора, пуля попала именно в него, тут же поместили в карету и повезли в имение, а Петра Никитича и Африканта сопроводили к самому генералу Дорохову, где Пётр Никитич и рассказал, что с ними произошло.

– Значит, вот так прямо в карету посадили и повезли...– вытирая слёзы от смеха говорил Дохтуров...– а сзади эскорт... – затем, просмеявшись, сказал серьёзно, – свои неудачи французы готовы списать на кого угодно и этим оправдаться. В данном случае провал на Тульской дороге решили списать на провокаторов. И кому, интересно, такая мысль в голову пришла?

– Майору Антуану из драгун, господин генерал. Капитан Моро нас хотел просто пристрелить, – сказал Пётр Никитич. Только этот Моро сам лежит холодный. Перед смертью успел в нашего партизана выстрелить. А Антуан улизнул.

– Далеко пойдёт этот французишка, если пуля не остановит... Прыткий. – Проговорил генерал.

И только, вошедшие собрались уходить, как генерал, взглядываясь в Петра Никитича вдруг проговорил:

– Батеньки..., неужели... Аустерлиц! Пушечная батарея, проложившая дорогу нашим егерям... Капитан Житков, ты!!!

– Так точно, господин генерал! –

Дохтуров рывком обнял и прижал Петра Никитича к себе.

– Выжил... – говорил он взволнованно. – Я видел, как тебя уносили с батареи, кусок окровавленного мяса... Если б не ты и твои пушкари, не прорубились бы мы тогда сквозь неприятеля... А я то смотрю... Вот ведь где довелось встретиться а... Прибор капитану, – крикнул генерал денщику.

– Ну, а вы как, тут с французом!?! – спросил Пётр Никитич, – когда они сидели с генералом за столом и пили чай.

– Добиваем антихриста. Сейчас он свернул на Малояролславец, только у него ничего не выйдет...

– Почему?

– Не тот теперь стал француз... не тот. Мечется как волк в капкане. Сила ещё есть, а духа победного нет. Ты, знаешь, какое Бонапарт письмо Кутузову прислал?

– Ну, если это не военная тайна, генерал? – улыбнулся капитан.

– Какая уж там тайна... – Дохтуров отпил глоток чая. – Просит Бонапарт выпустить его из России... молит только об одном, чтоб сохранить его честь и императорское достоинство...

– Ну, если так, то...

– Так... так, капитан, всё так. Не тот уже Бано-парт... не тот. – И, помолчав, спросил. – А этот, Антуан, француз, благородным оказался, говорите?..

– Если б не его родословная, то этот Моро при первой встрече сделал бы нас пешими, а при второй – изрубил бы в капусту.

– Бывает и такое. – И генерал весело засмеялся.

Долго умирал Прохор. Долго выходила из большого тела большая жизнь. Пуля Моро, пробив лёгкое, застряла где-то там внутри и он, то тихо бредил, то начинал кричать и отдавать какие-то команды, то вроде, забывался, а когда приходил в себя, то обязательно интересовался – не приехал ли барин? Барина всё не было. Около постели Прохора стояли его жена и пятеро детей.

– Похож, не дождусь я барина, – сказал Прохор. – Убил меня француз... Насмерть убил. Позовите Зосиму...

Кто-то крикнул: «Старосту позовите! Прохор просит».

Позвали старосту.

– Что тебе, Прохорушка, – спросил Зосима, едва переступив порог.

– Ты вот что, – и Прохор попытался приподняться.

– Лежи, лежи, Прохорушка, – сказал ласково Зосима.

– Видно я барина не дождусь... – Сказал раненый. – Барин обещал не уезжать, пока меня не увидит. – Он сделал ещё усилие, чтоб досказать фразу, затем лёг, слабо махнул рукой и успокоился. Успокоился навсегда. А через десять минут приехал в деревню Пётр Никитич. Крестьянки с причитаниями бросились к нему, жалея, что он не застал Прохора в живых. Жена Прохора голосила по покойному. Одна из крестьянок подошла к барину и проговорила: «Он так хотел вас увидеть и чего-то сказать».

– Я знаю... Он мне всё сказал, – проговорил Пётр Никитич медленно. Я всё знаю.

– Как же он вам сказал, барин, когда вас здесь не было? – спросил Зосима.

– Душа его мне привиделась на дороге, в карете со мной ехала. Она-то и сказала его последнюю просьбу.

– Какую же?, – спросил Зосима.

– А просьба эта состояла в том, – возвысил голос барин, – чтобы не забыли мы его сирот. И его, и тех отцов семейств, что сложили и ещё сложат свои головы в борьбе с басурманами. Вот в чём состояла его

просьба. – И, посмотрев строго на старосту, добавил.
– Ты понял Зосима!?

– Как не понять... ни вдов, ни сирот не забудем...

А через две недели, когда отгремели бои под Малоярославцем и армия Наполеона безудержно покатила на запад, выехали из сельца, дав последние наставления старосте Зосиме, артиллерии капитан Житков с кучером Африкантом. Пётр Никитич обещал, что вскоре снова приедет в сельцо, только организует из Крюковки обоз для помощи пострадавшим крестьянам. Чем он и стал заниматься после приезда в имение. Африкант же, когда пришёл домой, сразу сел лепить игрушки. До Рождества оставалось совсем ничего и ребятишкам надо было обязательно приготовить подарок. Война, войной, а рождественского подарка детям никто не отменял.

А вот о том, как от имени Африканта Андреевича наша фамилия образовалась? и как его дети стали, как сейчас говорят, профессионально игрушечным промыслом заниматься? это уже в следующем рассказе будет описано.

Фима.

*По рассказу Пахомовой
Марии Андрьяновны.*

Давно это было. Очень давно – ещё при царе-батюшке. Жили в деревне Большая Крюковка, что неподалёку от города Саратова стояла, пять братьев, звали их – по уличному Африкантовы, потому как их отца звали Африкант. Так уж в деревне заведено было, тем более, что фамилий у крестьян тогда не было.

Весной, летом и осенью, обычно, жители деревни занимаются сельским хозяйством, а как придёт зима, то каждая семья своим подсобным промыслом занимается: кто в извоз подаётся, кто шорничает, кто кадушки на продажу мастерит, кто шапки да обувь шьёт. Братья Африкантовы мастерили сани. Чем отец занимался, тем и они. Если про глиняные игрушки сказать, то их Африкант лепил только к празднику, родственникам в подарок, да ребятишкам на утешение, а лишние продавал в соседних деревнях. Санное ремесло считалось делом более выгодным.

Первым широко игрушечным промыслом стал заниматься один из сыновей Африканта – Илларион. Или посчитал, что игрушки выгоднее, или у него к этому особая тяга была. Возможно, что и то и другое присутствовало, только и без случая здесь тоже не обошлось. Был он ещё не женат, тогда как брат Евдоким имел молодую жену Прасковью и в город на базар Африкант брал неженатого – Иллариона. В Саратов, как правило, везли шерсть, мясо, масло. Африкант всегда за прилавком стоял, торговал, а Илларион всё больше по базару ходил, да приглядывался, кто чем торгует, как берут, с продавцами заговаривал, ему всё надо.

Дольше всех Илларион задерживался у игрушечников. Тряпичные, глиняные, деревянные, каких только игрушек не было. Тряпичные были са-

мые дешёвые. С размалёванными прямо по материи лицами куклы смотрели на покупателя всегда с улыбкой. Деревянные поделки были подороже, но не на много. Чаще всего люди толпились около глиняных. Наряду с дешёвыми собачками и кошечками в разных видах продавались и игрушки дорогие, такие как рыбачка или медведь, играющий на балалаijke. Медведь был самым интересным: с открытой пастью, он лихо стучал по струнам. Мужичонка в треухе, заметив Илларионово любопытство, стал ему нахваливать товар. Хотел было Илларион медведя того купить, очень уж он ему понравился, да поостерёгся – отец заругает, свои игрушки имеются, да так и отошёл от прилавка. И не так Илларион хотел купить того медведя, как расспросить о хитростях нанесения рисунка и покраске. Они свои игрушки немного по-другому расписывали. Только застенялся и не спросил.

Распродав товар, стали отец с сыном домой собираться. А тут к ним и пристань тот самый мужичонка в треухе. Узнал видно, что они по Петровскому тракту поедут: «Подвезите до Елшанки, – говорит, – тут недалеко от города.

– Где Елшанка сами знаем, сказал Африкант, только ты случаем не с кистенём ко мне напрашиваешься? – покосился он недоверчиво.

– Да это игрушечник, я его знаю, – вступился Илларион.

– Ну, то-то же, для доброго человека место всегда найдётся, – сказал Африкант и подвинулся.

– Ну вот, то кистень, то добрый, – засмеялся мужичок, усаживаясь поудобнее.

И только стали из ворот выезжать, вдруг откуда не возьмись чудненькая Агапка, что на базаре нищенствовала, раз к саням, да и говорит Иллариону смеясь:

– Скоро, молодой, с мясом да кожами скудель в город повезёшь, – а сама сторбилась, изогнулась и прихрамывает.

Хлестанул Африкант кнутом лошадь, да на Агапку замахнулся, чтоб под сани не бросалась, а та, смеясь, кричит вдогонку:

– Скудель, молодой, повезёшь! Скуде-е-ль!!! – И долго ещё слышался смех Агапки, пока скрип полозьев не заглушил её голос.

«Вот чудная, привязалась, – думал Илларион, усаживаясь поудобнее, – Что за скудель? Чего кричит дура-баба? И впрямь полоумная, что с неё взять. Ей что, она сказала, а тут в голову всякая дребедень лезет. Ну, её».

– Как бы чего худого не вышло, – хрипло сказал Африкант, – прям под полозья кинулась.

– Агапка, часто дело говорит, – просипел попутчик, – только иносказательно. Её понимать надо. На базаре ей каждый торговец, что-нибудь дать норovit, чтоб торговля лучше шла. Люди всё замеча-

ют, А ты, Африкант, – кнутом.... Борода лопатой, а в этих делах не силён, – и он, не договорив умолк, наверное, чтоб не сердить Африканта, а то высадит в чистом поле и иди семь вёрст пешком.

– Я опасаюсь таперь, чтоб из этого чего худого не получилось, – ответил Африкант, – дорога в шесть десятков вёрст – не воробьиный скок.

Все умолкли, Лошадь бежала резво. Только Саратов проехали – ветерок неприятно засвистел, в городе за домами как-то незаметно было. Дальше, больше. До Елшанки версты три ещё, а ветер уже лошадиную гриву в косы вьёт, снег метелит.

– Не доедем – говорит Илларион, – отворачиваясь от ветра.

– Нам бы до Каменки дотянуть, – молвил Африкант, – там, у кума заночуем, не впервой.

– Не дотяните вы до кума, – просипел попутчик, – сверху сыпать начинает. Позёмка и верховушка, любую лошадь ухайдакают, а до Каменки ещё тянуть, да тянуть. Ей вон уже передувы по брюхо.

– Верно, говоришь, сам вижу, – стараясь перекричать ветер, ответил Африкант. – Ещё немного подсыпет, лошадь голову на оглоблю положит. Видно мы тебя до Елшанки не довезём. Назад вертаться будем.

– А ты не спеши вожжу тянуть, – проговорил попутчик, – до Саратова то дальше, чем до Елшанки. Тяни до деревни – у меня заночуете.

– Раз так, то и порешили, – ответил Африкант. – Чего Ларя, до Елшанки тянем, а утром оглядимся!? – спросил Африкант сына.

– Против непогоды не попрёшь, – ответил Илларион, – давай до Елшанки, судьба значит в Елшанке ночевать.

Не прошло и получаса, как лошадь остановилась перед высокими резными воротами, а ещё минут через пятнадцать, задав лошади овса и накрыв её попоной, все сидели в просторной горнице, освещавшейся лучинами. Сели за стол. Когда глаза пообвыклись к свету, Илларион заметил около печки, сидящую, как-то боком, на низкой скамеечке, в цветастом платочке девушку, она сноровисто катала тесто и готовилась видно лепить пирожки. Личико было её необычайно красиво. Илларион залюбовался. Она, заметив на себе пристальный взгляд юноши, смутилась и, быстро встав, юркнула за занавеску.

Илларион опешил – это лицом чудное создание, имело сзади уродливый горб, который перекашивал всю её фигуру, Иллариону показалось, что она к тому же была ещё и хрома. Он посмотрел ей недоумённо вслед. Борис, так звали хозяина, поймав взгляд Иллариона, пояснил, понизив голос до шёпота: «В детстве в погреб упала, – и тут же добавил, – да вы не думайте, она почитай всю семью кормит. А, точнее, выкормила. Братья поженились, сестру по

осени замуж отдали, если бы не Фимушка, разве б управились. Гляньте на её производство, – и он отдёнул занавеску. В небольшой комнатке, половину которой занимал большой стол да лавка, а по стенам размещались широкие дубовые полки – всё было заставлено игрушками в разной готовности. Одни были раскрашенные, другие стояли красноватые, видно обожженные, третьи сухие, а четвёртые были тёмные, только что слепленные. Готовые игрушки, отливая расписными боками, казалось, с любопытством смотрели на постояльцев.

– Вот это да! – с восхищением выдохнул Илларион и уважительно с интересом посмотрел на мастерицу. Та смутилась и, бросив лукавый взгляд на Иллариона, потупилась, вода кисточкой по собачке. Её тонкие, с длинными изящными пальцами руки, казалось, только и созданы были для этой работы.

– А можно мне посмотреть поближе, – спросил Илларион, глядя то на девушку, то на хозяина.

– За счёт денег не берём, – просипел Борис, – смотри раз интересно. Только в вашей деревне это мастерство вам не к чему, вы люди чисто сельские; зерно, куры, гуси. Да и потом в этом деле, кроме всего прочего, талант богом данный нужен. Хомуты шить, и то сноровка нужна, а тут...

Африкант мигнул сыну, дескать про наше игрушничество помалкивай.

– А как же она? – кивнул Илларион на Фиму.

– Она – это она, – ответил хозяин, – тут особый случай. Мы-то сначала горевали, плакали. А потом, когда я один остался, после смерти жены, да мозгами раскинул и понял – не случайность всё это.

– А што же тогда, – спросил Африкант?

– Ну, тя-тя, опять вы, – засмуцалась красивая калечка. Голос её был подобием журчащего ручейка.

– А что, тя-тя, что тя-тя? – сказал отец и добавил. – Перст на ней божий. Быть значит такому. А иначе как бы сему таланту проявиться? Так вот она лепит, а я торгую, и всё у нас ладится. – Он помолчал. – Вы лучше расскажите, как у вас в деревне? Снегу на полях много, – и хозяин, сев с Африкантом за стол, повёл разговор о хозяйственных делах.

– И давно вы этим занимаетесь? – спросил Илларион девушку, когда их отцы отвлеклись разговором.

– Не помню, вернее как себя помню, так этим всегда и занимаюсь, – прозвучал её очень нежный и звонкий как колокольчик голосок. – Подружки со мной не водились, всё больше дразнились, обзывали по-разному из-за моей внешности. Я с ними водиться перестала. Так, привыкла к одиночеству. – Но тут, же улыбнулась и добавила. – Только вы, Илларион, не подумайте, что я одинока, мне с ними ни капельки не скучно, – и она кивнула на игрушки, – я с ними разговариваю, а они со мной. Так и живём.

– Как же, Фима, они с тобой разговаривают, они же глиняные?

– Это для вас они глиняные, а для меня самые настоящие, живые, – и она посмотрела на парня доверчиво. – А гляньте внимательнее, вот это злюка, – и она указала на глиняную собачку, – а это ревнивец, – и показала на другую, а вот этот, – и она подняла со стола длинноухого глиняного щенка, – миротворец. Он их всех лижет и успокаивает.

Она взяла миротворца и, поцеловав его в носик, прижала к щеке. – Правда, милашка? – спросила мастерица, – и, не ожидая ответа, продолжила. – Игрушки – это те же люди, со своими характерами и манерами. Я их и ругаю, и стыжу, и хвалю – а вы говорите скучно. А хотите, я вас научу лепить и о глине расскажу много чего?

– Глину мы тоже видали, сараи мажем, саманы сбиваем, – сказал Илларион, решив пока не говорить девушке о собственном игрушечном деле. – Да и какое это дело по сравнению с этим. – Он окинул взглядом помещение. – Тут целая мастерская, а у них в деревне лепят после ужина, как стол освободиться или на широкой кухонной лавке, размах конечно не тот.

Фима засмеялась. Илларион насупился.

– Не сердитесь, я не про саманы..., я про лепное дело, – сказала Фима. – У вас ведь в деревне лепкой не занимаются?

– Так если что из надобности, – уклончиво ответил юноша, думая о том, что если он скажет о собственных игрушках, то девушка замкнётся и разговора не получится.

– А что, из надобности?

– У нас в чулане и сейчас петух глиняный стоит, дед слепил.

Девушка удивлённо подняла брови.

– Понадобилось соседского петуха от нашего двора отвадить, – добавил Илларион.

– Зачем?

– У нас в деревне хороший петух особую цену имеет, это, можно сказать, авторитет хозяина. И каждый в своём хозяйстве старается таким петухом обзавестись, чтоб в драке другим не уступал.

– А ваш, что же, уступал? – любопытно спросила Фима.

– Наш не уступал, только сосед наш Фомка, как отец рассказывал, откуда-то привёз драного петушишку, который всех петухов в деревне побил. Вот дедушка и слепил из глины такого же петуха как наш и выставил его на навозную кучу.

– И что, получилось? – заинтересовалась девушка.

– Забияка Фомкин на него налетает и в толк не возьмёт, почему глиняный петух не убегает?

– Он, что поверил, что петух настоящий!? – удивилась девушка.

– Ещё как поверил! Клюёт, крыльями бьёт, а тому, хоть бы что.

– И чем дело кончилось?

– Кончилось тем, что Фомкин петух сбежал, когда наш, глиняный его в голову клюнул.

– Как это, клюнул? Он же не живой...

– Он в виде ваньки-встаньки сделан, качается. Если его сильно отклонить в сторону хвоста, то, возвращаясь в первоначальное положение, он как бы клюёт. Вот так и клюнул...

Фима весело засмеялась. – Рассмешил ты меня этой историей, давно уже так от души не смеялась. А говорил, что в вашей деревне лепкой не занимаются, а только сараи глиной мажут, а у вашего деда талант, петух и тот глиняного петуха от настоящего не отличил.

– Это так, по необходимости. Игрушки тоже по необходимости лепим для ребятшек, а чтоб как вы, то нет, – немного проговорился Илларион.

– А вы попробуйте, – и Фима подала парню кусок глины.

– Боюсь осрамиться, – сказал юноша, но глину взял и тут же слепил вислоухую собачонку.

– Вот.... А говорите, что серьёзно не лепите, – заметила девушка, искренне удивляясь ловкости Илларионовых пальцев. – Ваши руки лепить должны, а вы сани рубите. Дайте - ка мне вашу руку. – Фима взяла в ладони Илларионову кисть, повернула

её ладонью вверх, посмотрела на неё изучающе, пощупала подушечки пальцев и, быстро отбросив кисть на стол, весело засмеялась, – не своим делом занимаетесь Илларион, не сво-и-и-м.

– А, каким же? – спросил удивлённо юноша.

– А у вас имя интересное. Ил-ла-ри-он, – произнесла девушка по слогам, переменив тему разговора.

– Так поп окрестил, – буркнул, смутившись, парень и немного помолчав, добавил, – как будто ты сама Прасковья или Евгения.

– Да вы не обижайтесь, – произнесла миролюбиво девушка, – имя интересное, встречается редко. Я, так его первый раз слышу, мне понравилось.

– Правда?! – Илларион обрадовался и согласно кивнул. – У нас в деревне Фимами никого не зовут, а Илларион я один на всю округу.

– Я, Ефимия, а зовут Фима, так короче. Меня Ефимией никто и не зовёт. А вот вас по-другому и не назовёшь. Илларион, есть Илларион, вот и всё.

– Моё имя в деревне тоже укоротили, Ларионом все зовут, а можно и совсем коротко – Ларя, – подсказал юноша.

– Так вас жена будет называть, да близкие, семейные, – лукаво, взглянув на Иллариона, проговорила калечка.

В этот вечер Фима долго рассказывала Иллариону о том, где они глину берут, с чем смешивают. Но чем дольше девушка говорила, тем меньше воспринимал сказанное ею Илларион. Он просто смотрел на её аккуратненький милый ротик, да на то, как мелькали в её глазах чудные искорки. Этот вечер 1854 года не прошёл для молодых людей бесследно. Наутро Илларион с отцом уехали. А почти через год, 23 января по старому стилю запряг Илларион в санки Чубарого, да и привёз Фиму к себе в деревню, прихватив с собой мешок Елшанской глины. Иллариону исполнилось к тому времени девятнадцать, а Ефимии шестнадцать лет.

«Илларион Африкантов молодую горбатую с Елшанки привёз», – судачили по деревне бабы. А девки на выданье, уязвлённые поступком Иллариона, встретив его, обязательно спрашивали: «Что-то твоя из дома не выходит, прячешь её что ли?» И нарочно, уходя, начинали прихрамывать да кособочиться. Илларион был парень хоть куда, и девчата в деревне на него засматривались, каждая с удовольствием бы за него замуж пошла, а тут он взял да и отмочил такое. Свекровь же Фимины откровенно плакала без голоса, глядя незаметно на сноху-калеку и молчала, Африкант кряхтел и тоже молчал.

Но только недолго было такое отношение к Фиме. Кроме лепки игрушек, оказалось, она ещё умела

вышивать, шить и вязать. Делала она это искуснейшим образом. Вскоре потянулись к ней деревенские модницы не только из своего села, да и с соседних сёл тоже. Сначала из Графки пришли, потом из Ворыпаевки, а там и из Песчанки с Большой Фёдоровкой. И поплыла Фиминая слава по округе. Африкант же, откровенно, похваляясь среди мужиков невесткой, как бы, между прочим, говорил: «Вязальщиц снопов в этом году найму из Большой Фёдоровки». А Прохор – сосед, до которого туже всех доходило, обязательно говорил: «Конечно, твоя сноха в поле не работница, куда денешься, надоть нанимать».

– Дурак ты, Прохор, – укорял его Африкант, – её руки больше стоят, а ты – снопы-ы. Этими руками снопы даже при здоровом теле не вяжут. Она вон связала барыне оборки, вот и плата вязальщицам, да и косцам заодно.

– Верна-а, сосед, не подумалось как-то, – ответил Прохор.

– А ты думай, прежде чем языком по зубам колотить.

Лепку же Фима не оставила, а наоборот, приобщила к ней не только Иллариона, но и брата его Евдокима с женой. Мужики были молодые, смекалистые, быстро поняли, что из глины можно «копейки» лепить, да так дружно и занялись этим подсобным ремеслом. Семья Евдокима, правда, лепила игрушки из серо-белой местной глины, а Илларион с

Фимой из Елшанской, что для Фимы была привычней.

Прасковья с Евдокимом не слишком были в этом деле людьми одарёнными, но денежку, как Илларион, тоже хотели заработать, потому и избрали способ изготовления игрушек полегче, да попроще. Они игрушки не обжигали, а просто сушили и подкрашивали. Так игрушек можно было вдвое больше наделать, да пустить подешевле. Сами они игрушку придумать не могли, а всё Фимины копировали, только они у них хуже получались.

Илларион с Фимой игрушки обжигали. После обжига изделия из такой глины получали светло-бежевый оттенок и их можно было, не боясь расписывать. Расписывала их Фима как никто искусно и её бежевые игрушки выделялись из всего базара.

Дела шли у братьев неплохо. И всё бы хорошо было, кабы не зависть. Зависть к поделкам, зависть к умению Фимы шить и рукодельничать подтачивали добрые отношения двух семей и истоньшили ткань отношений до разрыва. Случилось это зимой. Мороз стоял на улице, а братья поехали в город на одной лошади. Товара было немного, и к Рождеству хотелось продать и чего-нибудь прикупить. Иллариону ещё нужно было к тестю заехать, подарки передать от Фимы. Пока ехали в город оттепело, пошёл дождь, Евдоким не досмотрел, и часть его игрушек намокла. Когда он хватился, то вместо игру-

шек была уже глиняная жижа. Илларионовы игрушки тоже намокли, но им ничего не сделалось, и он их выгодно продал. Это заело Евдокима, и на обратном пути у них произошёл спор. В споре Евдоким обозвал Фиму «Горбушкой». Илларион обиделся и пересел на задок. Кончился этот спор тем, что при подъёме в гору, ударил Евдоким кнутом лошадь, та рванула, Илларион из саней выпал. Как потом рассказывал Илларион, он думал, что Евдоким поднимется повыше, где дорога ровнее и остановится, а он нет, выехал на горку, стеганул лошадь кнутом и ускакал. Илларионова шапка в санях осталась. Пришлось Иллариону идти пешком, без шапки. Ночью подморозило. Пришёл Илларион домой под утро, заиндевевший и злой. Пришёл, не раздеваясь, сел на лавку и сказал:

– Не брат он мне, так даже с гнилыми людьми не поступают. – Потом пришла Прасковья, говорила, что не заметил Евдоким, как Илларион выпал. Ясно, мужа выгораживает.

– Он что же и домой приехал, не заметил, что меня нет? – спросил Илларион, – почему не вернулся, раз нет?

– Думал, что ты спрыгнул, чтоб домой через овраг, покорооче так, – мямлила Прасковья.

– Иди и передай – пока не покается – я его не знаю...

А когда Евдоким не пришёл ни через день, ни через неделю, сказал: «Видно нет у меня больше брата». Евдоким в ссоре пошёл ещё дальше. В то время продолжалась перепись населения и крестьяне получали фамилии. Кому фамилии давали по прозвищам, а чаще по именам родителей и дедушек. Сыновья Африканта: Михаил, Семён, Григорий, Ларион и Евдоким были записаны по имени отца – Африкантовыми. В ссоре Евдоким отказался с Илларионом носить одну фамилию и записался «Тетериным», по уличному имени деда, прозвище которого было «Тетеря». Больше к этому вопросу в семье Иллариона не возвращались. Только счастливая семейная жизнь у Иллариона с Фимой оказалась не очень долгой. Народив Николая, Федосью и Акулину, она при следующих родах умерла.

Долго горевал по Фиме Илларион, однако со смертью жены лепить игрушки не перестал, душой к лепке прикипел. Второй раз Илларион женился на Анфисе Васильевне, которая, тоже оказалась женщиной со сноровкой и с художественным вкусом, что для Илларионова игрушечного дела было как раз кстати. Думается, этот выбор не был случайностью. Видно он такую женщину и приглядывал себе в жёны, чтоб могла игрушечным делом заниматься.

Помирились братья в день рождения у Анфисы с Илларионом долгожданного сына – Андрияна. На радостях простил Илларион давнюю на брата Евдо-

кима обиду и всех позвал на крестины. Евдоким тоже не держал зла на брата, а вот фамилию «Тетерин» менять не стал, сказав: «Чего её менять, чай не баренья какие, понятно чьи будем и ладно».

– Андриян Илларионыч Африкантов будущий игрушечных дел мастер, – говорил Илларион в изрядном подпитии, поднимая младенца к потолку.

Анфиса радостная стояла рядом и боялась, как бы, не уронили новорождённого. Никто из них в то время не знал, что в расшитом ещё Фимой одеяльце басовито кричит не только продолжатель рода Африкантовых, и будущий игрушечных дел мастер, но и от роду, свободный землепашец, а уж о том как его отец Илларион получил от барыни Быстряковой вольную, особый сказ.

Как Илларион от барыни вольную получил?

*По рассказу Африкантова
Андряна Илларионовича.*

Дело это было ещё до отмены крепостного права. В каком точно году произошло это событие неизвестно, этого семейное предание не сохранило, а сохранило то, что вольную получил именно Илларион Африкантыч, проживший на свете 71 год и умерший в 1909 году. Если исходить из церковных записей Казанского прихода Воряпаевской церкви, то имен-

но Илларион в них называется – «крестьянин-собственник», а не «крепостной помещицы Быстряковой», что означает только одно, что выкупился именно Илларион. Доподлинно известно ещё и то, что получил прадед вольную не как другие через выкуп, а к выкупу ещё примешана заслуга пред барской семьёй. Заслуга, вроде, по деревенским меркам, и пустяшная, только не для барыни, которая обыкновенную холопскую сметливость и выдумку возвела в геройство. А дело это вот как было.

В то время Илларион Африкантыч в Большой Крюковке жил и был, как я уже сказал, барским холопом. Деревня же Малая Крюковка, что от Большой Крюковки в трёх километрах по прямой стояла, в то время только образовывалась, в ней селились как свободные, так и выкупившиеся от господ крестьяне. Деревню Малая Крюковка в то время называли «Выселками». Выселками называли потому, что жителями её были в большинстве выходцы из деревни Большая Крюковка, переселённые в результате постоянного по весне затопления их домов водами речки. Большая Крюковка тогда называлась просто Крюковка. Слово «Большая» к названию прибавилось после того, как Выселки стали называть Малой Крюковкой. Вот такая история.

Хозяйство своё крестьянское мой прадед вёл исправно, да ещё помимо дохода с земельного надела, имел и побочный доход, потому копейка у него и

водилась. Побочный доход у него был, понятно, с глиной связан – брал прадед в овраге глину, из неё лепил глиняные игрушки и продавал; как говорили в деревне – «копейку катал». Работа вроде пустяшная, но деньги приносила, и не надо было из-за денежки в извозы ходить, нос в стужу морозить. Многие в деревне, глядя на Ларю, пробовали этим делом заниматься, да не получалось, дело это оказывалось не простым. К нему надо было сноровку иметь, вот так. Игрушки на базаре шли ходко.

Одним словом – был в большой семье прадеда достаток. А раз был достаток, то и хотелось Иллариону Африкантычу вольную получить и переехать в Малую Крюковку. Хотел то он хотел, да всё у него с баринком это дело не решалось, потому, как со справным мужиком какому барину расставаться хочется, убыток один. Барыня, вроде не против, а барин ни в какую. Илларион же нет-нет, да к барину с таким вопросом и подступит, дескать, денег поднакопил, вольную бы, а барин всё отговорки находит, или возмёт да сумму выкупа и увеличит. И вроде тоже прав – «не добрал, мол, Ларя, вот доберёшь, тогда и приходи, не откажу». Помнёт в руках шапку прадед, да и домой – плетью обуха не перешибёшь. Жена его, Анфиса, пока муж в сенцах топчется, уже знает, что опять Ларя с отказной пришёл, больно уж сердито за дверью лаптями стучит, не спешит в дом заходить.

Только тут, надо сказать, заковыка была не в одной Илларионовой справности. Чтоб всю историю понять, надо обязательно к ней ещё и другую приложить.

Зимой приехал к барыне на каникулы племянник то ли с Москвы, то ли из Казани, он в университете учился. Сам барин был заядлый охотник и племяша жены к этому делу пристрастил. Барыня всегда была противницей этого рискованного занятия и вся душой изойдёт, пока глава семейства с охоты возвратится. Места наши зверем богаты; лесов, перелесков и оврагов, заросших деревьями и кустарником, не счесть, есть где зверю водиться. Прадед мой и его предки, тоже все охотниками были, так уж видно на роду написано. Я тоже немало с ружьишком походил – это от моего отца Пётра Андрияновича передалось, и его отец Андриян Илларионович с ружьём не расставался, а уж прадед Илларион был из заядлых, самый заядлый.

Снега в тот год много выпало, Илларион на лыжи да в поле, со своей шомполкой, за ним гончий кабель увязался, Гармаем звали, разноглазый: один глаз голубой, а другой карий. Гонец был – таких сейчас нет и будут ли, не знаю, сутками гонял. Бывало до того за зайцем ходит, что упадёт в сугроб и лежит как мёртвый. Его тогда, по словам моего отца, прадедунка Ларя в собственную шубейку завер-

нёт, чтоб не простудился и домой на руках несёт, вот какая была собака. На неё все охотники в округе завидовали, а барин в первую голову. В последний раз, когда Ларя пришёл к барину вольную просить, так тот прямо и сказал: «Будет тебе вольная, коли гончака отдашь». Ларя насупился, ничего не сказал, ушёл и больше уже вольную не просил. Дворовые барина Анфисе про тот разговор сказали, та к мужу, дескать, отдай, раз просит, иначе не видать нам вольной, а Ларя на неё так посмотрел, что она больше об этом и не заикалась, вот, что значит для охотника хорошая собака.

Так вот, идёт Илларион на лыжах, он их сам сделал из липы, в стороне Гармай по полю рыскает, следы ищет, а низиной барин с племянником идут без ружей, на сворке четырёх борзяков держат, они с одними собаками охотились и ружей с собой на охоту не брали. У барина борзые были что надо – пара одногнезdnиков, по волку травленных. Одногнезdnики тем хороши, что друг друга хорошо понимают и друг за друга жизнь готовы отдать, а у спаренных собак из разных гнезд, хоть и сведённых щенками, такой солидарности всё же нет. По волку, из читателей, что охотники, подтвердят, собачья сплочённость – первое дело, иначе и охоты не будет, и собак не досчитаешься, волк – зверь серьёзный. Но, всё же ближе к делу.

Барин, значит, на сворке борзяков Дымку и Тумана ведёт, а племянник двух молодых, ещё не натасканных и по волку не травлених. Все борзые – ростом чисто телята, особенно Туман.

Увидел барин Иллариона, машет, к себе зовёт. Илларион подошёл, собаки Гармая не трогают, знают. «Давай с нами, – говорит барин, – Гармай из под земли зайца достанет, а уж от моих легавых он не уйдёт». Иллариону барину неудобно отказывать, пошли вместе. Прошли не больше километра, как Гармай с поля с поджатым хвостом летит и хозяину в ноги. «Волчёк рядом, – говорит прадед, – не далее как в том распадке, ветерок оттуда тянет, вот Гармай и учуял. Прошли ещё немного, борзьяки стали с поводков рваться, тоже учуяли. А как на взгорок поднялись – тут и волки, да не один, а целых три, пара молодых и вожак, крупный зверина, матёрый, телёнка дерут. Молодые волки, как людей с собаками увидели, сразу еду бросили и по распадку уходить стали, а старый, даже ухом не повёл, ест и внимания не обращает. Ближе подошли – не уходит, как грыз телячью ногу, так и грызёт. Прадед стал шомполку с плеча снимать, а барин остановил: «Мы его собаками возьмём» и спустил Дымку и Тумана со сворок. Одногнезники сразу волка с ног сбили, охотники подошли – собаки рядом с мёртвым зверем лежат, языки высунули, на барина поглядывают, благодарности ждут. Только радоваться было рано. Матё-

рый оказался не так уж прост, и не мёртвый он был совсем, в себя пришёл, да как хватит Тумана за ногу, так шкуру до коленного сустава одним хватом и спустил. Туман завизжал от боли, крутнулся и лёг, всё – не работник. На волка сука набросилась, она помельче Тумана была, только куда там, зверь есть зверь.

Волка один борзак не берёт. Дымка с волком на снегу вьюнами вьются, а прадед в это время шомполку на готове держит, но не стреляет, боится в собаку попасть; молодые и не травленные борзак в драку не вступили. Дымка одна повозилась с волком, повозилась и бросила, волк намётом уходить стал. В это время прадед вдогон из ружья волка выцелил, нажал на курок – осечка, а тут каждая секунда на счету, ещё раз – опять осечка. Ружьё это ему барин почти за так отдал, когда себе новое купил. У него их три было. Когда ружья не было, Илларион зверя силками ловил.

После третьего взвода курка – ружьё выстрелило, только волк уже далековато был, однако после выстрела споткнулся, видно зацепило, но всё, же выправился и уходить стал. Посмотрели охотники то место, где серый споткнулся – кровь, значит ранен. Племянник барина берёт у Иллариона шомполку, молодой, горячий и за волком, я говорит, его достану, раненый далеко не уйдёт, крови много. Племянник по следу пошёл с шомполкой, а барин прадеда в

село послал за лошадьё, потому как Тумана даже двоим было не донести, тяжёл, а идти он не мог, видно крови много потерял.

Пока собаку отвозили – свечерело, а племянника всё нет, видно по кровавому следу утянулся. Барин говорит прадеду: «Иди, Ларя, домой, охотник не пропадёт, через час, полтора вернётся». Пришёл Илларион домой, поел овсянки, на печке полежал, отдохнул и за игрушки принялся, достал глины – стал свистульки лепить. Лепит он игрушки и слышит – в трубе подвывать стало, открыл на улицу дверь, а там уже и пурга, и позёмка разгон берут, ветер по соломенным кровлям пляшет, воробьёв вглубь застрех загоняет. «Так и до беды недалеко, – думает Илларион, – вернулся ли барынин племянник или нет?» Только так подумал, а тут от барина человек на пороге, так, мол, и так, Аркадий, так племянника звали, не вернулся, барыня в слезах, а Александр Михалыч велел, мужиков на поиски собирать, потому я и пришёл. Вот такая оказия из этой охоты вышла.

Собрались мужики, десятка полтора, бороды от ветра ворочают, кому охота в темень и непогодь в поле идти, барам забава, а им расплата. Барин барыню утешает, мужики же на поиски пошли, Илларион за старшего, так как только он один знал, в каком направлении Аркадий пошёл, потом он охотник, повадки зверя знает. Следы то уж почти зане-

сло. Там где Дымка с волком возилась видно – наст пробит, да клочки шерсти кое – где, примороженные к насту, лежат.

Идут мужики, Аркадия лыжный след выглядят-вают, а какой там след – наказанье одно. Правда, с подветренной стороны оврага увидели, что волк на ту сторону речки вымахнул и в сторону Песчанки, через поле пошёл. Но это они больше догадались, чем увидели, потому как уже и темь навалила, и ветер всю игру играет, так что, ни следов, ни крика какого, не слышно. Шли, шли – остановились, потоптались, поогогокали в темень – в ответ ни звука, домой засобирались, дескать, может быть он уже домой с другой стороны пришёл, у охотника сто дорог, а мы здесь в поле ветер ищем, на том их поиски и закончились. Мужики домой повернули, а барина племянник Аркадий в это время только от преследования отказался, следа не видно стало, решил в поместье возвращаться.

Возвращается Аркадий, а так как уж много походил, то и устал, решил напрямую идти, так короче. Идёт Аркадий и много уж прошёл, а на пути ни кусточка и ни овражка. Думал: «Вот оно поместье, рядом» – да не тут-то было. А пурга и метель ещё пуще расходятся. Совсем устал охотник, вдруг лыжный след увидел, обрадовался. А того не подумал, что какой свежий след в такую непогодь? Пригляделся – его след, тут и понял, что заплутался, по кругу хо-

дит и в какую сторону идти, не знает. Сел в сугроб, шапку снял, пот со лба вытер, стал вспоминать. Вспомнил, что по этому полю дорога идёт на большак, так Петровский тракт тогда называли, только где он? Вроде и место знакомо, а на тебе. Заплутаться то, вроде, негде. В какую сторону не пойдёшь – всё во что-нибудь, да упрёшься. В сторону большака пойдёшь – упрёшься в Песчанский или в Мурский лес, они рядом; правее возьмёшь – тут тебе Мельников (овражек с леском) пути не даст, а чуть ближе, то Малая Крюковка; налево пойдёшь – в Стрелицу упрёшься. Стрелица – тоже овраг деревьями высокими заросший, до самой Песчанки тянется. Если в противоположную сторону идти, то Балашов лес на пути, левее – Лисий куст – рощица небольшая; ещё левее возьмёшь – или в Малокрюковский лес или в Сталоверкино упрёшься. Сталоверкино – лесочек небольшой перед именем, на горке. Если мимо Сталоверкино пройдёшь, то в речку угодишь, а то и в самую Большую Крюковку. В ясный день всё как на ладони и в непогодь приходится по этой «ладони» круги давать и никаких тебе кустиков, ни овражков, ни Лисьих кустов и ни Стрелиц.

Посидел Аркадий на сугробе, холодок стал потную спину брать, встал, снова пошёл. Ходил, ходил – из силы выбился, упал на снег; вьюга над ним пляшет, с боков сугробики намечает. «Нет, – думает, – так дело не пойдёт, этак и занести может, надо

как-то выкарабкиваться». Встал, ружьё в снег стволом воткнул, нести сил нет, немного погодя, и лыжи сбросил, тяжёлыми показались. Шёл, шёл, снега по колено. Подумал: «Зря лыжи бросил, надо бы вернуться, взять». Только за мыслями действий не последовало, ноги назад не идут, снова в сугроб сел, стал осматриваться, а что увидишь? Ничего, кроме снежных торосов в двух от тебя шагах, да полузанесённые собственные следы.

Обидно Аркадию стало, аж слёзы на глазах выступили и тут же ледком на ресницах застыли, не хочется в двадцать с небольшим лет с жизнью расставаться, прилёг на снег, чтоб отдохнуть получше. Думает: «Полежу немного, сил наберусь и пойду». Но не тут-то было – дрёма стала одолевать и сладостно ему так, хотя и понимает и много слышал о том, как люди замерзают, и что его состояние схоже с теми, кто в такой переделке был, кого нашли и от смерти спасли. Знает это Аркадий, а руками и ногами шевелить не хочет, вот так бы лежал и лежал, только сон одолевает, а сон – это плохо. Знает Аркадий, что во сне только люди и замерзают, и хочет он со сном бороться, да с каждой минутой ему это всё труднее даётся. И сон, кажется, уж совсем одолел охотника; даже, вроде, желание бороться за жизнь пропало, в голове картинки всякие из детства проносятся и все с летом связаны, нет в голове у Арка-

дия зимних картинок, а всё лето, пара сенокосная и от жары ни куда не спрячешься... И всё в этом роде.

Конечно, прадед мой этого рассказать бы не смог, если б от самого Аркадия не услышал, барынин племянник - то жив остался. Как Аркадий объявился, так прадеда моего, как главного «виновника» спасения, барыня за стол, и не на кухне, а в том месте, где важных гостей принимают, а ведь и было за что. Барин за столом стопку поднимает за здоровье Иллариона и его семейства и при этом просто, но не без витиеватости в выражениях говорит: «Охотник охотника нашёл, потому как, не хвалясь, будет сказано, охотник из простых любого смерда повыше будет, потому как интеллектом и чувствительностью особыми обладает, а без этого интеллекта охотничьего и чувствительности – охотников не бывает, потому как охотничий люд – каста особая, не в пример другим... Вон! Целая стая бараньих шапок в поле Аркадия искать вышла, а толку?!». И так всё красиво говорит, на повышенном тоне, с апломбом и всё охотничье призвание восхваляет, Будто бы, не будь охотничьей смекалки, то и дело могло бы кончиться плохо. Отчасти это и так, но только отчасти. Дело в том, что когда мужики, что в поисках участвовали, по домам стали расходиться, то и Илларион домой пошёл, а потом назад вернулся и в поле направился, дорогу, что на Петровский тракт проверить, там и

наткнулся на Аркадия. Об этом и пытается сейчас сказать Илларион за столом, потому как ему от этой барской речи было не по себе. Будто он сделал что-то великое. «Я, – говорит он барыне и барину, – сам в последний момент об этой дороге подумал, когда уж мужики разошлись, вдруг, думаю, на дорогу вышел. Если плутал, да недалеко оказался, не мог не выйти».

– А ты молчи! – говорит барин, перебивая Ларю, – ешь, пей и молчи, твоё сейчас дело такое: есть, пить и, что я говорю, слушать! – и опять палец вверх поднял. Так бы и слушали витиеватые речи барина, если б сам племянник в разговор не вступил.

– Не охотничья смекалка, – говорит, – в чудесном моём спасении главная, а самая обыкновенная глиняная игрушка.

– Как игрушка!? – удивился барин, и бровь от удивления ещё выше поднял. После Аркадиевых слов с него как-то спесь охотничья слетела, а дальше уже слушали спасённого.

– Совсем уж я замерзать стал, – говорит Аркадий, – и вдруг до меня звук доносится не похожий на другие звуки, каких в поле не бывает, как будто колокольчики перезванивают. Думаю: «А может быть, я уже умер, и это благовест слышится? Говорили, что человек после смерти ещё какое-то время слышит, не все органы сразу отмирают, вот я и

слышу как колокола небесные трезвонят». Однако ощущаю, что не сплю и до слуха действительно эти странные звуки доходят. Непонятные звуки меня как-то встряхнули, дремотного состояния как не бывало; стал прислушиваться – как ветерок посиленее, так и звуки поярче. Вроде тройка с бубенцами. Сил уже на ноги встать не было, пополз на перезвон.

Дополз я до какой-то палки, из сугроба торчащей, вроде от неё перезвон исходит, стал ощупывать, рука на какой-то предмет на вершине наткнулась, взял предмет в руку – звон прекратился. Предмет был к этой палке привязан. Оторвал его от палки, к глазам поднёс – колокольчик игрушечный, глиняный, с коняшкой наверху, к язычку деревянная плашка привязана, её ветер раскачивает, а она, в свою очередь язычок тянет, тот бьётся о стенки, и колокольчик звенит.... Вот, оказывается, кто в поле вызванивает... Сначала обрадовался, а потом приуныл – какой мне толк от этого колокольчика,... в снег бросил, чтоб не смущал, прилёг – опять перезвон доносится, пополз на звук, где встану, где упаду и снова палка, а на конец палки тоже такой же колокольчик привязан. Понял я, что это не просто палки, а вёшки с хитроумными приспособлениями на концах, что трезвонят и путникам дорогу показывают. Обрадовался, аж зубы от радости стучать стали, за челюсть схватился, а зубной дрожи остановить не могу. Где ползком, где на карачках, где ноги

переставляя, двигаюсь по вёшкам, на слух ориентируюсь, вёшки ведь в темноте не видно, а как до следующей вёшки дойду, так, тот колокольчик целую. Дополз бы или нет, не знаю, обессилел совсем, а тут мне навстречу Илларион...

– И без меня бы дошёл, – встрял мой прадед, – до дворов уж сажен сто осталось, вёшка б вывела...

– Не выбрался бы, дядька Илларион, – если б не твоя смекалка!.. – говорит племянник.

– А причём здесь смекалка, если ты на вёшки вышел, и по ним шёл? – спрашивает барин.

– А притом, что эти колокольчики сделал и к вёшкам Илларион привязал, – сказал Аркадий. – А не будь этих глиняных колокольчиков, то меня и в живых бы не было.

– Правда? – спросил строго барин, поворачиваясь к Иллариону.

– Истинная, правда, – сказал прадед. – Нехорошее это место, многие там плутают,.. вот я и решил....

А барин его перебивает:

– А я что говорил! Только охотник и мог до этого додуматься, – и опять пальцем над головой жестикулирует, – охотничью смекалку ничем не заменишь.... Игрушечники по полям зимой не ходят, это удел охотников! Вот охотник об охотниках и постарался... Верно, я говорю!..

Тут племянник из-за стола встаёт, снимает с вешалки меховую шапку с рукавицами и даёт прадеду, «от меня – возьми, не откажи».

– А от нас вольную, – говорит барыня Быстрякова, а сама слугу зовёт и приказывает, чтоб прибор чернильный с бумагами нёс.

Так мой прадед вольную и получил. А как вольную получил, то и в Малую Крюковку с женой Анфисой переехал жить, в Малой Крюковке тогда только два – три дома было. Потом Столыпин народ в Сибирь позвал. Так старшие дети Иллариона, что от Фимы родились: Николай, Алексей и сестра Акулина в Сибирь подались, а мой дед Андриян, которого из Большой Крюковки в Малую Крюковку Илларион мальцом привёз, с отцом остался. Потом у Иллариона с Анфисой ещё Фёдор народился, самый младший.

После Иллариона мой дед Андриян игрушкой стал заниматься, да по пороше с шомполкой за зайцем ходить. В роду Африкантовых охота в крови, никуда от этого не денешься. Только немного Андрияну пришлось поохотиться, сменил шомполку на трёхлинейную винтовку и пошёл воевать, началась Первая мировая война. И не вернуться бы ему с тех иссечённых пулями полей, кабы не глиняная игрушка и сказка. Только это уже совсем другая история.

Как деду Андрияну сказка да игрушка жизнь спасли?

*По рассказу Африкантова
Петра Андрияновича.*

Когда я был маленький, то очень любил слушать и читать сказки, я и сейчас сказки очень люблю, любили их мой отец Пётр Андриянович и дед Андриян Илларионович. Андриян Илларионович из-за любви к сказкам, можно сказать, жив остался, и даже серебряный Георгиевский крест заслужил. А дело было так. Шла Первая мировая война, мой дед находился на передовой, в окопах. Немцы много раз

пытались взять штурмом русские укрепления, но это им никак не удавалось. Командир роты, в которой находился дед, был отважный офицер и к тому же большой любитель сказок. Отбили русские солдаты за день несколько атак противника, темнеть стало, немцы вроде приутихли. Солдаты наши спать стали ложиться. Отдых солдатский простой – на шинель лёг, шинелью накрылся, да кулак под голову сунул, вот и всё. Спит рота, то тут, то там храп раздаётся, одни часовые не спят, за неприятелем наблюдают, а десяток солдат и командир среди них, около костра греются, портянки сушат, сказки да байки всякие рассказывают. Мой дед глины красной в воронке от взрыва немецкого снаряда набрал, смешные фигурки про неприятеля лепит. Слепил свинью, ей немецкие погончики прицепил, а на голову каску пристроил, солдаты хохочут, забавно получилось.

Заговорились, заслушались солдатики, а дело уже за полночь. Вдруг командир как на ноги вскочит: «Газы!» – говорит. Он один под неприятельскую газовую атаку попадал и знал, что в это время делать надо. Кинулись людей будить, а будить – то и некого, все до одного мёртвые лежат, от газа погибли, остались лишь те, кто около костра сидел, да сказки слушал. Ядовитый газ к костру не мог подойти, его тёплый воздух отгонял. Что делать? Утром немцы в атаку пойдут, а защищать позиции некому.

Собрал командир оставшихся в живых бойцов, кто у костра был и говорит:

– Делать, братцы, нечего, надо фронт держать.

– Как же мы его держать будем, когда нас на всю линию обороны осталось, что можно на пальцах пересчитать? – спрашивают бойцы.

– Так и немец также думает, что он нас всех газом погубил, – возразил командир, – пусть так он и думает, а мы ему поможем в этой мысли утвердиться, будем сидеть тихо, как мыши, вроде нас и нет. Как только немец в атаку поднимется – мы его до самого бруствера допустим, а потом из пулемётов и ударим.

Командир же думает: «Солдат у меня совсем – ничего осталось, только к пулемётам поставить, здесь главное, чтоб не запаниковали, нервы у солдатиков выдержали». Тут он голоса слышит, солдаты разговаривают.

– Сомнёт он нас, не устоять, – говорит один из солдат, – при живой роте и то с трудом держались.

– Если разом, да с умом ударим, как ротный говорит, то и удержимся, – заспорил с говорившим другой солдат.

– Не паникуйте, братцы, раньше времени, – говорит Андриян, нечего себя раньше времени хоронить, немца пуля тоже не милует.

Дед мой, хоть пулемётчиком и не был, но управляться с ним умел, да и товарищи его тоже были не лыком шиты, не первый день в окопах, люди стре-

ляные. Заняли места за пулемётами, патроны приготовили, затаились, искоса в сторону моего деда поглядывают, улыбаются. Командир смотрит – улыбаются солдаты, никакого страха, а почему улыбаются, не поймёт. Можно сказать, бойцы смерти в пасть смотрят, а в глазах у всех весёлые искорки прыгают. Один из солдат командиру на моего деда кивнул, а у самого рот до ушей. Подошёл к моему дедушке командир, смотрит, а около пулемёта дед свинью в немецкой каске пристроил, что ночью у костра слепил, свинья ленту с патронами в копытах держит. «Как это понимать? – строго спрашивает офицер, а сам улыбку сдержать не может. «А пусть вторым номером у меня побудет, – говорит дед, – а то патроны подавать некому, всех товарищей потравили».

«Молодец, что солдат развеселил, – говорит командир, – весёлый солдат в бою втрое сильнее».

Только утро зарумянилось, немцы в атаку пошли. Идут во весь рост, думают, что всех русских солдат газом погубили, а наш командир, пригибаясь, по ходам сообщения бегаёт и бойцам наказывает, чтобы раньше, чем немец до бруствера дойдёт – огонь не открывали. А как немецкие солдаты стали на бруствер подниматься, наши пулемётчики по команде командира такой ураганный огонь открыли, что немцы с испугу назад побежали. Командир потом сказал, что это фактор неожиданности сработал, немцам надо было вперёд идти, а они назад, так в ложбине все и полегли под пулемётным огнём.

Все любители сказок за этот бой были серебряными Георгиевскими крестами награждены, командир ещё и серебряный темляк на шашку получил, а деду Андрияну за гляняную свинью в немецком мундире сам генерал руку пожал. Сам на дедову грудь георгиевский крест прикрепил со словами: «Благодарю за героизм и поднятие боевого духа русского воинства» и даже прослезился.

Помню, когда в нашей деревне дедушку просили рассказать, за что он получил боевую награду, а Георгиевский крест в нашей Малой Крюковке только у него у одного был, то дед всегда усы подкрутит, бороду расправит и очень серьёзно скажет: «За сказку и получил, – и обязательно добавит, – если б не сказка, да не игрушка глиняная, то я бы с фронта домой живым не вернулся». Так вот это было.

А как вернулся Андриян, то вновь игрушки стал лепить, да детей к этому делу приучать. Детей у него много было, а вот помощницей в игрушечном деле одна дочь Пелагея стала. Глину приготовить, подкрасить, как отец скажет, слепить что попроще, здесь она первая. Особенно любила Полинка игрушки продавать. Тут ей равных не было. Продать, ведь тоже талант нужен. А уж что с ней и с её игрушками произошло, того не описать никак нельзя. Об этом дальше читайте.

Розовое платье.

*Записано со слов Егоровой
Антонины Ивановны*

Ох, и многое надо было успеть Полинке. Во-первых, постараться продать свой товар быстрее чем, отец продаст свой. У них с отцом условие – как приезжают в Саратов на базар, то каждый торгует своим товаром и в торговлю они друг друга не вмешивают. Андриян продаёт творог, молоко, сметану, а Полинка – глиняные игрушки, которые отец обяза-

тельно лепит, приурочивая к очередной поездке на базар с маслом и яйцами.

Андряну, такая самостоятельность дочери нравится, а с другой стороны тревожно, Полинка, распродав свой товар быстрее его, обязательно убежит и безнадзорно ходит по Сенному базару, удовлетворяя собственное детское любопытство, а на базаре всякое может случиться. Правда, перед каждой поездкой в город Андриян предупреждает дочь: «За Сенной базар не выходить!» А Полинка и не выходит, ей бы только по игрушечным рядам пробежаться, да посмотреть, что нового выставили на продажу, потом надо поинтересоваться, чем старьевщики торгуют – там тоже можно увидеть много интересного, а уж после надо обязательно зайти в маленький магазинчик, в котором продают одежду. В этом магазинчике можно постоять подольше и рассмотреть всё получше. В магазинчике два продавца – мужчина и женщина. Женщина продаёт женскую одежду, а мужчина мужскую.

Вот и сейчас усатый продавец подозрительно смотрит на Полинку и предупреждает напарницу «Смотри, Маша, как бы эта фитюлька чего не утянула с прилавка, уже полчаса трётся». После этих слов Полинке хочется усатому дядьке показать язык и убежать. В иных ситуациях она так бы и сделала, но только не сейчас, выгонят ещё. И потом она стоит у прилавка, где торгуют платьями, а не брюками

и женщина- продавец к ней всегда хорошо относится. Вот и сейчас она урезонивает усатого продавца:

– Ты, Фёдор на неё не надо так, она не бродяжка, какая. – И обращаясь к Полинке спрашивает, – правда, девочка? – Полинка кивает головой и говорит:

– Мы с тятёй из деревни приехали торговать. Мне нравится у вас бывать и смотреть на платья.

– Только тебе до этих платьев подрасти надо, – говорит продавщица, у меня детских платьев нет.

– Я знаю, – кивает девочка.

– А какое платье тебе больше всех нравится? – интересуется продавщица.

– Вон то, розовое, с оборками, – кивает Полинка на понравившееся ей платье.

– А может быть с рюшечками? – спрашивает продавец, показывая ещё одно платье.

– У этого пошив не очень, потом у нас в деревне с рюшечками не носят, только с оборками. Я, когда замуж буду выходить, обязательно себе такое платье куплю, розовое, с оборками.

– О-хо-хо! Замуж собралась выходить, – подтрунивает усатый, – бородой вон только до прилавка достаёшь, сопли зелёные.

– Тебе, Фёдор, женской души не понять, – урезонила продавщица усатого, – а у девочки, между прочим, вкус есть. Вы чем занимаетесь? – спросила она Полинку.

Тут Поинка оживилась и стала рассказывать, как они с отцом игрушки продают.

– Что ж, и ты продаёшь? – удивилась продавщица.

– У меня ещё лучше покупают, чем у тяти, – похвасталась Поинка. – Он больше сметану, яйца, молоко топлёное продаёт, а я игрушки. Тятя сам говорит, что у меня игрушки лучше покупают.

В это время в магазинчике распахнулась дверь, и через порог шагнул Андриян.

– Вот ты, оказывается, где?! – говорит он, то ли сердито, то ли просто показывая сердитость. – Я так и думал, всю дорогу мне стрекотала про магазинчик и про платье. Вы уж извиняйте нас, – обратился он к продавцам, – работать вам мешаем, – проговорил Андриян, беря дочь за руку.

– Да нет, что вы, – ответил усатый продавец, – очень даже забавная девочка, смышлёная.

Это была последняя поездка Поинки в Саратов перед долгим перерывом. А перерыв этот был вызван тем, что грянула в их деревне коллективизация, лошадей согнали на общий двор. Отвёл и Андриян свою Махорку на колхозную конюшню, ездить стало в Саратов не на чем, за шестьдесят километров пешком с грузом не пойдёшь, и впервые Андриян в этот год не стал заготавливать на зиму глину для лепки игрушек. Жизнь в его семье зимой замерла. Сам он всё больше пропадал на дворе, ухаживал

за скотиной, а когда заходил в дом, то частенько говорил: «Ноне дохода от игрушек не будет, надо по-лучше скотину блюсти, овец развести побольше, они в хозяйстве самые прибыльные. С ними, да с коро-вой хоть с голоду не пропадёшь, времена - то ка-кие... эх, хе-хе....».

А тут грянул голодный 33-й год. Не всем семьям в деревне Малая Крюковка удалось выжить, Андриян и два его сына Ефим и Пётр с ружьём по очереди ночевали в хлеву, сторожа корову, да с пяток кур, которые к тому времени остались. Пали лошади на колхозном дворе от бескормицы. Три только оста-лись и среди них Махорка и то, только потому, что ходил Андриян и подкармливал бывшую собствен-ную животину.

А перед войной, Полинка заневестилась. Испол-нилось ей к тому времени девятнадцать лет, и надо было думать о свадьбе. А что о ней думать, когда в семье семь человек детей и все мал - мала, меньше. Думала о свадьбе Полинка и очень ей уж хотелось предстать перед женихом в розовом платье с обор-ками. Хоть в Саратов было ехать и не на чем, но всё же она попросила брата Ефима, чтоб накопал и привёз глины с Шейного оврага, решила упросить отца, чтоб помог ей налепить игрушек, а уж она как-нибудь свезёт их в Саратов.

Андрияну Полинкина затея не понравилась. Он хоть и понимал, что дочери хочется на свадьбе быть в новом платье, только Саратов не ближний свет, в

руках игрушки не донесёшь. Однако, Полинка отца упросила и тот стал лепить. А тут и случай подвернулся, знакомый лесник обещал подбросить до Саратова, только ей до Петровского тракта надо было три километра пешком пройти, лесник никак не хотел в деревню по грязи ехать. А чтоб отец в последний момент не раздумал Полинку с лесником в город отпустить, она пошла на хитрость, и побежала на грейдер тайком, поздно вечером, потому как лесник в ночь ехал.

Как стемнело, юркнула Полинка за дверь, прихватив с собой ведро с игрушками, за двором спустилась в овраг, перешла по камешкам водотёк, поднялась в гору, а дальше край Ущельного оврага пошла, Вершинный овраг слева остался. Здесь, рядом с деревней, она не очень боялась, потом месяц, хоть и ущербный, но всё же высвечивал тропинку и обозначал местность, тускло проливая свет на мокрые поля и на дальний лес. Самым страшным местом был лес, через который можно было пройти двумя путями: прямым, по узкой дороге или через лесные ворота, разъединяющие два лесных массива. Полинка решила идти через ворота, пусть подальше, но не так страшно, лесные ворота широкие, всё видно, если приглядеться.

Вот уж и овраг закончился, дальше тропинка по полю паханому пошла, по впадинке, самой низинкой, где лемеха плуга только по земле ширкают, а не пахут, потому и твёрдо. Тут только комья попада-

ются, что с лемехов плуга опадают, через которые то и дело спотыкаешься. Наконец, кончилось паханое поле, дальше стернёвое пошло, а стернёвое поле прямо в ворота упирается, стали тёмные шапки деревьев просматриваться. Страшно конечно, но желание купить к свадьбе платье выше страха. Идёт Полинка, ведро о ноги стучается, да перевясло руки режет, только она на это внимания не обращает, потому как ей больше радостно, чем страшно, у неё перед глазами платье розовое с оборками стоит, это тебе не грязь, липнущая на подошвы. Она её вроде и не замечает, грязь - то, а вперёд идёт и идёт, о свадьбе думает.

Это произошло, когда лесные ворота были уже совсем рядом. Зверь лежал на тропинке, повернув к ней широкую лобастую голову, и ждал. Полинка его заметила, когда до волка оставалось саженой пять, не больше. Она остановилась. Волков она видела, и не раз, но чтобы так близко – нет. Она, конечно, испугалась, но взяла себя в руки. Решение было принято молниеносно – обойти. Девушка свернула с тропинки и стала обходить зверя стороной. Ей сначала казалось, что задумка удалась, но не прошла она и двадцати метров, как снова увидела лежащего на её пути волка. Что делать?

Это уже была не случайность, как она подумала в начале. Дальше Полинка рассудила так: «До деревни дальше чем до тракта, пойду вперёд». Полинка

решила снова обойти зверя и только она сделала шаг в сторону, как хищник поднялся и медленно пошёл по стерне, чтобы снова встать на её пути. «Вперёд он меня не пустит», – подумала Поинка и решила вернуться в деревню.

Ей стало не по себе тогда, когда, возвращаясь в деревню, она миновала стернёвое поле и, войдя на паханое, снова увидела волка. Он серым пятном лежал на чёрной тропинке, вытянув морду в её сторону. Поинка остановилась. Обходить зверя пашней было трудно, ноги утопали в грязи, но она пошла спотыкаясь о борозды и описывая длинную дугу, пытаясь выйти на тропинку позади зверя. Это ей удалось. Она с трудом вытащила ноги из пашни и встала на твёрдую почву дорожки, понимая, что уже больше не сможет сделать такого маневра, сил для таких маневров не осталось. «Кажется, пронесло, – подумала она, – Иш, привязался».

Ей сделалось по настоящему страшно, когда она снова увидела лежащего на своём пути зверя. И если раньше она почему-то не видела его глаз, то теперь глаза хищника горели желтовато-оранжевым огнём, и тут Поинка закричала, то ли от страха, то ли от отчаяния: «Долой! Пошёл прочь!». Но волк не уходил, только глаза его загорелись ещё ярче и злее. И тут Поинка вытащила из ведра глиняную игрушку и запустила ей в волка. Игрушка, матово блеснув, упала где-то рядом со зверем. Она выхватила из ведра вторую игрушку и снова бросила в волка. На

этот раз тот отпрянул в сторону и отступил. Видимо блеск игрушек, и красные вкрапления на них испугали зверя. Горящих желтоватых глаз зверя не стало видно. Полинка обрадовалась. «Наверное, ушел», – подумала она. Только радость её была преждевременной, метров через тридцать она снова на тропинке увидела светящиеся волчьи глаза. Подходя к зверю, ещё издали начала бросать в него игрушки и кричать: «Долой! Пошёл прочь! Боже! Спаси и сохрани...А-а-а-а!!!».

Волк нехотя отступал. Вот минуло паханное поле, с левой стороны пошли овражные заросли, тянущиеся до самой деревни. Эти кусты ещё больше пугали Полинку, неизвестно за каким может притаиться зверь, однако последнего всегда выдавали светящиеся глаза и девушка этим пользовалась. Она запускала игрушки в направлении оранжевых точек и кричала: «На! Подавись, зверюга! Ещё хочешь!? На ещё!». Наконец она сунула руку в ведро и не обнаружила там ни одной игрушки. Что она могла ещё сделать – это бросить в волка само ведро. Только этого она делать не стала. «А-а-а-а!!!» Закричала она изо всех сил, а затем тихо опустилась на землю со словами: «Ну,... иди, жри, чего ждёшь...» Слезы залили её лицо.

Волк не уходил, он медленно и осторожно приближался. И тут, когда от Полинки до зверя оставалось расстояние в один волчий прыжок, со стороны села раздались два выстрела из охотничьего ружья.

Волк повернулся на выстрелы, злобно сверкнул глазами и исчез в зарослях. Только и Полинка не могла дальше сделать ни шагу. Она, обняв пустое ведро, сидела на земле и горько плакала. И было не понять, то ли она оплакивала свою несбывшуюся мечту о розовом платье, то ли это были слёзы радости нечаянного спасения. Здесь, на тропинке, и нашёл её Андриян, идя с ружьём на крик дочери. Он принёс Полинку домой на руках, потому, как она не могла не только идти, но и держаться на ногах. Андриян положил Полинку на печь, сверху накинул полшубок и долго слушал, как в полузабытьи, дрожа и выстукивая зубами дробь, Полинка повторяла: «У меня никогда, никогда не будет ро-зо-во-го платья...».

На следующий день Андриян наточил нож и пошёл в хлев.

– Так для свадьбы же растили, – встряла мачеха, догадавшись о намерениях мужа.

– Молчи, – глухо сказал Андриян и вышел. Через три дня он приехал из города и вручил Полинке розовое платье, а жене сказал: «Перетерпим, не тридцать третий». На свадьбе Полинка была в новом розовом платье с оборками.

На заборе, ухватившись руками за доски, повисла ребятня, свадьба – это всегда интересно. Девочки-подростки, а среди них была и десятилетняя Тонюшка, разглядывали невестино платье. Ах! Как

оно ей шло, как шло! Они по-детски завидовали этой малокрюковской красавице и мечтали, как бы скорее вырасти и чтобы у них тоже было такое же красивое розовое платье.

P.S. Ровно через 57 лет Егорова Антонина Ивановна, вспомнит эту историю и расскажет. Расскажет, чтоб её уже никогда не забыли. Расскажет для того, чтобы её вспомнила и сама Пелагея Андрияновна, потому как в свои 95 лет уже многое в её памяти стёрлось. Когда я ей напомнил о розовом платье, она даже руками всплеснула от удивления:

– Точно! Было такое. Кто же тебе обо всём этом рассказал? Никак Тонька Задашина (уличное прозвище), больше некому. – И, помолчав, спросила: – Зачем это тебе?

– Рассказ хочу написать. Ты же сейчас в роду старейшая игрушечница.

– Была когда-то игрушечница, – сказала Пелагея Андрияновна и добавила. – Ты б лучше о брате Василии написал. У него задатки покрепче чем у меня были. Хорошо? А вот продавать он не умел, – и засмеялась.

Не выполнить просьбу 95-летней игрушечницы было нельзя. О чём писать я не знал, но вскоре услышал о дяде Васе одну интересную историю и она легла на бумагу.

Гуси

*Рассказано участницей события
Ивлиевой Тамарой Васильевной.
Событие произошло в 1939 году.*

Ваське, тщедушному с большими голубыми глазами пареньку, двенадцати лет от роду, скучно. На улицу его не пускают, а дома тоска. И не просто тоска, а тоска смертная. «То ли дело Шурке Рыжему или Вовке Смыслову, поди, уже на пруду в выбивалки играют, а тут вот сиди и сторожи этих проклятых гусей» – подумал он и от безысходности запустил в

большого рябушистого гусака старой, отвалившейся от сапога, подмёткой. Подмётка перелетела через гусака (перелёт) и угодила в железный таз. Бу-ум! разнеслось по двору. На звук открылась дверь и в неё выглянула старшая сестра Анюта. Увидев сидящего на крыльце братишку и не обнаружив ничего предосудительного в его поведении, она окинула взглядом двор, и закрыла дверь. Анюта Васю любит и жалеет. Его все жалеют, потому что Вася сирота. Своей матери он совсем не помнит. Она умерла, когда он был совсем маленький. Его выкармливала грудью старшая сестра Мария, потому как в это время у неё родилась дочь Тонюшка и молока обоим хватало. Но тех лет Васька не помнит и, странно бы было, если б помнил.

Матери Васька не помнит, но она часто ему грежится и Ваське представляется, что он не только её помнит, но и хорошо знает. Зря в семье говорят, что дети в малом возрасте ничего не запоминают. Может быть с кем-то и так, но только не с ним. Вот они любящие глаза прямо перед его лицом. Пухленькие материнские губы щекочут Васяткин животик и ему хорошо, мальчуган улыбается, открыв беззубый ротик, и ловит ручками её волосы. Вот поймал косицу и пытается засунуть в рот. Мать улыбается, высвобождает прядь из цепких ручонков сынишки, а потом вдруг, почему-то ни с того, ни с сего начинает от него удаляться. Вот материнское лицо на мгновение зависает в воздухе, затем уплывает в сторону и сли-

вается с фотографией в рамке на стене. Это её, мамина, фотография. На ней она стоит рядом с тётей Дуней и тётей Маней. Только у тёти Дуни лицо совсем не такое как у мамы, мамины губы живые, они умеют шептать, и Васька слышит этот шёпот и особенно явственно он слышит её голос и ему становится нестерпимо обидно.

У Васьки нежные черты лица, это от мамы. У него длинные тонкие пальцы, это тоже от мамы, а вот что лепить ими он умеет – это от отца. Хотя отец сейчас и не лепит, но тётя Маня, мамина сестра, не раз, видя его с куском глины в руках, всегда ласково погладит его по голове и обязательно скажет: «В отца и деда Ларю пошёл, рукастый», только Ваське эти ласки не нужны. Ему так и хочется крикнуть всем и особенно тёте Мане, потому, что она стоит рядом с его мамой на фотографии. Ему хочется крикнуть всем и спросить, почему они все живые, а её нет? Почему в отношении его такая несправедливость? Это не правильно, это не справедливо, поэтому и запустил Васька в гусака подмёткой, потому как не на кого было выплеснуть накопившуюся у него в душе горечь.

Васька сторожит гусей, так как они мешают работать старшему брату Ефиму и сестре Анюте. Сестру Анну никто не зовёт Анной, а почему-то ласково зовут Анютой, а отец зовёт Нютой. Анюта красивая, как и Поля, только ростом поменьше и хохотушка, смешливая очень и весёлая. У неё своя семья, муж

Иван (Вадя) и трое детей Колька, Женька и Санёк. Санёк ещё в зыбке качается и с Васькой ей заниматься некогда. Больше всех с ним занимается Дуня, но сейчас Дуни нет, её куда-то услали.

Гуси лезут к большой кадлушке, из которой Ефим ковшом наливает в ведро шипающую в нос мучную жижу. Это брага. Ефим отцеживает брагу в кадлушёнку, чтоб она в тепле ещё настоялась и созрела. Скоро большой праздник, к ним в дом сойдутся родственники и будет веселье, а брага в большой красной глиняной бадейке будет поставлена на середину стола. Только это будет потом, через неделю или две, а сейчас Ваське поручено, пока Ефим с Анютой занимаются брагой, отгонять гусей. Васька и отгоняет, только почему-то брат с сестрой долго не идут. Он заглянул в кадлушку, – в ней на дне осталась одна тестообразная жижа. Ваську огорчило то, что Ефим с Анютой почти всё вычерпали и ушли, а ему не сказали.

«Сбегаю, посмотрю», – подумал он, закрыл кадку крышкой и, отогнав от неё подальше в угол двора гусей, пустился бегом к сараю. Только Ефима и Анны он в сарае не обнаружил, а увидел их около дома, они о чём-то разговаривали с дядькой Иваном, дом которого стоял от их дома наискосок, на другом порядке рядом с Митиным подворьем. Около дядьки Ивана стояла Таня Степанкина, высокая прямая женщина. Её Васька узнал ещё по девочке, которая рядом на траве прыгала через верёвочку. Это Томка,

её дочь. Их дом стоит на Загорной улице, она младше Васьки на целых два года и потому мало ещё чего знает, что известно Ваське, и, потом, девчонка, а у девчонок одни мысли – про тряпки и куклы, ничего интересного.

Васька хотел идти снова во двор, но раздумал, а зашёл в ходок, это такая пристройка у подвала, взял, завёрнутую в мокрую тряпку глину и намерился идти на крыльцо во двор, чтобы чего-нибудь слепить, потому, как и гуси как бы к кадушке не подошли, да и полепить захотелось. Только он вознамерился идти во двор, как рядом раздался Томкин голос:

– А чего это у тебя в руках? – девочка стояла у него за спиной. Васька вздрогнул и повернулся, ему не хотелось раскрывать свои тайны, и он бы ответил этой Томке как надо, но, увидев её любопытную и дружески настроенную физиономию, немного растерялся и произнёс:

– Глина...

– Я знаю, за нашим двором такая есть, – сказала Томка и шмыгнула носом.

– Там я и накопал в овражке, – ответил Васька.

– А чё ты с ней делать будешь? – вновь спросила девочка.

Васька хотел ей ответить, что это не её ума дело, но увидев её смешно торчащие русые косички, не стал грубить, а подал знак, чтоб шла за ним и открыл дверь в ходок подвала. На земляной лежанке,

где отдыхали в летнюю жару взрослые, Томка увидела много всяких глиняных поделок. Тут были и гуси с вытянутыми шеями, и петухи с грудью колесом и много чего другого.

– Это ты сам всё наделал или кто? – спросила девочка, открыв от изумления ротик.

– Дед пихто... – в тон ей ответил важно Васька, но тут же, чтоб ещё больше удивить Томку, взял кусочек глины, скатал в руках колбаску и ловко вытянул из неё ножки, головку с рожками и хвостик, получился барашек.

– Вот это да, – изумилась девочка. – А я так смогу?

– Сможешь, – снисходительно сказал Васька, только мне надо идти гусей сторожить, а то мне Ефим задаст.

– Не задаст, – сказала Томка. – Они надолго там встали, на десятки деревенские дворы делят.

– Если так, то на, – сказал паренёк и подал глину Томке, – только тренироваться надо, сразу не получится. – После чего они оба уселись на лежанку и стали лепить.

Васька лепил быстро. Из его рук появлялись то круторогие бычки, то вислоухие свинки, то задиристые собачки, то скачущие зайцы. Но покорила его воображение Томки не этим, а свистком. Она так и приросла к лежаку, после того, как Васька, приложив к губам поделку, дунул в неё и в ходке раздался залихватский свист.

– Ты и свистки умеешь делать? – Ещё больше удивилась Томка.

– Подумаешь, свистки, – важно проговорил Васька.

– Ты что, в эти самые ... пойдёшь? – спросила Томка, забыв, как называется такая специальность, – ну, кто лепит?

– В скульпторы, хочешь сказать? – Нехотя проговорил Васька. – Томка улыбнулась.

– Не-е-е, – помотал головой Васька, – я строителем буду, а глина это так, безделица, тут и учиться ничему не надо – взял и слепил, а я хочу дома строить, поняла? Сейчас строители нужны. Где ты видела, чтоб было написано, что глинолеп нужен? – и сам же ответил: – нигде, астроек, их вон сколько всяких и везде специалисты требуются....

Томка мотнула в знак понимания головой, но, по правде сказать, ничего не поняла. Ей просто больше нравилась специальность, когда из глины лепят, а вот слово «глинолеп» ей не нравилось.

– И совсем такой человек и не глинолеп, – сказала она, сама не ожидавшая от себя такой прыти, – а игрушечник, вот.

Больше ей ничего не удалось сказать, потому, как Васька вдруг вспомнил, что ему надо сторожить гусей, а он вот уж сколько времени сидит в ходке с Томкой, а про гусей совсем забыл. Васька быстро вскочил, вытолкал Томку из ходка, выглянул на улицу и перевёл дух – на дорожке Ефим, Анюта,

тётка Таня и дядька Иван всё разговаривали, и, кажется, уже собирались расходиться.

– Давай, давай, потом придёшь, – торопил Васька Томку и, закрыв дверь ходка, бросился во двор.

Когда он вбежал во двор, то первым делом увидел бычка Мишку. Мишка столкнул лбом кадушку набок и пытался засунуть в неё голову, чтоб полизать стенки изнутри. Это ему плохо удавалось. Гусей почему-то рядом уже не было, они через, не затворенную, Васькой калитку, вышли на улицу и спустились в овраг к водотёку, оттуда доносилось их весёлое гоготанье.

– «Кажется, пронесло» – подумал Васька, отталивая бычка от кадушки и ставя её на прежнее место. «Бычок, видно, подошёл только что, стал чесать о кадушку лоб и свалил её» – подумал Васька и снова отправился в ходок. На улице уже никого не было – все разошлись, только в Митином проулке слышался Томкин голос. Потом пришёл брат Пётр, загнал бычка на пригон, спросил, где гуси?

– В овраг пошли, – сказал Васька.

– А чего у быка Мишки уши в барде?

– В кадушку сунулся, да я отогнал.

– А гусей чего выпустил, гусыням хотели крылья подрезать.

– Я не знал, я думал, чтоб просто к кадушке не лезли.

– Бери вилы, поможешь навоз перебросать. – И Васька, взяв вилы, поплёлся за братом бросать на-

воз. Навоза было не очень много, и они вдвоём довольно быстро с ним управились.

– Обедать! – раздался из сеней голос отца.

– Пошли, зовут, – сказал Пётр и поставил вилы к стенке.

Васька быстро забыл про этот случай с бычком Мишкой и гусями, семья села обедать, не было только Анюты. Но, не успели зачерпнуть из блюда со щами по ложке, как услышали во дворе причитание Анны.

– Никак Нютка плачет, – сказал Андриян. Все выскочили во двор, думая, что с ней что-то случилось. Анюта стояла около овечьего пригона, а около её ног недвижно лежали два больших гуся. Видно, что она их только что принесла.

К гусям подошёл отец, пощупал тела и сказал: – «Ещё тёплые, – спросил: – Убил кто, или как? – затем перевёл строгий взгляд на Ваську. Васька втянул голову в плечи и промолчал. Он не знал, что произошло с гусями в овраге, но то, что ему было приказано за ними следить, помнил.

– Может лиса задушила? – сказал Ефим.

– Может и задушила, – ответил Андриян.

– Они ещё тёплые, – сказала Анюта, – давайте головы отрубим и в суп, ведь они как живые.

– Ну, уж нет, – заметил Ефим, – если б ещё барахтались, тогда другое дело, скажешь тоже... в суп мертвяков.

– Ощипать надо, чтоб хоть пух не пропал, сказала старшая сестра Маня. Она только что пришла и,

оценив ситуацию, выдала единственное практическое решение.

Молодые женщины не заставили себя долго ждать. В четыре руки гуси были быстро ощипаны, кроме хвостов и крыльев, потому как с крупным пером решили не возиться. Ефим взял ощипанных гусей за лапки, вынес со двора и бросил в овраг, так как дом стоял почти на самом его краю.

За столом сидели хмурые. Как ни старалась старшая сестра развеселить братьев и сестёр, ей это не удавалось. Гусей было жалко, взрослая пара. Пётр предлагал Ваську высесть, а Ефим советовал отдать к мордве в подпаски, потому как шалберничает и никаким делом не занимается. В общем, этот каверзный случай с гусями Ваське ничего хорошего не сулил и он, повесив голову, стоял у печки и ковырял пальцем в носу, ожидая решения своей участи. К мордве в подпаски, по предложению брата Ефима, идти не хотелось. «Лучше б уж высекли» – подумал он, мало представляя как это бывает, потому, как в семье Андрияна Илларионовича сечь провинившихся заведено не было.

Тут Васька опять вспомнил мать. Ему стало горько, что её нет, а то бы она обязательно за него заступилась. А ещё он подумал о глине, главной виновнице произошедшего и ещё о Томке, и если б не она, то он бы и не стал лепить этих баранчиков и много ещё о чём бы он успел подумать, если б....

В общем, здесь стоит сделать паузу. Потому, как во время паузы можно не только всей грудью вдох-

нуть воздух, но и всей грудью, его же и выдохнуть, что и сделал провинившийся Васька, так как нельзя было этого не сделать. Просто Васька в это время глядел в окно и первым увидел идущую к дому ватагу встревоженно гогочущих гусей. Все бросились к окну, пошире отдёрнули занавеску, а Ефим с Пелагеей даже приподнялись на цыпочки, хотя и были выше всех ростом.

Никто не произнёс ни звука, только Андриян кашлянул в кулак. — За окном по дорожке к дому впереди гусяного стада шли два голых оципанных Пелагеей и Маней гуся и только на крыльях, хвостах и головах у них было не выщипанное перо, что придавало им некую осанистость и смешливую важность. Они шли, покачиваясь на оранжевых лапах, взор их был ещё помутнён от съеденного бражного теста, в голове троилось и им казалось, что к дому ведут ни одна, а три дорожки и каждый из них вышагивает по своей. Такое триединство не мешало им весело гоготать и хлопать то и дело крыльями. Гусям было весело. Возможно, птицы думали, что всё это происходит в их гусяном сне. Другие гуси видом своих сородичей были, надо сказать, весьма ошарашены и то и дело забегали вперёд, разглядывая одностадников, трясли головами и от удивления вскрикивали.

Первой, не вытерпев, прыснула в кулак Анютка, а Ефим дал Ваське хороший подзатыльник, только ему было совсем не обидно, это не в подпаски к деревенскому пастуху идти.

«МИ» второй октавы.

*Рассказано Африкантовым
Петром Андрьяновичем*

Отец мой, по большому счёту, не был игрушечником, тяги у него к этому делу не было. Хотя, как и подобает в семьях, занятых этим ремеслом, лепить умели все, к этому сызмальства приучали. Приучали - то всех, а игрушечниками становились не все. Так вот, родитель мой Пётр Андрьянович лепить особо не лепил, а вот слух имел отменный. Точнее сказать, умел он из игрушек виртуозно делать толь-

ко одни свистки разных размеров и разных тональностей с птичьими и звериными головами. И до того он в этом деле преуспел, что слепить два свистка одинакового звучания, ему ничего не стоило. Делал он и свистки двушки, и тройчатки, соединяя в одном свистке два, а то и три разных звука, подбирая их так, чтобы звучание было благозвучное и чтоб слух не коробило. Ещё он делал свистки «гуделки» с игральными отверстиями. Научил свистки Петра Андрияновича делать отец, который знал все тонкости этого мастерства, потому, как у игрушечников-глинолепов, уметь делать свистки считалось наукой из наук. Только сын в этом деле больше преуспел, превзошёл отца и всё благодаря отменному слуху.

Нотной грамоты, мальчишка не знал, но внутренним чутьём понимал, какие звуки стоит в свистке соединять, а какие нет. Всё зависело от предназначения изделия. Если пастуху требовался свисток, то лепил его Пётр Андриянович со звуком резким и отрывистым, чтоб до самой глупой коровы в стаде доходило. До той, у которой, в рогатой голове только одна извилина и та работает на то, как на озимые сбежать. Для ребёнка-ползунка свисток лепился с нежным звучанием и лёгким вдуванием, чтоб малыш неудобств не испытывал, а свистя, лёгкие зарабатывал. Заезжие музыканты тоже ему свистки заказывали. Только этим музыкантам надо было свистки делать с определённым звучанием. А так как Пётр Андриянович музыкальной грамоты не

знал, то они ему на каком-нибудь музыкальном инструменте показывали, с каким звучанием им свисток нужен. Дзинькнут струной или растянут меха, нажмут на клавишу, а отец услышит, да такой же точно инструмент и состряпает. Говорят, сам профессор консерватории дивился на его способности, когда он ещё подростком был. Как там это было дело, точно неизвестно. Попал он в консерваторию по случаю, заказ отдать, а профессор взял со стола рогатую палочку, да как ударит. От этого звук появился. «А с таким звуком можешь свисток сделать?» – спрашивает. «А почему бы и нет» – отвечает отец.

«Только я тебе камертон не дам, – сказал профессор. «Значит, эта палочка с рожками камертоном называется» – смекнул подросток и отвечает: «А зачем он мне!? Мне он без надобности. Звук простой, это всё равно что блюдце на пол уронить, одинаково...»

Профессор даже брови поднял от удивления. «Ну...ну...» – только и сказал и так внимательно на паренька поверх очков посмотрел.

Свисток этот отец сработал, как говорят «ноль в ноль».

И быть бы отцу музыкантом большой руки, да только жизнь сложилась иначе, хотя нельзя сказать, что божий дар ему не пригодился. Пригодился он ему в самых интересных обстоятельствах и не где-нибудь, а на фронте, а точнее, в партизанском отряде, в котором он воевал с немцами в годы Великой

Отечественной Войны на территории Белоруссии. Я уже упоминал об его военной судьбе в одном из очерков. Может быть, когда и опишу те события по-подробнее, а сейчас скажу вкратце, чтоб понятно было тем, кто очерка не читал.

Пётр Андриянович в 1941 году служил в армии, был пограничником. Застава его находилась выше города Бреста. Когда немцы напали, он как раз стоял на посту в полном вооружении, как полагается. В первый же день войны он был тяжело ранен. Ему из пулемёта перебили выше колен обе ноги. Два артиллериста, крепкие ребята, несли обезноженного отца в колонне пленных, три километра, до ближайшей деревни, в которой был госпиталь. Был плен, было лечение в русско-немецком госпитале, где охрана была немецкая, а персонал русский. Главный врач госпиталя оказался не только из Саратова, но и родом из деревни, которая была от нашей деревни недалеко. Этот главный врач и прятал его от немцев на чердаке больницы. Потом был побег и партизанский отряд.

Из фильмов и из книг всем известно, что паролем у партизан были всевозможные звуки. Самый распространённый среди них был свист, за свистом шло подражание крику птиц, чаще всего это был крик утки. Уткой кричать умели далеко не все партизаны и пользовались этим паролем лишь разведчики и подрывники. У них были такие крикуны-умельцы. Подрывники и разведчики уходили на за-

дания ни на один день, а когда возвращались на базу, то и оповещали о своём возвращении условленными заранее криками и свистами. Отец мой, как раз, был командиром отделения подрывников. Взрывали они чаще всего железнодорожные мосты и рельсовые пути. Уходили на задания сроком недели на две, не меньше. Во-первых, уходили далеко, километров за тридцать – пятьдесят, а во – вторых – к железной дороге, а тем более к мосту сразу не подойдёшь, охраняли немцы транспортные коммуникации хорошо. Дороги были нервами войны. Поэтому, как рассказывал отец, надо было к дороге выдвинуться незаметно, залечь, определить, где находятся вражеские секреты, узнать, когда они меняются, как происходит смена и многое другое. А если просто так к дороге сунешься, как говорится – «на дурачка», то ног от этой дороги не унесёшь, сам погибнешь и задание не выполнишь. Этим и была вызвана долгая отлучка подрывников из отряда.

Базы партизанские тоже охранялись, по дорогам и тропам стояли уже не немецкие, а партизанские секреты. В секретах находились бойцы, которые по свисту или крикам птиц определяли, кто идёт в партизанский отряд, свой или чужой. Вся эта оповещательная механика действовала безукоризненно до поры до времени, пока немцы всерьёз не обеспокоились тем уроном, который им стали наносить партизаны. Вот тут-то хитрый майор вермахта Мюльтке и придумал план по борьбе с партизанами.

А план этот был такой. Решил Мюльтке найти среди военнослужащих немецкого гарнизона мастера по подражанию голосам животных, чтоб при помощи ложных птичьих криков обнаруживать партизанские секреты на дорогах и их уничтожать, а вместо них ставить своих автоматчиков и уничтожать группы подрывников, разведчиков и вылавливать связанных, которые возвращаются на партизанскую базу.

Задача была серьёзная, план был умный и этот майор Мюльтке со всей немецкой педантичностью взялся за его выполнение. Сначала майор в егерской роте нашёл этого самого Карла, солдата, который мог голосам зверей и птиц подражать, затем он при помощи этого солдата выявил местонахождение партизанского секрета и полностью его уничтожил. Одним словом, с появлением этого Карла начались у партизан неприятности. То секрет немцы снимут, то разведчики на засаду нарвутся. Условные сигналы в виде крика птиц подавались правильно, а когда партизанские разведчики шли на эти крики, то получали из кустов пулю в упор. Так был убит друг отца Сашок. Пуля должна была сразить Петра Андрияновича, он шёл первым, но перед самой опушкой леса он провалился в кротовник и потянул ногу, первым пошёл Сашок, а отец, сильно хромая, стал в отделеении замыкающим.

Когда пришли на базу, то выяснили, что пострадало не только отделение подрывников, у разведки

были потери гораздо больше, плюс лишились связанного мальчишки.

А самый первый прокол у фашистов произошёл в результате выжившего партизана, которого немецкие егеря посчитали мёртвым. Он то и сообщил, о ложных криках птиц, которые партизаны посчитали за сигналы товарищей.

К вечеру командир отряда собрал совещание. На него были приглашены те партизаны, что попали в немецкую ловушку, для точного выяснения обстоятельств.

Когда Пётр Андриянович спустился в командирскую землянку, там уже было довольно много народа. Лёшка Чабец, увидев товарища, подвинулся, уступив край скамьи.

– Что говорили? – Спросил отец полушёпотом.

– Ничего пока не гутарили, – в тон ему сказал Лёшка.

В этот момент в землянку вошёл озабоченный замполит. Прошёл, сел рядом с командиром.

– Что там? – спросил одними глазами командир отряда.

– Всё одно... – Проговорил замполит, – дают сигнал, а в ответ пули.

– Сигналы надо менять, – вставил паренёк из первой роты. Голова у него была перевязана, повязка набрякла от крови. Видно он только что вырвался из лап фашистов и никак не мог сдержать эмоции.

– А на что менять? – спросил разведчик Басалыгин. – Уткой крякаем – стреляют, филином ухаем – тоже самое. Что, опять на свист переходить? Уже было. Насвистели так, что и сейчас чешется...

– Каждый день надо менять пароли, – заметил командир взвода первой роты..., – другого не придумать.

– А как предупреждать о смене паролей тех, кто на задании и вернётся через неделю, а то и две? – спросил кто-то из дальнего угла землянки.

– Немчишку надо кокнуть, того что ловко голоса животных копирует, – сказал Басалыгин.

– Что надо немчишку ликвидировать, это понятно, – сказал командир. Придёт время – ликвидируем. Только люди у нас сегодня гибнут. Может быть, кто ещё идейку подкинет? – и он обвёл взглядом собравшихся и добавил, обращаясь к Петру Андрияновичу. – Что, Игрушечник? Здорово фриц уткой кричит? Что скажешь?

– Здорово - то оно здорово, – проговорил Игрушечник, – только утки все разный голос имеют.

– Ты это к чему? – спросил замполит.

– А к тому, что как уткой не крикни, то всё хорошо. Утки они ведь тоже каждая свой голос имеет. А у нас как... Утка крикнула и ладно, значит, свои. А как она крикнула? С какой интонацией в голосе, испуганно, озабоченно, или просто селезня подзывает?

– Верно, сказал раненый боец, только мы всех бойцов в один утиный голос заставить кричать не

сможем, талантов не хватит, вот немцы этим и пользуются.

– А ты, Игрушечник, не говори загадками! Говори, что на этот счёт думаешь – сказал замполит.

– Я считаю, что тот боец прав, что предложил снова на свист перейти. Я не видел, кто это сказал.

– Ну, ты, Игрушечник, даёшь! Мы же уже свистели... – ухмыльнулся Лёха.

Пётр не глядя на него ответил:

– Неправильно свистели. Свистели, как и утки кричали, все по-разному. Немец нас на этом и подловил.

– А как же мы будем одинаково свистеть, – вставил дед Хорь, который только что пришёл из деревни тайными тропами. – Я, например, совсем свистеть не умею, у меня зубов нет. Васька вон, сквозь пальцы свистит, а Мишка как-то во рту язык закладывает, что свист происходит... Вот и получается, что одни с шицом свистят, а другие ухо свистом режут.

– Надо свистеть всем одинаково, – упрямылся Игрушечник.

– Я через пальцы свистеть не буду, – заметил Лёха. – Я учился..., не получается.

– Нам что, свистки с собою носить? – вставил опять тот же боец, которого не рассмотрел Игрушечник.

– А почему бы и нет. Только свистки должны быть у всех одинаковые, одной тональности. –

Вспомнил Пётр выражение профессора из консерватории и тут вставил его в разговор для важности.

Здесь пришло время пояснить читателю, почему Петра Андрияновича в командирской землянке все называют Игрушечником. И совсем не потому, что он происходит из рода игрушечников, об этом никто и не знает, а потому, что один раз, а таких разов было много, в партизанский отряд привели детей, у которых на глазах расстреляли родителей. Ребятишки были подавлены, всё время молчали и даже от еды отказывались. Вот мой отец и слепил им из глины игрушки, как у него в семье лепили. Понятно, что это были свистки, сделанные в виде птичек с дырочками на спинке. Во время свиста эти отверстия закрывались по очереди и получалось музыкальное звучание. При помощи этих свистков ребятишек, можно сказать, к полноценной жизни вернули. Хотя, какая в отряде у детей может быть полноценная жизнь? Вот с тех самых пор и закрепилось за Петром Андрияновичем второе имя – «Игрушечник». Да, так закрепилось, что спроси у партизан, пришедших в отряд после этого случая, так они настоящего отца имени и не знают, Игрушечник, да Игрушечник, всё всем понятно. (Теперь и далее я буду называть Петра Андрияновича в рассказе Игрушечником).

– А где мы эти свистки одной тональности найдём? – задал кто-то вопрос.

– Свистки такие сделаем, – заверил Игрушечник.
– Я их из глины налеплю.

– И все одинаково свистеть будут? – спросил раненый боец из другой роты.

– Одинаково будут свистеть, не беспокойся, – заверил Игрушечник.

– А кто в лесу будет определять, какой тональности свист? – спросил замполит. – Не все же такие слухмяные, как ты.

– Дело говорит боец, – сказал командир отряда. – Только в секрете тебе, Петро, самому сидеть придётся. – Здесь он назвал отца по настоящему имени. – Ты один свист от свиста отличить можешь, тем более на расстоянии. Так что с сегодняшнего дня я тебя от рейдов на железку отстраняю. Временно будешь находиться здесь. В секрет будешь ходить. А теперь иди и делай свои свистки.

Через неделю Игрушечник принёс замполиту семь одинаковых свистков, сделанных в виде соловья с открытым клювиком. Замполит подивился изящной работе и даже дунул в каждый из них. Все свистки издавали совершенно одинаковый звук. Шесть свистков раздали командирам диверсионных подразделений и разведчикам. С седьмым свистком мастер ушёл с товарищами в секрет на охрану партизанского лагеря. Результаты не заставили себя долго ждать. Дня через два на краю леса раздался условный свист. Игрушечник насторожился. Через минуты две, три раздался повторный свист.

– Это не наши свистят, – проговорил Пётр, – то-нальность не та, – и сжал руку Лёхи.

– Давай ответный, – проговорил Лёха и передёрнул затвор немецкого автомата. Игрушечник приложил свисток к губам, свистнул и приготовил ручной пулемёт, с которым никогда не расставался. Приготовились и другие бойцы. С флангов группу секрета прикрывали тоже. В группе прикрытия слышали условный свист Игрушечника и тоже приготoвились.

Через некоторое время среди деревьев замелькали фигурки людей.

– Приготовиться... – шепнул Игрушечник товарищам, а через две, три минуты их автоматы, пулемёт и винтовки вместе с лесной порослью косили мнимых партизан, так что убежать смогли совсем не многие.

Только этим дело не кончилось. В немецком штабе по поводу случившегося разгорелся скандал. Все обвиняли немецкого слухача, говоря, что это он подставил немецких солдат под партизанские пули. Тот в свою очередь недоумённо смотрел на собравшихся и молчал. Первым внял голосу разума майор Мюльтке.

– Господа! – сказал он. – Негоже всё валить на одного человека. Как это говорится у русских в этом случае – «найти крайнего». Замечу, что до этого всё удавалось и в этой самой комнате слышались по-

хвальные речи. Давайте лучше от обвинений перейдём к анализу ситуации.

– Хорошо, что я не успел отослать доклад в дивизию, чтоб наш опыт распространили по всем дивизионам. – Заметил майор Клаус, отвечавший за работу с местным населением.

– И всё же... что вы думаете об этом, – обратился он к Карлу.

– Они не зря перешли снова на свист, господин майор. – Проговорил тот. – Они перестали мяукать, пищать, крякать и квакать. Они снова стали свистеть. Я в свисте совсем не специалист. Я по голосам зверей и птиц специалист. Думаю, что такой переход на свист не случаен. Здесь есть какая-то хитрость, господин майор. Значит, наш свист и их свисты чем-то отличаются? Нужен узкий специалист по свистам, господин майор.

– Где, где я возьму этого специалиста по свисту? – сказал раздражённо Мюльтке.

– Свист – это звук, – проговорил до этого молчавший майор Клаус. – Этот звук имеет свою высоту. Это я вам говорю из основ теории музыки. Я не большой руки музыкант, но кое-что в этом понимаю. – Клаус замолчал.

– Говорите ..., говорите майор. То, что вы говорите наводит на мысль. – Тихо проговорил Мюльтке.

– Да я уже всё сказал, – поморщился майор Клаус.

– Всё, да не всё, – потирая ладони от удовольствия, – проговорил Мюльтке. – Хотите, я продолжу вашу мысль, хотя к музыке никогда не имел никакого отношения?

– Это даже интересно... – заметил Клаус и приготовился слушать.

– Всё просто, Клаус. Русские раньше свистели, как кому придётся. Главным было у них в передаче информации, это не качество, а количество свистов. Причём, разных свистов. Когда мы их сигналы расшифровали – они перешли на крики животных. Но и тут мы нашли человека, который может воспроизводить звуки леса. А перешли партизаны снова к свисту потому, что стали подавать сигналы все одинаковой высоты. Эта ваша мысль, майор, только в моём оформлении, применительно к ситуации и больше ничего.

– Ловко, – засмеялся Клаус, – у тебя дружище ум устроен, совсем иначе, чем у меня. Получается, они не перестали бы кричать и квакать, если бы могли это делать в какой-то определённой тональности?

– Конечно, дорогой Клаус, конечно. Видишь... ты уже начинаешь мыслить, как разведчик. Всё правильно. У них нет специалиста, чтобы мог создать инструмент, подражающий крику птиц, а вот сделать такие свистковые устройства специалист нашёлся. Вот они и наделали таких свистков. И эта их свистковая высота звучания испортила нам всё дело. Думаю, что нам тоже надо найти такого специа-

листа, здесь Карл прав. Идите Карл, вы свободны. – Обратился он к солдату.

Карл, отдав честь, вышел из комнаты.

– В этом я вам помогу... – сказал Клаус, когда Карл вышел. – У меня есть в дивизии знакомый обер - лейтенант, руководит духовым оркестром. До войны он был настройщиком инструментов в Берлине. Имел хорошую репутацию. Это всё, что я о нём знаю.

– Это прекрасно, – потёр ладони майор Мюльтке. – Возможно он нам поможет.

– А как он нам поможет? – спросил майор Клаус.

– Пусть послушает их свисты. Возможно, он подтвердит нашу догадку.

Через два дня обер - лейтенант Дитмар уже сидел с егерями в зарослях боярышника и вслушивался в звуки леса. Дитмар был посредственным музыкантом. Он и не стремился оттачивать это мастерство. Его слава была в другом, он был прекрасным настройщиком музыкальных инструментов. Без его мастерства лучшие пианисты Берлина не смогли бы показать своё мастерство во все своей силе. С самого раннего детства Дитмар был связан с музыкальными инструментами. Его отец имел небольшую мастерскую по изготовлению духовых музыкальных инструментов и об устройстве этих инструментов мастер знал не понаслышке. Он бы и на фронт не попал, у Дитмара были хорошие связи, но подвела нелепая случайность. Одной пианистке удосужилось увлечься скромным настройщиком, а её брат на-

цист, не видя в этом увлечении ничего хорошего, упёк незадачливого любовника на восточный фронт. Хорошо, что Дитмар попал в музыкальное подразделение.

Разумеется, Дитмар, обладая хорошим тренированным слухом, сразу определил, что партизанские позывные, звучат в строго одинаковой тональности – «МИ» второй октавы. О чём он и доложил майору Мюльтке. Мюльтке не преминул воспользоваться талантом Дитмара и предложил ему изготовить такой же свисток. Дитмару ничего не оставалось, как согласиться. Отказываться было бесполезно. Этот хитрый Мюльтке, оказывается, уже знал о Дитмаре всё. Дитмар только сказал, что будет делать свисток из дерева и сказал, какие ему будут нужны инструменты. Инструменты ему доставили, а через два дня Дитмар положил перед Мюльтке свисток, сделанный из дерева.

Игрушечник и ещё три партизана, лежали в засаде. Это была последняя, как обещал Игрушечнику командир отряда, его засада. Идея со свистками удалась. Немцы видно не смогли воспроизвести тональность глиняного свистка и необходимость использовать игрушечника в засадах сама собой отпала. Да и не любил Игрушечник эти засадные посиделки. Другое дело диверсии. Там постоянный риск, там нервы как струна, там быстрая сообразительность зачастую решает успех выполнения задания.

– Ну, что, командир... последняя наша засада и на железку, спросил неразлучный Лёха. – Не смогли Гансы сделать свисток... не смогли.

Он был в явно приподнятом настроении. Ему тоже не нравились эти посиделки в кустах, а по нутру была более вольная жизнь диверсанта, когда тебе только указывается цель и назначается срок, а в остальном ты сам себе хозяин. Риски и определённая вольность как нельзя лучше подходили к немного бесшабашной натуре Лёхи, и он более всех изнывал от «безделицы», как он называл сидение в кустах. И в тот момент, когда Лёха, закинув руку за голову, пережевывал во рту конец былинки, стараясь другим её концом пощекотать шею друга, раздался свист.

– При-е-ха-ли... – тихо проговорил растягивая слово Лёха и вопросительно посмотрел на Игрушечника. Тот в ответ молчал и только в том месте, где хотел пощекотать былинкой Лёха, вздулась от напряжения жилка.

Игрушечник свистнул в ответ, но приказал всем лежать и не высовываться. Это их спасло. Немцы навалились с двух сторон, и только густой ельник в отрожке укрыл их от преследования, да подоспевшая группа Мигулина спасла от полного уничтожения.

Что Игрушечник, обошли нас фрицы? – спросил командир отряда. – Двое ранены. Один – тяжело. Я уже поговорил с бойцами. Скажи мне только одно: почему после того, как ты дал ответный свист, при-

казал партизанам не высовываться, то есть, по сути, приказал быть начеку?

– Я виноват, – проговорил, понуря голову Игрушечник. – Высота звучания была такая же, что и у наших свистков, а вот... – игрушечник запнулся.

– Чего «вот»? Чего «вот». Ты договаривай... строго сказал командир, – жизнями рискуем...

– Не понравился мне этот свист... Всё правильно. Свист правильный, а вот привкус... Я подумал, что это от того, что свисток в воде побывал, или от того, что мы на новом месте в засаде. Склоны оврага такой оттенок свисту дают. А с высотой всё правильно. Я думаю, что надо всегда в одном месте в засаде сидеть, чтоб таких эффектов не было.

– Я вам, что запрещаю в одном месте сидеть?

– Просто раньше, товарищ полковник, такая мысль в голову не приходила...

– Что ещё пришло тебе в голову? Ведь вижу по глазам, что что-то пришло?

– Правильно, товарищ полковник..., пришло. Думаю, надо сделать свисток с двойным звуком. По сути, это аккорд. Такой свисток сложнее в изготовлении, зато и подделать его труднее. Нам, в этом случае легче, это мы заказываем музыку, то есть её создаём. Немецкий мастер-слухач должен разделить услышанный свист на составляющие. То есть, надо услышать в свисте два звука, иначе такого свистка не сделать.

– Ну, так делай! Чёрт возьми, эти свои свистки... Я, что ли делать буду? – нервно ответил полковник.

– Есть, делать свистки с двойным звуком, – сказал Игрушечник и, круто повернувшись, вышел из землянки.

– Что, здорово досталось, спросил Лёха, поджидая товарища недалеко от землянки командира.

– Хорошо, что в расход не пустил... – буркнул Игрушечник и направился под навес делать свистки двойчатки.

Как ни приняты были все меры по предупреждению подрывников и разведчиков, всё равно полностью потерь избежать не удалось. Командир отряда приказал никого не выпускать за пределы лагеря, пока им не будут вручены новые свистки. Двойчатки были готовы только через неделю. Командир бригады сам взял двойчатку в руки и, поднеся к губам, подул в дульце. Раздался густой с гнусавинкой звук.

– Такой свисток точно не подделают? – спросил он.

– Подделать можно, но трудно... – ответил Игрушечник.

– А ты бы, услышав, такой свист, подделал?

– Я бы подделал, товарищ командир.

– А немцы что, глупее тебя?

– Не глупее, товарищ командир.

– Значит, и они подделать могут?

– Могут, но трудно это. Если у них специалист найдётся, то смогут.

– Они уже смогли, Игрушечник! – проговорил на повышенных интонациях полковник. – Мы думали, что не смогут, а они смогли и нам это боком вышло.

Он немного помолчал и уже спокойно добавил:

– М-м...да... Могут, но трудно... Однако, делать нам нечего. Придётся играть в ту игру, которую навязывают... – Хорошо, Игрушечник, иди... иди и слушай. Крепко слушай! И чтоб там без всяких диссонансов! Прослушаешь..., пеняй на себя.

Игрушечник, круто повернувшись, вышел.

– Давайте пробовать, командир, – проговорил присутствующий при этом начальник контрразведки, – другого не остаётся.

– Если мы будем всё время пробовать, то без людей останемся. – Бросил полковник.

– Я делал запрос по радиии. – Добавил начальник контрразведки. – С центра ответили...

– Что?... что ответили!?! – нервно и недовольно спросил полковник.

– Ответили, что в условиях фронта и тем более партизанского соединения, такое просто невозможно. Там очень удивлены, что у нас есть такой специалист. Это им сказал какой-то музыкальный светила.

– Что он понимает этот светила, что здесь возможно, а что нет...? Здесь может быть всё. Понимаешь...? Всё. Ладно..., действуйте.

На этот раз партизаны поступили хитрее. Они не стали дожидаться, когда оперативная группа будет

возвращаться с задания и подаст знак двойчаткой., а выслали на опушку леса двух партизан и они несколько дней подавали такие сигналы. А вот ответа на такие действия им пришлось ждать не менее двух недель. Эти две недели немцы на связь не выходили и партизан не тревожили.

– Инструмент готовят, – хмуро говорил Игрушечник и уходил в засаду.

По истечении двух недель, когда на опушке снова раздался свист, все в засаде даже переглянулись от неожиданности. Свист был сильный и отличить его от партизанской двойчатки было невозможно.

– Наши. – Прошептал Лёха. – Наверное, Терехов с сотки вернулся.

Отделение подрывников под командованием Терехова ушли на подрыв железной дороги за сто километров. И только эта группа могла вернуться с задания. Другие на подрыв не уходили.

– Может быть наши, а может быть и нет, – проговорил Игрушечник.

– Почему «может быть нет»? – спросил Лёха. – Это они..., по времени подходит.

– Почему... почему – потому... – буркнул Игрушечник. – Немцы это.

– Что так? – удивился Лёха.

– Звук двойчатки нашей и этой... одной высоты, а привкус тот же, что и прошлый раз... Немцы это, Лёша..., немцы. Я своим ушам, Лёша, больше, чем чему - либо доверяю... – И тут же тихо скомандовал:

– Приготовиться... Маричев!... Дуй к разведчикам. Пусть отсекут их от деревни.

– Ты что, Игрушечник! С ума сошёл! – вскипел Лёха. – Ты же себя под расстрел подводишь, да и нам...

– Делай, что говорят... – вполголоса сказал игрушечник.

Чувствовалось, что решение это ему далось не просто. Глаза его были напряжены, скулы обострились, на носу повисла капля пота. Он вынул из кармана двойчатку и дунул в дульце. Над лесом прокатился, взметнувшись над деревьями призывной звук. Минут через десять на тропинке показались вооружённые люди. «Огонь!» скомандовал Игрушечник и сам дал длинную очередь из ручного пулемёта по впереди идущим. В ответ раздались проклятья, выстрелы и команды на немецком языке.

Немцы хотели с хода смять партизанскую засаду, но бойцы в ней были бывалые и немцам это сделать не удалось. Бой длился с полчаса. Немцы продолжали атаковать. Партизаны не знали, что майор Мюльтке отдал приказ – «обязательно, живым или мёртвым захватить русского мастера-свистуна».

План Мюльтке не удался. Партизаны из разведвзвода верхом на лошадях обошли немецких егерей, отрезали их от деревни, спешили и пошли в атаку. Самого Мюльтке в этом бою захватить не удалось, а вот настройщик Дитмар попался. От страха он залез под кучу веток, откуда его за сапог и вытащил Лёха. Немец был бледный как мука. Он стоял на полянке

с поднятыми руками и повторял: «Я есть музыкант»... Вскоре его доставили в штаб партизанского отряда, где он и рассказал, как было дело. В штабе посчитали, что фриц может быть полезен нашей разведке своими знаниями, правда, не в области музыки.

– Кокнуть бы надо этого ушастика, – зло проговорил Лёха. На что командир разведки сказал:

– В Берлине он был вхож в разные дома. Знает многих сановных лиц в лицо, а ещё знает их взаимоотношения, всякие детали. Это нашей разведке может помочь.

– А я бы застрелил... – упорствовал Лёха. – Сколько из-за него наших полегло.

Перед самой отправкой немца, Игрушечника вызвали в штаб к командиру. Когда он спустился в землянку, в ней был начальник контрразведки, командир отряда, переводчик и Дитмар. Игрушечник стал докладывать о своём прибытии, но начальник контрразведки прервал:

– Немецкий музыкант выразил желание увидеть тебя, Игрушечник. Кстати, в кармане у него нашли свисток, которым он и подавал сигналы. Он взял со стола деревянную штуковину и подал её Игрушечнику. Это была немецкая двойчатка, только сделана она была не из глины, а из дерева.

– Разрешите попробовать? – попросил Игрушечник, кивнув на немецкий инструмент.

– Пробуй, – кивнул командир.

Игрушечник взял в руки двойчатку, тщательно вытер дульце, поднёс его к губам и дунул. В блиндаже раздался сипловатый свист. Игрушечник улыбнулся и проговорил:

– Вот он этот привкус, товарищ командир, который меня первый раз с толку сбил.

– Поясни, – сказал контрразведчик и посмотрел строго на бойца.

– Тут всё просто, – улыбнулся Игрушечник. – Немец двойчатку сделал из дерева, а наша – из глины. Высоту звучания они дают одинаковую, а вот привкус у звучания разный. На этом немцы и срезались. Помните, когда мы первый раз лопухнулись на простом свистке. Я, тогда подумал, что это овражки да деревья такой эффект отражательный дают? Так это был совсем не отражательный эффект, а привкус звуку давал материал, из которого сделан свисток.

– Вас ист дас? – произнёс немец, глядя на Игрушечника и понимая, кто он такой.

– Переведите ему, – сказал начальник контрразведки.

Переводчик перевёл, сказанное Игрушечником. После чего брови немца высоко поднялись. Всё его лицо выразило абсолютное удивление.

– Ваш солдат ни есть профессиональный музыкант? (далее всё в переводе) – удивлённо проговорил Дитмар.

– Нет, не музыкант, – ответил переводчик.

– Что такое «Игрушечник»? – спросил немец, что тут же было переведено, для находящихся в блиндаже.

– Объясните ему, как сумеете, – сказал командир отряда переводчику.

– Он не музыкант, – начал объяснять переводчик. – Он игрушки для детей делает из глины и свистки то же. Понятно.

Дитмар кивнул, но удивление не спало с его лица, а, кажется, только ещё больше усилилось. Он проговорил тихо и ясно:

– Я понял, кто такой игрушечник, это лепить из глины детям свистки. Это я понимаю. Но как улавливать в лесу тончайшие обертоны на расстоянии в сотни метров... Это выше моего понимания.... Жаль. Очень жаль...

– Чего жаль? – спросил переводчик.

– Очень жаль... Ваш Игрушечник мог бы быть непревзойдённым настройщиком музыкальных инструментов. Люди с таким слухом в мире большая редкость... – Он помолчал и добавил. – Никогда бы не подумал, что здесь в лесу... В это трудно поверить...

– Уведите немца, – приказал командир отряда. – А вы, Игрушечник, останьтесь.

Когда немца увели, командир встал из за стола, подошёл к бойцу и крепко пожав ему руку, обнял и поцеловал. Затем, пересилив волнение, проговорил:

Командование соединения имени Феликса Эдмундовича Дзержинского выражает вам, Пётр Анд-

риянович, благодарность. Мы послали на вас представление к ордену «Красная звезда» и крепко ещё раз пожал Игрушечнику руку.

Послесловие

Через много лет после войны дети Петра Андрияновича (Игрушечника) нашли в его военных документах характеристику, выданную ему командованием отряда, где и было сказано о том, что Пётр Андриянович представлен к ордену. Только ордена он так и не получил. Когда, автор этих строк спросил об этом отца, тот только улыбнулся и сказал: «Не до орденов тогда было. Случиться всякое могло. Вернее всего, самолёт с документами до большой земли не долетел. Но, не это главное. Каждый день, прожитый на войне, почитали за божью награду. Главная награда, это та, что я домой вернулся и чести не потерял». Больше он об этом никогда не рассказывал.

Нет, отец мой не был игрушечником, а вот свистки делал отменные. Такая молва о нём в родстве закрепилась, а уж был он действительно игрушечником, или нет, бог его ведаёт. По рассказу – вроде как был, а с другой стороны, вроде, как и нет. Я думаю, что был. А вот в родстве, почему-то, так не считали. У игрушечников, к этому делу особая мерка была. Нам, сегодня этого не понять.

Эксклюзив

*Рассказано Африкантовой
Пелагеей Ивановной*

В этом рассказе описывается история, произошедшая с игрушечницей Пелагеей. Только не с той Пелагеей, что оборонялась от волка игрушками в стародавние времена, об этом вы читали, речь идёт о другой Пелагее. Та была Андрияновна, а эта Ивановна. А вообще-то они родственницы. Муж Пелагеи Ивановны родной брат Пелагеи Андрияновны. Пелагея Андрияновна лепила, а потом продавала

игрушки на «Сенном» и «Пешке», а Пелагея Ивановна лепила и продавала на «Шарике» и «Стадионе Волга» в Заводском районе, в самое что ни на есть перестроечное время, то есть, что гораздо позже, чем Пелагея Андрияновна. Вот и вся разница. История же, которую поведала Пелагея Ивановна, так и просится в книгу. В общем, дело на первый взгляд, может показаться пустяковым, только не для Пелагеи Ивановны. Такого поворота она в своей игрушечной практике не ожидала. Сейчас подобные взгляды не новость, а вот тогда-а!.. В общем, обо всём по порядку.

День погожий. Светло. Солнца нет, а так ярко, насыщенно, будто всё окружающее: деревья, дома, столбы, изгороди сами производят диковинный золотистый, похожий на подсолнечное масло, свет. Он каплет отовсюду, откуда, только можно. Этот свет издают даже вчерашние лужи. Все эти новомодные купеческие лабазы, сделанные из современных материалов, холлы и витрины зазывно светятся, источая теплоту и свежесть.

Люди идут по толкучему базарному проходу румяные от тонкой осенней прохлады, которая не заставляет человека кутаться, а наоборот, прохожий с радостью подставляет под свежесть утра свои щёки и грудь, распахнув, невесть для чего, наброшенную куртку. Один пожилой чудака в малиновой ветровке остановился, задрал неестественно голову кверху и,

оторопев, смотрит в раскинувшуюся над головой янтарную вечность. Свалилась у чудака шапка, растрепались редкие волосы, а он и не замечает, поднял шапку, смеётся во весь рот, а во рту три зуба в разрядку, доволен, будто только отошёл от причастия.

Небо светло и прозрачно до такой степени, что хорошо просматривается тысячевёрстное пространство над головой и видно не только луну, но и ближайšie звёзды, которые от любопытства приблизились к земле, чтобы, рассмотреть эту чудную планету-крошку, в северной части которой творится что-то интересное и непонятное даже для их миллионлетнего разума. Великолепно, чудно, невыразимо. Невыразимы эти торговые ряды, невыразим воздух, невыразимо пространство и хочется верить и любить эту страну, этих людей, проникнувшись гордостью за их прошлое, настоящее и будущее. Да, да, вы не ослышались, и настоящее тоже, ибо только русская воля и гениальное необоримое терпение смешало все ближние и дальние планы «всех любящих русский народ»; и будущее тоже, потому как без России нет у земли будущего, ни хорошего, ни плохого, ибо закоснеет человечество, заплутается в мирозданье и не будет светильника среди народов, который бы указывал им нужное направление. Э-ге-гей!!!!..., чудаки! Смотри в небо, наблюдай безбрежную высь, ищи ответ на вечные вопросы, удивляйся и радуйся, и пусть валится с твоей головы шапка,

потому как ты это можешь. Всё прейдёт, всё изменится и только останется прежней русская душа и русский дух, носящийся на необозримом земном пространстве севера евразийской суши. Так это есть, так это будет и впредь на все времена.

На базаре «Стадион «Волга», у прохода, что тянется до самого железнодорожного моста, маленький столик. За ним, не смотря на погожесть дня, стоит тепло одетая Пелагея. Знакомые продавцы весело переговариваются, рассказывая последние базарные новости. На столике глиняные игрушки, а рядом со столиком – горшочки для цветов. Горшочки стоят прямо на земле. Народ движется, покупатели подходят и отходят, унося с собой: кто горшочек, кто игрушку, а кто подходит просто так, поглазеть. Такого человека видно издалека, у Пелагеи глаз намётанный, она относится к таким покупателям терпимо: – «Сам не купит – так людям расскажет, что видел. Людская молва для продажи многое значит, от этого тоже прибыль».

Пелагея всегда с удовольствием рассказывает интересующимся про игрушку, про горшки. Говорит обычно, не торопясь, со знанием дела и люди понимают, что за стойкой стоит профессионал, а не перекупщик.

– Игрушки - то из местной глины? – вопрошает очередной покупатель, мужчина лет сорока с окла-

дистой бородкой с проседью. Это «дока». Он всё знает и обо всём имеет своё собственное мнение.

– Конечно из местной.

– А как же известь? Местная глина этим грешит...

– пытается подловить игрушечницу знаток.

– Для «сушки», что без обжига делается, известь только на пользу...

– Я не о «сушке», – парирует дока. – Обжиг - то проблемный, факт.

– «Не хочешь – не бери. – Урезонирует покупателя соседка справа, Люба, полногрудая женщина в очках с добродушным круглым лицом. – Подойдут, а ты ему ещё и лекцию должна прочитать, что за народ?.. Покупай. Вон, какие игрушки красивые! Нигде таких не найдёшь...

– Эксклюзив, я не спорю, а всё же..., как с известью справляетесь, если вы, конечно, понимаете, о чём я говорю? – А сам так испытующе смотрит, пытаясь уловить в лице Пелагеи оттенки тревоги или смущения.

– Вы о белых сосульках что ли? – уточняет та.

– По-вашему сосульки, а по-научному кальций...

– поучительно сказал дока.

– Сын мельницу сделал, на ней глину в пыль размалываем. Так даже лучше получается. Размолотая в глине известь, придаёт черепку пористость, от этого краска лучше держится.

– А вы, бабушка, действительно профессионал, – уже миролюбиво, переменяв тон, уважительно про-

говорил мужчина. – На такой вопрос только узкий специалист ответить может. Теперь верю, что вы не из этих, – и он многозначительно поднял вверх палец.

Дока тут же купил глиняного двухгорбого верблюда и прокомментировал: «Я из-за Волги приехал. У нас этой живности до недавнего времени было пропасть, а теперь редкий и, можно даже сказать, исчезающий вид». Он сунул игрушку в карман и, поблагодарив Пелагею, тут же смешался с толпой прохожих.

– Экзамены устроить решил, – покачала вслед доке головой Люба, – доцент выискался. А ты ему Полюшка, раз и – разевай рот шире. – Она весело засмеялась. – Нечего им секреты рассказывать... пусть сами попачкаются, если интересно.

Замолчали.

После небольшого затишья около столика к игрушкам подошли два молодых, высоких, модно одетых парня. Один плотный, кучерявый с длинными белёсыми бакенбардами, крепыш лет двадцати пяти, другой казался гораздо моложе с тонкими чертами лица интеллигента с ещё ни разу не бритыми усиками и папирсой во рту.

– Трофим! Как раз то, чего ты искал, – кивнул на игрушки крепыш.

– Может быть, может быть, – проговорил, тот, кого назвали Трофимом. При этом он не вынул папиросу из рта, а только загнал её языком в угол, за-

тем присел около столика и стал внимательно рассматривать его содержимое.

После непродолжительного рассматривания, он вдруг проговорил раздумчиво, медленно произнося слова, говоря более для себя, нежели для окружающих:

– Нет, никогда не появится в России новая игрушка..., ни-ко-гда... так и будем лепить старину... . Нравится нашим людишкам в лаптях ходить..., ой! нра-вит-ся-я.

– Интересно, что ты понимаешь под новой игрушкой? Объясни бабушке, она может быть её и сварганит во временном промежутке между выпечкой блинов и пирогов, – мягко улыбаясь, сыронизировал крепыш и вполголоса хохотнул.

– Помолчи, Макс, – процедил Трофим сквозь зубы. – Не спит, – подытожил он, затягиваясь папирсой. – Новая игрушка нашим бабкам не по зубам, видение не то.

– Этому, Троша, учить надо, – вставил крепыш. – Откуда оно появится. По телевизору, поди, только Зыкину смотрят.

– Много её напоказывали. – Вставила Люба. – Одни хварыздалки по сцене бегают, – и с видом знатока медийного пространства замолчала. Кто такие «хварыздалки» она не объяснила. На фоне недоговорённостей, создалась тягостная пауза. Трофим ещё немного покопался в игрушках и сказал, обращаясь к товарищу:

– Ты, Макс, прав. Появится этому видению неоткуда. Но и это, мой друг, неплохо, если чуть осовременить. Ты как на этот счёт?

Макс придвинулся поближе к прилавку, взял в руки глиняную бабу в косынке, что торгует калачами, повертел в пальцах, многозначительно почмокал губами, вывернув в глубокомыслии нижнюю губу так, что она, заехав на верхнюю, капризно оттопырилась, проговорил:

– Ну, если орало сделать побольше и покруглей, одежонку пофартовее, губы налепить потолще, да покрасить их поярче, попу чтоб отклячила, да одну ножку этак игриво подняла, каблучком к пояснице, а-а? Что скажешь?

– Не хохми, – буркнул Трофим.

«Искусствовед что ли?», подумала Пелагея, глядя на задумчивое лицо Трофима, на его длинные тонкие пальцы и спадающие на лицо волосы.

– А ты, Троха, объясни, чего тебе надо?– проговорил крепьш. – Наш народ смекалистый, быстро схватит и выдаст, ты на этот счёт не сумлевайся.

Макс при этом особо нарочито произнёс последнее слово.

Трофим отрицательно покачал головой. Он продолжал рассматривать фигурки, поочерёдно беря их со стола, то рассматривая их через очки, то поднимая очки на лоб и отводя игрушку на вытянутую руку и всматриваясь.

– Н-да.... Забавно, но не то, – произносил он глубокомысленно отдельные слова и фразы. – Экс-

ключив, конечно, и ничего больше... Этого недостаточно, шарм есть, но не тот, философии в них не хватает, философии...

– Какого тебе рожна надо? – занервничал товарищ, – безделушки они и есть безделушки. Ты что, в них решил увидеть сакральный смысл бытия? Подгон не тот. Наш народ кроме глупых баранов ничего путного сделать не может, это факт, – и опять тихо хохотнул.

– Да нет, не безделушки это, Макс, не безделушки... – опять медленно и тихо проговорил Трофим и, помолчав, добавил. – Столько лет безраздельного господства и на земле, и в воздухе, как говорят военные, и на тебе..., не привилось. На разных веточках привилось, а на стволе, нет.

– А ты был уверен, что она исчезла? Ты желаешь, чтоб её не было?.. – быстро и нервно заговорил крепыш. – Нет ничего проще – скупил у этой бабки игрушки на десятилетие вперёд, и вопрос исчерпан, – и он опять самодовольно хохотнул.

– Дурак, ты, Макс, прости за грубость. Меня заботит, отчего новая игрушка не появилась, а не почему эта не исчезла, – проговорил Трофим не смотря на товарища, и продолжая внимательно вглядываться в игрушку. Он смотрел так, будто это были не глиняный барашек, дородная хозяйка с ведром молока и не калачница, сделанные три дня назад, а находка с тысячелетним прошлым. – Если желаешь знать, подобными изделиями определяется пульс

народного организма, оценивается его самосознание и историческое самочувствие.

– Для этого надо спрашивать политологов и врачей, а не рассматривать глину на базаре, – парировал крепыш. Трофим саркастически улыбнулся. – Только ты, Троха, сам себя обманываешь, – продолжил Макс. – Ты же прекрасно понимаешь, что пока существует ЭТО – не придёт ТО, место занято. Для того, чтоб новое пришло – этого на прилавке не должно быть...

Он специально сделал упор на слова ЭТО и ТО.

– А оно, Макс, есть. Понимаешь, есть... Все магазины продвинутой игрушкой завалены... а оно не исчезает, даже не мутирует... Стоит здесь себе на прилавке в рядах и жизни радуется... Вот она и победа. Не победа это, а фига в кармане, которую народ держит...

Пелагея не особо прислушивалась к разговору этих покупателей. На её веку всякое было. Бывало, и раскритикуют товар, чтоб цену сбить, а под конец купят. Так и эти, пусть бормочут про эксклюзивы и прочее, это её, Пелагеи, не касается. А касается её то, что коммунальные платить надо, а денег всё-ничего, вот она и старается. Потом внучатам тоже подарки какие-никакие купить надо. Для детей подарки – первое дело. Без подарков никак нельзя. А лепить что?.. лепить она привычная, хотя дело и не слишком спорое. Тут тебе и глины привезти надо, и просушить, и намять, и прочее... Торговля тоже не-

плохо идёт, не перевелись ещё ценители её искусства. А что до философии, то она у неё самая простая – лепи доброе, светлое, чтоб, глядя на игрушку, душа отдыхала, а там, как Бог даст, так и будет. И ещё она верила в то, что каждая добрая, хорошая игрушка сродни иконке, потому как о добром печётся, в добре наставляет и на великое человеческое предназначение ум-разум наталкивает. Не зря её сосед, дядя Гриша, как не придёт к ней в дом за чем-нибудь, так домой сразу торопится. А почему? Однажды он ей так и брякнул: «Ты меня, Пелагея, извини, перед твоими игрушками находиться как-то неловко. Вроде как в душу смотрят и жалеют душу мою непутёвую. Лутче б в рожу мне плюнули, иль укорили..., а они жалеют, участие к моей дрянной жизни выказывают. А я жалости не терплю, сама знаешь. Уж лутче по зубам и за пьянку мою, и за прочее».

Неплохой был Григорий мужик, пил только, а совести до конца не пропил, игрушек, вишь ли, стеснялся. Матерщинник правда был, а при женщинах и детях не ругался. Это Пелагея ему в большую заслугу ставила, потому как в семье её отца Ивана Андреевича и матери, тоже Пелагеи Ивановны, никто чёрных слов не употреблял, да и свёкор этим не грешил. Знала Пелагея и то, что пред тем, как игрушку лепить – надо помолиться, а когда лепишь, чтоб никакая скверная мысль твою голову не посещала, потому как это всё ребятишкам передаётся, вот такое игрушечное правило. Надо чтоб детям передавались добрые мысли и добрые чувства. Если

при таких настроениях, да с молитвой игрушку лепишь, то от такой игрушки и отдача соответствующая будет. И в этом Пелагея ни один раз убеждалась.

Однажды неподалёку от её столика ребёнок у родителей закапризничал, упал, стал по земле кататься. Они ему и игрушки, и конфеты, и строгостью хотят взять, а он, знай, кричит на весь базар и ни на что не реагирует. Пришлось Пелагее взять глиняную игрушку и подойти к малышу. Через минуту ребёнка как подменили, куда и слёзы делись, щёчки порозовели, игрушку держит обеими ручонками, улыбается и этак, по-детски, с ней разговаривает, лопочет. Родители молодые, дивуются. А что там дивоваться, ребёнок лучше их знает, что ему ближе и милее. Тут, какую игрушку, станком сделанную, не дай, всё не то, хоть самую наикрасивейшую. Родители мальчика потом к Пелагее подходили и удивлённые рассказывали, что их Витеньке какую игрушку не дай, всё на пол дня хватает. Он её или забросит, или разобьёт, а эту, вроде, по всем законам физики должен давно разбить, а она всё целая и на месте. Про другие, разбитые им, игрушки даже и не вспоминает, а тут краска чуть отколупнулась, заставил отца подкрасить и вообще с ней не расстаётся – он в постели – и глиняшка под боком. Вот такая была история.

«Что-то долго мои покупатели выбирают, – мелькнуло в голове у Пелагеи. – Толи разборчивые

да привередливые попались, толи себе на уме с горошком?

– А вы не могли бы показать ещё чего-нибудь, – обратился к Пелагее Трофим.

– А чего ещё показывать? – спросила недоумённо игрушечница, – других не делаем.

– Однако ж, посмотрите, а вдруг, что к душе выищется, – поддержал товарища крепыш. – Вдруг на дне этого коробка философский камень окажется?

– Какой... какой... камень? – Пелагея занервничала, обиженно пододвинула к себе коробку с игрушками, стала шарить внутри. – Никаких камней не держим, ни в коробке, ни за пазухой. – Хотя ей покупатели не нравились, но других пока не было, а тут, глядишь, чего-нибудь, да возьмут. Внутреннее чутьё ей подсказывало, что этот покупатель не её покупатель, чужой. Вон про какую-то новую игрушку толкуют. Видела она у внучки эти новые – так, срамота одна, «ни для духа, ни для брюха». Немного погодя она вытащила из короба несколько изделий. Тот, что с усиками смотрит, но не уходит, медлит, ждёт, когда Пелагея ещё чего из короба вытащит.

– Нету боле, – проговорила Пелагея, – машинально вытаскивая из короба оставшиеся игрушки. Она даже не посмотрела, что вытащила, но увидела, как лицо у «искусствоведа», наблюдавшего за её действиями, сразу вытянулось, глаза просияли и всё его существо, выразило недоумение и восторг. Он взял прямо из Пелагеиных рук игрушку, не дав по-

ставить её на стол и стал вертеть перед лицом приговаривая: «Это то, что надо... умеют же, когда захотят... Вот тебе и русская сиволапость, вот тебе и бабка с термоядерным прошлым... а!! Макс!.. Макс!!.. Гляди чего!?!... а... да гляди скотина ты рыжая, – воскликнул он от переполнившего его чувства изумления и восторга, а не для того, чтобы обругать товарища.

Пелагея посмотрела и ахнула – в руках Трофима она увидела зайчонка, которого она собственноручно собиралась отправить в бой и брак, да не отправила. Только, как он оказался в коробке, она объяснить не могла. «Видно впопыхах сунула, когда на базар собиралась, – подумала Пелагея и щёки её стыдливо зарделись. – Искусствовед небось, специально изумляется, чтоб её в неудобное положение поставить». Она уже хотела сказать, что это брак, что игрушка случайно попала в коробку. Только она ничего не сказала. Руки Пелагеи стали подрагивать то - ли от волнения, то - ли от ворохнувшегося в груди стыда. Такого с ней ещё не случалось. Покойный свёкор говорил, что если игрушка самому не нравится и если у двух одинаково слепленных не находится отличий – это брак. У каждой игрушки, как и у людей должен быть свой характер, а он передаётся через взгляд, мимику и так далее. И если с точки зрения свёкра подходить, то этого зайца даже браком назвать нельзя. «Сейчас взять и выбросить, – мелькнуло в голове, – неудобно, невесть что подумают, а им, видно, лишь бы посмеяться...»

Заяц, конечно был... Даже слов сразу не подберёшь, чтоб описать. Разве можно подобрать слова к этому через чур загоревшему в пламени изделию. Видно он в горне стоял не ахти как, вот и свалился в самое пламя. Огонь как бы в насмешку над Пелагеиным трудом учинил такое, что этого зайца даже игрушкой назвать стало нельзя. Скрюченные от жара уши опали и неестественно свалились на одну сторону, выпучившийся правый глаз смотрел зло и надменно. Правый же, наоборот ушёл в глубину, ехидно и насмешливо поблёскивая из - под надбровья, выражая ко всем остальным игрушкам своё презрение. Два передних зуба, которые Пелагея так любовно расположила, и они придавали травоядному самый, что ни на есть, миролюбивый вид, здесь, отслоившись от нижней губы и оттопырившись в стороны, кроваво и воинственно поблёскивали, будто это был вовсе не заяц, а вепрь, у которого на уме только и было – убить и зарезать. Наверное, уже и зарезал с десятков себе подобных и неподобных. Багровый цвет изделия, палевые с коричневыми подпалинами пятна, грязная с синятой от въевшегося дыма, клочками вспученная спина, подчёркивали в зверушке вардучачную сущность и разное иное непотребство.

– Трофим смотрел на изделие широко открытыми немного отрешёнными глазами. Его преоткрытый рот отображал восхищение, а образовавшиеся на лбу складки, говорили о глубокомыслии и сосредоточенной работе мозга.

– Клёво.... А ещё такого нет? – явно завистливо проговорил крепыш.

– Так, такой на весь мир один и точно такого нигде и никогда не будет, – проговорила сердито Пелагея.

– Полный отпад, – в восхищении вымолвил Макс, разглядывая вурдулачонка через плечо товарища.

– Среди эксклюзивов - эксклюзив, – выдохнул Трофим и, разогнувшись, весело и довольно сказал: – Берём, – вытащил из-за пазухи бумажник, засунул в него два пальца, не глядя, вытащил зелёную купюру и не дал, а засунул её Пелагеи в нагрудный карман халата. – Держи бабка. Порадовала. За хорошую работу не жалко. – И бережно положив изделие в добротную кожаную сумку, толкнул дружески товарища в плечо кулаком, сказал: – А ты не верил!.. Бабка-то цивильная... – и они, весело переговариваясь и переталкиваясь плечами, пошли по дорожке.

– Чего это они? – спросила с интересом Люба, – покажь.

Пелагея не спеша вытащила из карманчика купюру.

– Ба-а! Так это ж валюта! – Она взяла у Пелагеи купюру и стала зачем-то её рассматривать на просвет. – Не доллар это Поля... не доллар. Я доллары знаю. Может чего всучили?

– «Евро» это, – молвил дворник, отставив в сторону метлу, – не обманули. Так что, Пелагея, можешь домой отправляться.

– Это, Фёдор, почему?

– А потому, дурка баба, он тебе дал столько, что все твои игрушки, а заодно и горшки продашь, а столько не выручишь. Понятно тебе?

– И это что, за одного палёного?! – Удивилась Пелагея.

– За одного, за одного, – подтвердил дворник, – домой иди, ты свой миркендинг сегодня сделала. В следующий раз, ты их всех в огонь засунь, да и поддай жару. Иди, иди, говорю.

– Это как же домой? – встряла в разговор Люба. – Не для одних же денег она всю эту красоту творила. Ты, наверное, Фёдор, не опохмелился, чё несёшь то, уши б не слушали.

А Пелагея стояла и не знала, что ей делать. Радости особой от продажи не было, одно только не проходящее смущение, словно с подворотни ветром обдувало душу. В следующий раз, укладывая игрушки в горн, она особо следила, чтобы изделия на поду стояли устойчиво и прежде чем замазать глиной творило, обязательно ещё раз проверяла, всё ли сделано так, как положено.

Ноябрь 2011

Прочтите вашим детям

Алёшкины скакуны

(Необыкновенная история, приключившаяся с мальчиком Димой, в результате которой, он научился лепить традиционную Саратовскую глиняную игрушку)

Рассказ специально написан для детей, чтоб они освоили процесс лепки игрушки.

Автор.

Я хочу рассказать вам, ребята, одну очень занимательную историю, которая произошла с вашим сверстником Димой Полозковым, который жил в большом городе, стоящем на реке Волге. Вы, наверное, уже догадались, что это за город? Правильно – это Саратов. Красивый город! И люди в нём красивые и мужественные. И история этого города славная. Гимназий же, школ и лицеев в нём не пересчитать. А мальчик этот – Дима, учится в школе, и занимается в объединении «Керамика» у Павла Петровича Тетерина. Ещё его ученики зовут кратко – «Два-П». В объединении Дима учится из глины лепить всякие вещицы. В общем, он занимается уже второй год и кое-что уже умеет делать. Особенно Диме удаются свистки, маленькие, заливистые. Никто из ребят не может сделать такого свистка как он. Только сегодня лепить свисток Дима не будет. Почему? Да потому, что Павел Петрович обещал объяснить новую тему. Какую? Послушаем, увидим. Он сейчас подойдёт.

А вот и сам Павел Петрович!.. В кабинет входит пожилой мужчина с седыми волосами при короткой стрижке. Обводит взглядом рассаживающуюся за столами шумливую ребятню. Тут, скажу я вам, пожалуйста, будьте повнимательнее. Давайте слушаем. Павел Петрович Тетерин всегда проводит занятия интересно. На его уроках – муха пролетит – слышно.

Учитель подошёл к своему столу и начал говорить.

– Вы, ребята, конечно, знаете глиняную Дымковскую игрушку! – Павел Петрович многозначительно помолчал, чтобы сконцентрировать детское внимание. «Знаем, знаем!», раздались голоса.

– Это игрушка – знаменитость, – возвысил голос Павел Петрович, – она известна во всём мире. И знаете вы о ней потому, что об этой игрушке пишут в учебниках, о ней можно услышать по радио и просто увидеть эту игрушку на прилавках магазинов, потому, как лепили её не только в давние времена, но лепят и сейчас.

– И мы лепили, – вставил Дима Полозков – лопухий, рыжеватый мальчишка с набором разнокалиберных веснушек на носу. На него зашикали: «Не один ты лепил,.. помолчи...». Дима смутился и стал слушать, а учитель продолжал говорить. – Только знайте – кроме известных игрушек лепилось в нашей стране и много малоизвестных и даже совсем неизвестных. Ваяли их мастера в городах, пригородах и деревеньках, густо разбросанных по нашей необъятной родине. И мастера в тех деревеньках были отличные, и изделия их были отменные, только как-то не получилось у них с известностью. Не думали тогда мастера об известности, а больше думали: чем деток занять, да так, чтобы это занятие было и по-

учительное и затейливое. Глиняная же игрушка для такого дела в самый раз подходит.

Ребятишки притихли, насторожились. Лица стали более внимательными, глазёнки заблестели,.. интересно. Лёнька Квасков поближе придвинулся.

– Об одной такой полузабытой игрушке я вам и поведаю сейчас – это традиционная саратовская глиняная игрушка. Не слышали?.. – учитель обвёл взглядом ребят.

– Нет... нет!– стали переглядываться ребята.

– Так я и думал... Саратовцы, а о саратовской глиняной игрушке даже и не слышали.

– Расскажите, расскажите, – хором заговорили ребята.

– Как же не рассказать. Обязательно расскажу. Ведь я не только о ней слышал, но в детстве сам её лепил, подражая старшим братьям и сёстрам, потому и расскажу вам о ней до мельчайших подробностей, чтобы каждый из вас мог взять в руки глину и слепить себе игрушку и не одну, а столько, чтобы можно было младшим сестрёнкам и братишкам подарить. Согласны!?

– Согласны, согласны!– послышалось в ответ, а Лёня Квасков спросил: – Павел Петрович, а мы были на вашей выставке игрушек...– но его перебили.

– Не один ты был,– проговорила Лиза Сорокина,– другие тоже были,... нечего высказывать.

– Да я только хотел спросить,...– оправдывался Квасков.

– Что ты хотел узнать, Лёня?– спросил Павел Петрович.– Говори...

Лёня смутился и спросил:

– Скажите, а ваши дети лепят из глины или нет?

– Нашёл чего спрашивать,– буркнула Лиза. – И без этого понятно, что лепят.

Учитель же отнёсся к этому вопросу очень серьёзно и сказал:

– Этот вопрос не праздный, и даже очень интересный. Я тоже над этим задумывался.

Лёня повернулся к Лизе и показал язык, что, мол, съела. Павел же Петрович продолжал.– Сам я из рода глинолепов. Из глины лепили и бабушки и прадедушки. Только в роду лепили далеко не все. Те, кто в родстве лепили, имели разный уровень талантности. Многие лепили игрушку на уровне подражания тем, у кого из родства это получалось лучше всего. Корифеев же лепного дела, первоходцев, было единицы, хорошо, если один на поколение выпадет, а то и того нет. В нашем роду, такими одарёнными были мой дед и прадед.

– А ваши дети?– опять повторил вопрос Квасков.

– К сожалению, мои дети лепкой пока не занимаются. Я говорю, пока. Старший сын Константин, пошёл по научной части, младший Антон, пока то-

же глину в руки не берёт, но задатки есть и неплохие. Жаль, что его компьютер смущает.

– Это что же, пресеклось древо игрушечников? – спросил кто-то из задних рядов.

– Не скажите...– педагог улыбнулся.– Я до сорока лет тоже глину в руки не брал, и профессия моя с глиной никак не была связана, а потом гены заговорили.

– Может быть, ваших детей дети будут лепить?– вставила Лиза.

– Этого нам знать не дано,– сказал Павел Петрович, а вот что мы должны знать, и что каждому дано усвоить, мы, и разберём на сегодняшнем уроке.

Начнём же вот с чего. – Старый педагог помолчал, взгляд его стал задумчивым, он будто на какое-то время окунулся в своё детство, увидел себя босонгим мальчишкой, а потом стал медленно говорить, глядя поверх ребят, будто вглядываясь в прошлое.

– Представьте себе, дети, пригородную деревушку около Саратова. А чтобы вы лучше представили, подскажу: зима, мороз, ветерок с соломой в ометах играет. Вечер. Холодно. Озноб. По спине мурашки бегают, в прятки играют. Желтоватыми огнями высвечиваются в сгустившемся фиолетовом сумраке заледенелые окна домов под соломенными крышами. Забился от мороза под скрипучее крыльцо лохматый пёс Кузя, а в домишке, что охраняет Кузя, си-

дит за широким столом мастер и при свете лампы переминает пальцами небольшие кусочки серо-белой глины, да чего-то бормочет себе под нос. Это игрушечник, зовут его Ларя, Илларион значит, или короче Ларион. Другие в деревне по вечерам с лучинами сидят, а у него лампа горит, потому как семья не без недостатка и всё благодаря игрушкам.

Из кусочков глины Ларя лепит игрушки и тихонько с ними разговаривает. И если прислушаться, то можно услышать такие слова: «А нос мы тебе подправим.... Вот так... ещё чуть-чуть. Ох!.. И славный же у тебя, брат, получился нос. Сколько леплю, а такого носа никогда не получалось. Посмотри, Анфис, какой красавец». Подошла жена Анфиса, улыбнулась. Хороший у неё муж, работающий: хоть в поле, хоть со скотиной – всё у него спорится. А зимой, когда дел по хозяйству немного, лепит игрушки. Другие мужики в это время в извоз ходят, ему завидуют – «ни морозится, ни метели его не заносят, ни волчьих завываний не слышит, а копейку зарабатывает».

– Тять! Кого ты лепишь? – теребят отца за рубаху ребятишки. Их у него целая дюжина: старший Николай, уже свою семью имеет, внуками радуется, а младший ребёнок в зыбке качается, да тряпичную соску с хлебным мякишем сосёт. Так почти у всех в деревне, маленьких семей нет. А ребятишки всё теребят отца – кого, да кого, он лепит?

– Леплю я дети мои «Заступника»,– поясняет ребятам Илларион,– видите, какая у него в руках дубина огромная. Этой дубиной он женщин, стариков, да деток малых от врагов обороняет.

– И мы хотим быть такими как он,– говорят мальчишки.

– Вот вырастите и станете такими как он крепкими и сильными и будете защищать землю русскую от супостатов.

– А я? – робко спрашивает внучка Акулина

– И ты, и ты,– смеётся старшая дочь Федосья. Она замужем и пришла навестить родителей с детьми Марией и Акулиной. Пришла к Лариону и сноха Прасковья, что за старшим сыном Николаем. С ней дети Иван, Александр и маленький Володя, он на руках у матери восседает. Внуки дедушку тормозят, разные вопросы задают. Илларион игрушки лепит и на вопросы отвечает. Разговаривает с ребятнёй.

– Вам внуки я слеплю хозяйку около печи,– говорит он,– да пряники на лопате, которые хозяйка в печь ставит, чтоб было чем Заступника накормить после трудов ратных.

Радуются ребяташки, возле Лари толкаются, сами лепить пробуют, да только не совсем получается, а Ларя уже другую фигурку начинает. Сын Андриянка тоже к глине тянется. Дал ему отец глиняный окатыш. Радуетя Андриянка, пристроился на конце лавки, сопит, притих, видно из окатыша что-то изо-

бразить хочет. А Ларя, знай, лепит. Ловко у него получается: раз-раз, скатал колбаску, подмял, оттянул, скрутил податливое глиняное тесто и вот уже в его руках настоящий баранчик, а за ним козлик – рога серпом, котик, собачка, поросёнок, коровка так рядом на столе и становятся. Анфиса с Федосьей и Прасковьей о приближающемся празднике речь ведут, обсуждают какие обновы к празднику детям сшить. Про Андриянку на какое-то время забыли, а тут и он, толкает брата Алексея и что-то ему показывает. Алексей взял поделку, отцу показывает и улыбается. «Смотри, тять», а на ладони у него глиняный цыплёнок, точь в точь, как у курицы Рябы по весне вывелись. Схватил Ларя Андриянку, к потолку поднял, смеётся, – не иссяк значит ещё наш род на таланты», Андриянка тоже смеётся, радуется, что похвалили.

– А я свисток хочу... – просит Андриянка, сообразив – раз отцу его изделие понравилось, то можно чего-нибудь и попросить.

– Дорогой ты мой! Да я тебе за этого курёнка, не один свисток сделаю! – Сам опускает сынишку на пол и берёт в руки кусочек глины. Раз, раз помял, оттянул, получилась головка петушка, пальцами носик защипнул, вот петушок уже и поёт.

Взял отец протыкалочку – длинную заострённую палочку, проткнул в глиняном петушке несколько дырочек и даёт Андриянке. Дует Андриянка в ды-

рочку, щёки от натуги надувает, а по избе пронзительный свист разносится, в каждое укромное местечко проникает. Испугался этого свиста кот по кличке «Епифан», уши прижал и под печь полез, а игрушечник смеётся: «Что!?!... Епифан, Испугался!?!..»

Смеются ребяташки, радуются. Радуетя и хозяйка. Повезёт она в воскресный день на Сенной базар игрушки на продажу и с выручки купит ребятакам к празднику обновки. Один пёс Кузя не рад. Сидит под скрипучим крыльцом, нос лохматым хвостом закрыл и вслушивается: то ли ветер в поле свистит, то ли снег под полозьями чужаков, то ли опять хозяин свистульки делает, как тут разберёшь? Б-р-р... холодно.

Ребяташки не заметили, как закончился урок, хотелось услышать что-нибудь ещё, но надо уходить. Собрался домой и старый учитель, одел было уже шапку, как увидел за последним столом Диму Полозкова. Мальчик и не собирался с места двинуться, будто прирос к стулу. Сидит с широко открытыми глазами, ресницами морг, морг и ни с места.

– Дима! Все уже ушли...– проговорил тихо учитель.

– А дальше... дальше что, Павел Петрович?..– спрашивает Полозков...

Учитель посмотрел на Диму, опустился на рядом стоящий стул и снял шапку.... Для них с Димой урок ещё не закончился, он это увидел по состоянию мальчика.

– А хочешь, мы с тобой перенесёмся на сто, а то и двести лет назад...– спросил учитель.– Сам всё и увидишь?..

– Как это?.. Разве так можно?– удивлённо спросил мальчик.

– Если очень - очень захотеть, то можно.... Только очень - очень. Понял? – и многозначительно поднял указательный палец вверх.

– Я хочу, очень хочу!!! Павел Петрович,.. можно сейчас,.. ну, пожалуйста.

– Можно и сейчас. Только мне надо домой позвонить и предупредить, что я сегодня задержусь. Дома ждать будут, беспокоиться. Кстати, тебе тоже надо родителей предупредить.

– А они меня до восьми вечера отпустили, вы не беспокойтесь.

– Главное, чтоб родители не беспокоились,– сказал Павел Петрович.

Он достал телефон и, услышав знакомый голос, сказал: «Антоша, я задержусь» и, выключив, положил телефон в карман, затем внимательно посмотрел на Диму и сказал:

По глазам вижу, что желаешь. Тогда вперёд. Только, для начала, надо хорошо представить то, о

чём я говорил, и ты очутишься в другом времени. Ты очутишься в той самой деревушке, о которой я рассказывал.

– Я об этом читал в фантастической литературе, – ответил Дима.

– Человеческий мозг, Дима, может сделать всё, что угодно. Для него нет ни времени, ни расстояний. Ты должен только очень хорошо подумать о предмете твоего желания... и больше ничего.

А мальчик в это время как раз думал о недорассказанной истории про Саратовскую глиняную игрушку, про занесённую снегом деревушку и про игрушечных дел мастера. Он живо представил себе небольшой домик, крытый соломой, шапка снега на крыше. Всё так предстало пред ним ясно и отчётливо, до каждой соломинки. И вдруг мальчик почувствовал озноб, будто в комнате стоит лютый мороз. Да это и вправду мороз. Видит Дима деревеньку и себя в ней. Вон и Павел Петрович на крыльце небольшого домишки, с ноги на ногу переминается, доски от мороза скрипят, и пёс Кузя под крыльцом прячется. Дима к учителю подошёл, опасливо на собаку поглядывает. Только Кузя почему-то не видит и не слышит, стоящих на крыльце учителя и Диму, странно это и непонятно. Из-за избушки, точно свист слышится – значит и впрямь, мастер свисток делает. Это же надо такому быть!.. И Дима от удивления присвистнул. Кузя и на этот свист не среаги-

ровал. Странно... Хорошо, что он не один здесь очутился, а с педагогом. Нет, мальчику не страшно, а более, как-то неловко, вроде как подсматривает за кем.

– Ты не удивляйся,– проговорил учитель.– Мы здесь присутствуем мысленно, а значит, мы для всех совершенно невидимы и незаметны. Для мыслей нет преград, вот, смотри,– и он, подняв ногу, шагнул прямо в запертую дверь. То же самое сделал и Дима. Вместе они очутились в той самой комнате, о которой, только что рассказывал Павел Петрович, и увидели в ней усатого мастера-игрушечника с ремешком на лбу и дюжину ребятни. Один Андриянка спит на лавке, положив голову матери на колени.

– Что мне делать?– спросил шёпотом Дима.

– Ничего, просто смотри и запоминай. Лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Мне, Дима, и самому интересно.... И не говори ты шёпотом. Они всё равно нас не слышат. Лучше говори в полголоса, так удобнее.

– Ух! Ты! – не сказал, а выдохнул Дима.

– Здорово.... Будто в краеведческом музее. И прялка, и печка, стол из досок, ухваты с кочергой возле печки в уголке. Самовар. Полы не крашенные, до желтизны отмытые, валенки у порога, в уголке, около двери веник полынный. Видит Дима, дом состоит из двух комнат, между ними переборка дощатая и занавеска цветочками вместо двери. Вдруг в

передней комнате заплакал ребёнок. Хозяйка осторожно положила голову Андриянки на лавку, рукавицу подложила, встала, одёрнула широкую юбку с многочисленными складками, поднялась и зашла за занавеску. Заглянул и Дима за занавеску – увидел полутёмную комнату. Впереди иконостас с трёх иконах в деревянных окладах и лампадка горит, немного темноту разгоняет. Комната такая же, как и первая, только печки нет, потому просторнее кажется; кровать деревянная в углу, а около кровати к потолку зыбка привязана, в ней младенец. Подошла к нему хозяйка, покачала, да под нос песенку промурлыкала: «Ой, лю-ли.... Ой, лю-ли.... Спи, сынишка маленький, спи, малыш удаленький, придёт серенький Волчек, да ухватит за бочёк...». Ребёнок успокоился,... вышла,... снова села на прежнее место. Осмотрелся Дима и стал прислушиваться к тому, о чём в доме говорят. Подумал: «Говорят, так же как и мы, только пореже, да слова иногда непонятные произносят, типа «сковородник», «кочедык». С сковородником проще – от слова сковорода образован, значит сковороду им цепляют, а вот слово «кочедык» совсем непонятное»...

На лавке сидят, толкаются ребяташки, разговаривают, слышно: «Ты спроси,.. нет, ты спроси».

– Тять, а когда мы глину мять будем? – спрашивает дедушку внука Мария.

– Ах! Вы - суета, глину мять захотели,– и Ларя широко улыбнулся. – А вот сейчас прямо и начнём. Чего откладывать раз хочется. – Он отставил в сторону только что вылепленное изделие, достал из-за печи дерюжину, расстелил её на полу, вытащил оттуда же мешок с глиной и высыпал горкой на разостланную дерюгу. Затем в верхней части горки сделал углубление и вылил в него из большого низкого кувшина, что стоял на печном шестке, подогретую воду. Глина стала с жадностью впитывать воду и вскоре из серо-белой превратилась в тёмно-серую. – А теперь ребята,– и он кивнул Марии и Ивану,– начинайте!

Мария и Иван, заранее приготовились к обряду мятья глины: Мария подобрала и подоткнула подол, а Иван закатал до колен штанины. Начинали всегда мять они, младшим этого пока не доверяли, потому, как могут из-за недостатка силы просто увязнуть в глине, как прошлый раз Андриянка, еле вытащили, а уж перепачкался...

Мария, перебирая ногами и склонив голову набок, плавно пошла по кругу, вокруг замоченной глиняной кучи, руки на бёдра, поворачиваясь в разные стороны и распевая:

Как мы глинюшку копали,
Как мы глинюшку носили,
Как мы камушки ломали,
Как на солнышке сушили.

Люли, люли, копали,
Люли, люли сушили.

Следом за ней двигался легко и проворно Иван, руками и телодвижениями изображая то, о чём пела сестра. Он, то брал деревянную лопату и показывал, как копали глину, то взваливал на спину импровизированный мешок с глиной и, согнувшись, нёс, вытирая одной рукой пот, то рассыпал содержимое мешка на солнышке для просушки...

Разбивали мы комочки, (продолжала петь Мария)

На серёжки младшей дочке,
Добавляли мы песочку
На сандалии сыночку,
На вязёнки малышу,
На пелёнки голышу,
Люли, люли разбивали-и,
Люли, люли добавляли-и.

Иван же после каждого куплета указывал рукой, то на Марию, хватаясь за кончики ушей (там вешаются серёжки), то на свои голые ноги (на них одевают сандалии), то на спящего на лавке Андриянку - (вязёнки), то показывал на висящую под потолком зыбку в другой комнате (пелёнки). А Мария всё пела.

Как мы глинюшку месили,
Били, били, колотили,

Ножками топ-топ,
Ручками хлоп-хлоп.
Не вздыхай, глинюшка,
Не ворчи, глинюшка.
Слепим из тебя коней –
Нет на свете их быстрее;
Козликов рогатых –
Налетай, ребята. У-у-х, ты!

Мария всплеснула руками, бросила петь и быстрее задвигалась по самому краю глиняного круга.

После пропетых куплетов Иван смело ступил в самую середину тёмно-серого глиняного вороха, утонув в нём по колено, а Мария стала заступать по краю; край мять легче. Глина под ногами Ивана заохала, завздыхала точно живая и стала потихоньку расползаться, образуя широкий круг. И вот они уже оба брат и сестра ходят друг за другом, с силой вытаскивая из глины ноги. Глина хлюпает, чавкает и сопит, а хозяин ходит вокруг и поправляет её лопатой, чтоб не выползала за края дерюги. Потом Ларя взял берестяное ведёрко с песком и стал подбрасывать, рассеивая песок под ноги мяльщикова. Андриянка уже проснулся. Они сидят с Акулиной, переталкиваются и ждут своей очереди.

Мять было нелегко, рубаха на спине у Ивана вспотела, а Мария то и дело вытирала со лба пот. Глина уже не лежала горкой, а образовала толстый

ноздрястый блин. Ноги в ней уже не так увязали, и ходить мяльщикам стало гораздо легче.

Наконец, мастер сказал: «Шабаш». Мария и Иван вышли из круга и вместо них в круг впорхнули и закружились Акулина и Андриянка. Работа эта для них была привычная и они довольно быстро смяли вохклюю массу в упругий тонкий блин. Этот блин мастер несколько раз скатывал в рулон и ребягня опять этот скаток разминала, превращая снова в блин. Но вот хозяин взял кусочек глины в руку, помял в пальцах, прижал комочек к тыльной стороне руки, пробуя на отлипание, и сказал: «ещё немного надо помять».

– Это он готовность определяет, – догадался Дима. – Вы нам, Павел Петрович, об этом рассказывали. Делает так же, как и мы.

– Нет, это мы делаем как он, – поправил Павел Петрович.

– Довольно – сказал мастер. Ребягишки, сверкая голыми пятками, выскочили из круга, а мастер скатал глиняный блин в рулон, обернул его сырой дерюжиной, затем поднял половицу и столкнул скатку в подполье. После чего гости ушли домой.

– Это зачем он глину в подполье сбросил? – спросил Дима.

– А затем, что глина перед лепкой ещё вылежаться должна, отдохнуть. На мороз её не понесёшь,

за печью высохнет, вот её в подполье до срока и поместили.

– А потом?

– А потом мастер будет брать глину по мере надобности и лепить.

– А зачем он песка добавлял?

– Чтоб игрушки при сушке не лопались и не корбились. А что касается свистулек, то свисток может от коробления совсем перестать звучать... Стоп! Кажется, Дима, к ним кто-то идёт в гости, слышишь, Кузя лает.

В дверь постучали.

– Кому это надо на ночь глядя? – спросила хозяйка громко.

– Пахом обещался прийти, – сказал хозяин и пошёл в сенцы отпираться дверь.

В комнату вошёл в овчинном тулупчике с заиндевевшими усами и бородой Пахом, снял шапку, перекрестился и сел около печки на приступок.

– Живут небогато, а у всех по дублёнке, – заметил Дима.

– Это сейчас дублёнка – роскошь. А тогда дублёнка была основным видом одежды на селе, полушубками их называли, – заметил Павел Петрович.

– Слышь, Ларион!.. – обратился вошедший к хозяину, – что я к тебе на ночь глядя? Сват мой с города приехал, разговаривал с одним купцом заезжим

на базаре, тот его всё склонял игрушку по-другому делать, не как мы. Говорит, что её надо сначала побелить всю мелом с молоком, а потом поверх по голому телу раскрашивать. Ты как?

Хозяин улыбнулся и, сев напротив Пахома, сказал:

– Знаю я такой раскрас, эта игрушка в Дымковской слободе лепится, только так мы делать не будем. Тамошние мастера делают, вот и пусть делают, а у нас своя игрушка, деды так лепили и мы будем так лепить. Мы на голое тело игрушки краску не кладём, а обязательно в ямочки прячем, от этого игрушка по-особому выглядит. Так что ты там Пахом слышал, забудь. Если мы по всей Руси начнём тамошнюю лепить, то, что же получится?

Пахом пожал плечами.

– Глупость одна получится, – сказал Ларя. – В каждой местности своя глина, свои способы, которые мы должны соблюдать и беречь. Без наследия отцовского мы не мастера, а пустой звук, как от пастушьего кнута хлопок. Из одной глины игрушку так делают, а из другой – совсем по-другому. Там, в Дымковской слободе такой глины, как у нас, нет, вот они и додумались игрушку выбеливать. Нашим отцам это было ни к чему. У нас много разных по цвету глин, хоть белую игрушку делай, хоть жёлтую. Нет уж ты, Пахом, как хочешь, а я нашу, штамповую, ни на какую другую не сменяю. Я и с Зинаидой

– свистулишницей говорил и с Васькой-гончаром, они моего мнения держатся – у них там своё, а у нас своё. Как говорится «хороша Маша – да не наша».

– Значит, ямчатую так и будем делать?– утверждаясь в сказанном Ларионом, проговорил Пахом.

– Так и будем, – твёрдо сказал Ларя.

– А ты никак глину мял...? на жжёнку или сушку?– перевёл разговор на другую тему Пахом.

– Для жжёнки у меня ещё глина есть, а серобелая, что для сушки, кончается. Пока остатки долеплю, смятая и подоспеет.

– Вот и ладненько,– проговорил Пахом поднимаясь,– вот и ладненько.... Стало быть, беспокоиться не о чем, свою игрушку как лепили, так и будем лепить,..., тогда я пойду.

– Иди, дед, иди, никто нашу торговлю не перебьёт....

Пахом, водрузив на голову шапку-треух, вышел, и было слышно, как яростно залаял под крыльцом Кузя.

«Шляются тут, – думал Кузя о Пахоме, – без вас тошно. С другой стороны, можно полаять, от мороза отвлечься, как-никак работа». И Кузя стал думать о сахарной косточке, что даст ему хозяйка и о поездке с Ларей по близким и дальним деревням с товаром. Хозяин запряжёт в сани Лыску, поставит в сено сундук с игрушками, постелит тулуп, и они поедут по деревням продавать игрушки. Ох, и любит Кузя та-

кие поездки. Аж дух захватывает, когда вспомнит: леса, перелески, снег искрится на солнышке. Хозяин специально солнечные дни для продаж выбирает, потому, как игрушки на солнце сильнее блестят и внимание лучше привлекают. Сам Кузя или впереди лошади бежит, или в санях, рядом с сундуком лежит. Но это только тогда, когда в чужую деревню въезжают. В деревнях собак, пропасть, сколько и все, даже самые маленькие шавки, хотят Кузю немножко куснуть для знакомства, особенно в деревне Полчаниновка или Большая Фёдоровка. Правда, и среди чужих собак есть благородные. Вот, например, в селе Старая Ивановка, где они всегда ночевать останавливаются у дальних родственников. Рыжая собака Стрелка, у Кузи в больших приятельницах ходит и Кузю никаким другим псам в деревне трогать не разрешает.

Деревушка с виду небольшая, а игрушки там любят, хозяин в ней хорошую выручку делает и даже заказы принимает. Обычно они едут по деревенским улицам медленно, Кузя на санях сидит и изредка тьявкает, чтоб привлечь к себе собачье внимание. Собаки не остаются в долгу и встречают возок залившимся лаем. Этого Кузе и надо. «Молодец, – говорит Ларя, – шевели их, Кузя, шевели, чтоб проснулись». На лай собак смотрят в оконные проталины любопытные хозяйки. Известный всей округе мастер останавливает возок так, чтоб солнечные лу-

чи на игрушки падали, открывает сундук, расставляет игрушки, а вокруг уже бабы с ребятишками товаром любят, приноравливаются, что купить к Рождеству. А Ларя приговаривает: «бабам копилки, мужикам мундштуки, ребятишкам игрушки расписные глиняные, свистки заливистые!»

Бери, молодка, глухаря – приобретёшь мужаухаря! купишь тройку с бубенцами – под венец помчатся сами!». Девчата смущаются, однако игрушки покупают охотно.

– Мне барашка, – просит девочка. Мальчишки пробуют на заливистость свистки. Парень в тулупчике нараспах, выбирает гуделку. Он поочерёдно берёт в руки то одну гуделку, то другую, прикладывает к губам и дует, перебирая пальцами по игральным отверстиям. Разносится тихая задумчивая мелодия. И вдруг пальцы музыканта начинают бегать быстрее и быстрее – плясовая. Покупатели начинают ногами в такт притопывать,... хороший инструмент. Ребятишки стараются Кузю погладить. Он не противится. Ему что, жалко, что ли? главное, чтоб торговля шла....

Между тем, пока Кузя вспоминал, Пахом с крылечка спустился и домой направился. Кузя на Пахома долго не лаает, Пахом безвредный. И вдруг, как только Пахом скрылся за соседским палисадником, снег заскрипел. Кто-то идёт, да не идёт, а крадётся вдоль стены сарая, то и дело озирается, на окна по-

глядывает, а в руках, что - то металлическое поблёскивает. «Никак сарай подломать хочет, – думает Кузя, – а там у хозяина инструмент всякий, крупорушка, чтоб глину размалывать, рядом, через которое хозяин глину процеживает, глина в сусеках разная. Её меж собой Ларя смешивает, чтоб цвет у игрушки красивый был. В этом деле хозяин большой мастер. Конечно, есть у него завистники. Они хотят знать, какую глину Ларя берёт и с какой глиной, и в каких частях смешивает? Этот с ломиком, наверное, из них. Тут надо быть осторожнее, это не на безобидного Пахома лаять, тут можно и по хребту получить. Наверное, лучше совсем даже не лаять, а подкрасться сзади и вцепиться, только это надо сделать тогда, когда станет дверь подламывать. Вылез Кузя из-под крыльца и потихоньку пошёл за непрошеным «гостем».

А между тем зимний вечер в доме шёл своим чередом.

– Это о чём, Ларя, говорили с дедом Пахомом? – спросил учителя Дима.

– Пахом боится, что мастера начнут Дымковскую игрушку делать и торговлю перебьют, боятся, как бы местная игрушка не перестала существовать. Её ведь поколениями делали,.. привыкли.... Потом, старикам труднее переучиваться, вот Пахом и забеспокоился.

– Я не об этом, тут я понял, а вот «жжёнка», «сушка», что это такое?

– «Жжёнка» и «сушка» – это, Дима, две разновидности традиционной Саратовской игрушки. Жжёнка – это та, что обжигалась в печи, а сушка не обжигалась. Делались они из разных глин. В жжёнке использовалась беложгущаяся глина, к ней добавлялась жёлтая, коричневая или красноватая, цвет после обжига получался царственный, золотистый, разных оттенков. А сушка делалась, как правило, из жёлтой или серо-белой глины. Иногда эти глины смешивались в разных пропорциях, какому мастеру какая смесь нравится, кому посветлее, кому потемнее. Если надобно, чтоб изделие потемнее было – коричневой глины больше в белую добавляли и наоборот.

– Это теперь понятно, – кивнул головой Дима. – Он что-то про ямки говорил при покраске, дескать, голое тело не красим.... Что за «голое тело»?

– Тут, Дима, мастер про расточку говорил. Это главное в декорировании Саратовской игрушки. Кстати, наш мастер как раз этим делом, кажется, и думает заняться. Игрушки, пока мяли глину, малость подвядли, можно и расточивать, сейчас посмотрим, как это в старину делалось.

– А вам, Павел Петрович, тоже интересно?

– И мне интересно, Дима, обязательно интересно.... Стоп.... Нет, Дима, кажется, не расточку он собирается делать. Штампиков в руки не берёт.

Оба стали внимательно наблюдать за действиями игрушечника.

– Ла-ри-он, поздно уже, – проговорила жена, качая на руках малютку, – ложился бы спать.

– Нет, мать, не поздно, – и Ларя тряхнул русыми кудрями, – Я ведь не играл ещё. Вот отыграю и будя.

– Поздно уже. Дети уснули, видишь на полатах сопят.

– А ты, Анфис, ложись, я не могу не отыграться. Сама знаешь, глина чуть подсыдет и уж с поправкой морока будет.

– Это о чём они? – спросил Дима.

– Сам не понимаю, – ответил Павел Петрович. Давай понаблюдаем, оно и прояснится.

А на столе у глинолепа уже довольно много всяких игрушек сделано и не одинаковых, а в разных позах. Тут тебе одна только собачка и бежит, и лает, и играет, и хвост свой догоняет.

– Зачем столько? – спросил Дима.

– Я, Дима, тоже не всё досконально знаю, хотя и учитель, многое и до меня уже не дошло, за давностью лет, как за горизонтом спряталось.

– Видите? Их мастер по несколько штук расставляет и при этом улыбается – воскликнул Дима.

– Он жене сказал, что должен отыгаться, – проговорил Павел Петрович. – Что значит отыгаться? Не понимаю... Не будет же он в них играть на самом деле?.. Тут какой-то секрет.

– Да-да, видите, играет в только что слепленные игрушки! – Воскликнул изумлённо Дима. Он подошёл к самому столу и вцепился в столешницу. – А зачем он, Павел Петрович, это делает? Не решил же взрослый усатый дядя просто поиграть как маленький?

– Конечно, нет, Дима. А играет он в них, я думаю, для того, чтобы характеры слепленных фигурок выверить и если чего не так, то подправить. Когда одна игрушка стоит, то её характер не так проявляется. Вот он и сводит игрушку с игрушкой, а то и по нескольку штук сразу.

Тут они увидели, как мастер рядом с собой на столе поставил собачку. Пёсик припал на передние лапки и азартно лает, не зло, а по-доброму. Покрутил мастер ус и напротив него поставил другую собачку побольше и тоже дружелюбно лающую, только поза у неё высокомерная, с поднятой лапой. Сверху вниз смотрит. Это спорщицы. Ларя лапку у неё чуть опустил.

– Ни дать, ни взять тётка Марьяна с бабкой Аграфеной сошлись, – проговорил Ларя, усмехаясь в усы. – Они не могут, чтоб друг с дружкой не поспо-

рять. Недавно спорили так, что одна голос потеряла.

– Всё-то, ты подмечаешь, – проговорила жена, улыбаясь. Ей определённо нравились эти собачки.

Тут мастер отставляет высокомерную собачку и ставит на её место большого быка, копилку, а напротив высокомерной ставит бодающихся барашков. Вот уже две композиции получилось. Вторая композиция, верно, это «дуэль». Тут тебе и секундант с поднятой лапой на месте, того и гляди даст команду к поединку, и баранчики с круто закрученными рогами готовы померяться силами. Но, что-то не понравилось мастеру. Он взял в руки каждого из баранчиков и отогнул немного головки вверх. Позы получились более дружелюбными.

– Не люблю злых, – проговорил Ларя. – Теперь всё в порядке. Теперь у них просто поединок, чтоб силами померяться, а не драка.

Много разных ситуаций можно составить из фигурок, хорошие игрушки получились.

– Отыграл и иди отдыхай, – сказала жена, – хватит на сегодня.

Из подполья вылез кот Епифан. Крадучись дошёл до порога и прыгнул на печь. Тут мастер вдруг прислушался, насторожился, подошёл к окну, отёрнул занавеску, стал вглядываться в замёрзшее стекло.

– Чего ты? – спросила жена, – аль балует кто?

– Почудилось, – сказал Ларя, задвигая занавеску и отходя от окна, – ветер под застрехой играет, ставнями скрипит. Пожалуй, Анфис, я сегодня и растучу, всё быстрее высохнут, – сказал мастер, – я сегодня в настроении, должна хорошо расточка получиться.

– Ну, как знаешь, – Анфиса, притворно нахмурившись, ушла в переднюю комнату и задернула за собой занавеску.

– А вы нам про расточку ничего не говорили, – сказал Дима, – что это?

– Такого слова «расточивать» вы ещё действительно не слышали, – ответил Павел Петрович, – да и, читая о других глиняных игрушках, вы его не встретите. Не встретите потому, что игрушки расточивались только на Саратовщине. Это ещё одна особенность Саратовской глиняной игрушки. Дело в том, что расточивание – один из самых древних способов декорирования глиняной посуды и назывался этот декор – ямчатым. Технология расточивания такова: берёт мастер штампик и вдавливает его рабочей частью в тело сырого изделия, получают ямки разных конфигураций (точки). Какой конфигурации штампик, такой и углубленный оттиск получается, то есть ямка. Только я раньше времени не буду говорить, давай посмотрим, как это будет делать мастер. Хорошо?

Дима кивнул и стал наблюдать за игрушечником.

– Видите, он пододвигает к себе глиняную тарелку, на которой лежит множество деревянных и глиняных штук. – Сказал Дима, – Сразу и не разобрать, что это такое? Ясно одно, что у каждого предмета имеется ручка – держатель, а на конце приспособления её что-то прикреплено или вырезано.

– Это Дима и есть штампики. При помощи их мастер оттискивает, различные геометрические фигурки: кружочки, треугольнички, квадратики, звёздочки... Штампики имеют обязательно геометрический рисунок, других в расточке не допускается. Мастер при помощи набора штампов, может оттиснуть на теле изделия составной геометрический рисунок.

– Такие игрушки и красить не надо! – воскликнул восторженно Дима.

– А их и не красили, а только слегка ямки подкрашивали.

– Так можно и без штампов любой рисунок кисточкой нарисовать, – сказал Дима, – зачем такая морока?

– А вот на этот вопрос ты ответишь себе сам, когда изделия расточенные увидишь, – сказал Павел Петрович.

– Вон вижу на готовых изделиях на полке гривы подкрашенные, рога, копытца, глаза – точки. – Сказал Дима.

– Всё правильно, у игрушек эти части тела так и красили, но это не ямки.

Они разом замолчали, потому как на столе развёртывалось какое-то таинство. Мастер взял бычка в одну руку, а в правую штампик и быстро на боку бычка оттиснул круг. Затем другим штампиком поменьше, по периметру, поставил несколько звёздочек, затем пожевал ус и, взяв третий штампик, поставил в центре рисунка солнышко с ровными и прямыми лучами. И, видимо, остался своей работой доволен. После этого он сделал точно такой же штампиковый рисунок на другом боку бычка и принялся за голову: посредине лба оттиснул маленькую выразительную звёздочку, затем самым маленьким штампиком, похожим на спичку, оттиснул глаза. После того, как у быка появились глаза, он как-то сразу ожил и совершенно изменился. И хотя он ещё не был подкрашен и не был покрыт матовым гляncем, это был уже иной бык, не те, что пасутся в стаде, которых видел Дима у бабушки в деревне. Лучи света от лампы падали на игрушку и не отражались как обычно. Эти лучи попадали в ямки и отражались под разными углами. Ямчатые рисунки, казалось, были объаты пламенем. «Вот здорово, – подумал Дима, – такого кисточкой никогда не сделаешь.

Но и это было далеко не всё, расточенный бык в руках Иллариона был сказочный, а не земной. Раскиданные по его телу звёздочки, квадратики, рисовали фантастическую картину мироздания. И всё это было единым, в одном многоступенчатом рисунке.

– Вот это да, – выдохнул Дима. Но что это? Глядя на грудь бычка, мастер надолго задумался. Затем отставил бычка, взял нож, деревянную палочку и стал что-то вырезать на её торце.

– Что это он делает? – удивлённо спросил Дима.

– Штампик новый вырезает, – пояснил Павел Петрович. Нет у него штампа, по его задумке, – вот, он и взялся за нож.

– Что, штампики... ножом вырезали? – удивился Дима.

– Здесь нет ничего необычного, – пояснил Павел Петрович. Ещё их выжигали или просто подбирали из разных веточек. Главное, чтоб геометрический рисунок был в оттиске. Вон видишь, он уже что-то вырезал.

В это время игрушечник, прищурившись, разглядывал на свет лампы, изрезанный торец палочки и видимо, оставшись доволен сделанным, вlepил его в середину груди бычка... Получившийся оттиск Дима рассмотреть не успел, потому, как мастер быстро поставил игрушку на стол и взял другого бычка. Однако, не стал выдавливать прежнего рисунка, а взял другой штампик. На теле бычка появились

треугольники, квадраты с боковым углублением и крестики с заострёнными скошенными палочками. Вид от такого рисунка у бычка был довольно грозный, по сравнению с первым, не хотелось бы попасть к нему на рога.

– Ух, ты? Какой грозный получился, – проговорил вслух Ларя. – Всё правильно. Таким ты и должен быть для волков, которые из стада телёнка стянуть желают, а вот здесь на тебе мы добрые оттиски разместим. Это значит, что ты только для зверья грозный, а для стада добрый, заботливый, но и строгий одновременно.

– Видишь, – заметил Павел Петрович, – один и тот же бычок, а при другой расточке и характер другой имеет.

– Это как одними и теми же красками можно нарисовать и доброе и злое! Значит и штампами тоже?

– Молодец, догадливый. – Похвалил Павел Петрович.

– А папа говорит я смекалистый, – добавил Дима.

– Смотри, смекалистый..., смотри, да запомни... – весело сказал учитель.

Ларя довольно быстро закончил расточку и принялся за подкраску. Разумеется, он пользовался не такими кисточками, какими пользуются дети в школе сейчас, но особых свойств от кисточки и не требовалось, главное чтоб она подкрашивала ямоч-

ки изнутри. Только Ларя не стал раскрашивать, голову поднял, прислушивается... Дима тоже прислушался – вроде ничего особенного – на улице ветерок соломой играет, да старые сосульки перезваниваются, даже Кузя не лает и вроде как рычание слышалось,.. охнул кто-то. Ларя тут же бросился к двери, в сенцах схватил топор и на улицу. Дима только подумал о том, что неплохо бы посмотреть, что там случилось, как тоже на улице очутился. Видит, Илларион кого-то за шиворот держит, тот, кого он держит, на карачках стоит, голову в сугроб уткнул, рядом ломик и запор сбитый валяются, Кузя рычит и за штаны злоумышленника тянет. Тут Анфиса на крыльцо с кочергой выскочила, видно шум услышала, а Ларя уже взломщика в дом волочет.

– Сейчас мы тебя на свету рассмотрим, – говорит Ларя, – узнаем, кто это любит по ночам по чужим сараям шастать?

Втолкнул он грабителя в дверь, сам следом вошёл, а грабитель бух Иллариону в ноги и говорит:

– Не губи, Ларион Африкантич! Век за тебя буду бога молить, бес попутал.

– Ты смотри, да он никак моё имя в крещении знает, значит наш, деревенский, не чужак.

Сдёрнул Ларя с злоумышленника шапку и от неожиданности крикнул.

– Никак Михей пожаловал! – удивлённо сказал мастер. – Ну, и что ты, Михей, хотел в сарае моём увидеть!? – прогремел голос Лариона.

– Глинку хотел увидеть,.. глинку,.. твои игрушки, супроть моих, веселей получаютя,.. вот я и хотел...

– Чего ты хотел? Я знаю. Ты бы лучше у меня спросил, я бы не отказал. Сарай бы не пришлось взламывать, запор портить.

– Неужто бы дал?.. – изумился Михей.

– Я тебе и сейчас дам, не смотря на то, что ты ко мне вором пришёл, – сказал Ларион, насмешливо глядя на стоящего на коленях Михея. Только, вряд ли ты, Михей, что путное сделаешь. Тебя зависть в мой сарай погнала, А зависть – она твой противник, а не помощник. Хочешь, совет дам?

– Шутишь, Ларюшка..., – не зная то ли радоваться, то ли плакать, проговорил Михей.

– А совет мой простой – перестань завидовать и не жадничай. Вот ты, Михей, помнишь, когда последний раз игрушки кому дарил? И отвечать не надо, по глазам вижу, что не дарил. Вместе со своей Марфуткой только деньги любите считать. А я без дарения с базара не ухожу. И не богатым дари Михей, а увидишь, какого ребятёнка неимущего, вот ему и дай, да не самую плохонькую. От души подари. Понял?! Вот если ты эту заповедь будешь исполнять, то и не надо будет по чужим сараям шастать.

Михей видит, что Ларя не желает его бить, закивал и заискивающе заулыбался. А Ларя взял из-за печи сухой кусок глины, сунул в руки Михею и проговорил: «В Шейном овраге копал, пробуй и не воруй больше. А теперь... пошёл вон!» – Последние

слова он сказал не зло, а как-то снисходительно, даже дружелюбно.

Но Михай не уходил и тут только Дима увидел, что взломщик держит разорванную штанину, из которой Кузя выхватил изрядный клин, видно боится встречи с псом. Посмотрел Ларя на клин и говорит:

– Хватит с тебя и этого, – вышел в сенцы и взял рвущегося Кузю за ошейник, потом долго смотрел на убегающего и прихрамывающего Михея.

– К уряднику бы его надо, – сказала Анфиса, когда муж проводил нежданного гостя.

– Не надо, – весело ответил Ларя, – он нашего Кузю долго будет помнить. Ложись спать, Анфис, мне всё равно не уснуть, да дай собаке хороший мо-сол, вылови из горшка со щами, заслужил.

– Что ж он не лаял на Михея? На деда Пахома вон как брехал, а он безобидный? – спросила жена.

– На Пахома он лаял забавы ради, дабы развлечься и службу показать, а тут он хозяйское добро защищал и ему виднее, как в данной обстановке лучше поступить. – И Ларя, пододвинув к себе плошки с краской и взяв кисточку, стал быстро закапывать краску в штампиковые углубления на теле коняшки.

– Тять, можно я попробую, – проговорил сын Алексей. Он тихонько подошёл сзади.

– А ты чего не спишь? – спросил отец.

– Шумели, вот я и проснулся. Теперь не уснуть. – Мальчик засмутился. – Лежу.... То ли сплю, то ли

нет, а в глазах скакуны несутся и прямо к реке на высокий обрыв, где омота. Помнишь, мы там сома ловили. Я им навстречу, кричу, руками машу,.. мол, туда нельзя,.. разобьётесь, шатоломные. Только, не доскакав до меня саженой семь, вожак стал отделяться от земли, и вижу уже поверх меня скачут, подковы над моей головой блестят и ветер в гривах свистит. Так и стали подниматься всё выше и выше, вижу, что это наши кони... ямчатые, глиняные, расписные. Смотрю я им вслед и дивлюсь. К чему бы это, а?..

– А это к тому, Алёшка, что быть тебе, как и отцу игрушечником, глаз у тебя верный и душа тонкая. Ведь в игрушке, что люди любят? а любят они то, что сами частично растеряли: в первую очередь доброту... Игрушки, они людей заново учат любить. Чувство это в людях поддерживают.

– Я ещё тебя хотел спросить... – Алёша помялся и немного сконфузился. – Правду игрушечники говорят, что у нас оттого игрушки нарасхват, что ты секрет игрушечный знаешь, дескать, тебе дед Африкант амулет передал или слово заклинательное?

Лаля улыбнулся, но глаза его были очень серьёзные. Вдруг он кивком пригласил сына сесть рядом. – Садись. – И, подождав, когда сын сядет, продолжил. – Правильно люди говорят,.. знаю я секрет. Знаю, Алёшка, знаю. И не я один, а весь наш род... – Он не договорил, махнул рукой. – Вот сейчас, Алёшка, я этот секрет и буду тебе передавать.... Бери в ру-

ки кисточку. Краска не должна быть слишком жидкой. В каждое штампиковое углубление капелька краски должна от лёгкого касания скатиться. Если закапываем в жжёнку, то, чаще всего, один коричневый цвет, а по сушке разные цвета идут. Если хочешь сушку лепить, бери хоть серо-белую глину, хоть жёлтую, а в каких случаях и коричневую, если глянется. Лепи весело, когда расточиваешь – в небе душой пари, подкрашивай сердцем и чтоб при этом душа пела, продавай, не скупись!

Но, Алексей отложил кисточку и обидчиво насупился.

– Ты мне про секрет расскажи.... А, как красить? я знаю, и как продаёшь, видел....

– Правильно, видел,.. знаешь,.. но, не всё разумеешь, – приблизившись к Алексею и прямо глядя ему в глаза, сказал Илларион.

– Чего не разумею? – насупился сын.

– Сплетням Марфуткиным веришь. А я не хочу, чтобы ты суеверным рос. Они с Михеем думают, что раз кошку через дорогу перетащили, так и удача в рот влетит, разевай рот шире...

– Что тять за кошка? Ты не говорил...– Удивлённо спросил Алексей.

– Да была тут история, без смеха не вспомнить.... Это их всё суеверие доводит. – Илларион широко улыбнулся, показав ряд белых зубов. – В прошлое воскресенье собрались они на базар игрушками торговать. Едут, а на выезде из деревни им Матрёнина

чёрная кошка дорогу перебежала. «Не быть удачи в торговле, раз чёрная кошка дорогу пересекла», – решили супруги и давай её ловить. Так они два часа эту кошку ловили, чтоб назад через дорогу перетянуть. Кошка от испуга на берёзу сиганула, что рядом с дорогой росла. С берёзы кошку не снять, так они давай берёзу пилить. Берёзу спилили, а возок свой подальше не поставили, видишь ли возок с игрушками с места трогать нельзя, пока кошка не поймана. Подпиленная берёза упала и прямо на возок, кучу игрушек побила. А они рады радёшеньки, что кошка опять через дорогу в обратную сторону перелетела, даже на побитые игрушки внимания не обратили. В результате на базар приехали с половиной товара и к шапошному разбору. Вот до чего суеверие людей доводит... Трудом надо копейку добывать, а не кошек ловить, да амулеты искать. А теперь дальше слушай... – Ларион пожевал ус. – Я тебя, Алёшка, в душу свою смотреть учу. В какую ямочку, какую краску капнуть? душа должна сказать, а не рука. И никто..., никто тебе, Алексей, в этом деле не подсказчик, ни дед, ни я, ни кто другой, хоть весь амулетами обвешайся. И весь наш секрет состоит в том, что в душу свою умеем заглядывать и за рублём не гонимся. Расписываем игрушку только тогда, когда душа просит, вот и получают игрушки на загляденье. А ты, как Марфутка, про заклинательные слова, да амулеты речь ведёшь. Не годится так, не нашенское это дело, не христианское.

– Твои игрушки, тять, во всём Саратове славятся, – смутившись сказал Алёша, чтобы, как - то скрыть своё смущение, от того что поверил сплетням.

– Возможно, и славятся, только об этом лучше не думать, а то игрушка не пойдёт. И потом, твой дед – Африкант, как игрушечник, вдвое меня сильнее был и не важничал.

– Это почему так? – удивился сын.

– А потому, что если ты об этом будешь думать, да собой любоваться, то заберётся в твою душу гордость и украдёт, то, что ты имел. Талант твой украдёт. И мало украдёт, да ещё в душу наплюёт. Если же мастер загордился, заважничал, стал свысока на товарищей смотреть – конец пришёл его мастерству. А чтоб тебе понятней было, расскажу я тебе одну историю, Моя мать, а твоя бабушка, Фёкла, рассказывала. Так, слушай:

Жил в Саратове один купец, из немцев. Крепкий купец. Даровитый. Торговал исправно, негодного товара не подсовывал, всё у него ладно шло, состояние увеличивалось несравнимо с остальной купеческой братией. Только приехал он раз к Африканту, твоему деду, игрушку заказать, прямо на тройке к воротам подкатил. Африкант его в дом, смотрите, дескать, на ваш вкус, а сам на купца особого внимания не обращает, а знай себе лепит, да отыгрывает. Купцу как - то не по себе стало. Что ж ты, говорит, меня, именитого купца, вниманием обходишь. А тот в ответ, дескать, у меня ко всем внимание одинаковое. «Так я тебе втридорога могу заплатить» – гово-

рит купец и золотые червонцы достаёт. «А мне втридорога не надо, отвечает Африкант, – у меня цена определена – копеечная». Удивился купец, спрятал золотые червонцы, серебро достал. А Африкант на своём стоит. Пришлось купцу и серебро прятать, а медь доставать. И только он хотел с мастером расплатиться, как подумал: «Что же я это? Игрушку подарю барыне, а до той дойдёт, что вещь копеечки стоит... Неудобство сплошное, и среди купцов конфуз. И вновь подступает к мастеру: «Давай, говорит, я тебе сто рублёв заплачу, меньше никак не могу». А Африкант на своём стоит – «Божий дар на деньги не меняю» и всё тут, «сколько сказал, столько и плати. Так мой отец завещал». Мне, говорит, пред Богом стыдно больше брать, а купцу меньше платить, перед барынькой стыдно. Так и разошлись. Сказывали, что и Африканта отец такой же был.

– Ты, тятя, про Африканта никогда ничего не говорил.

– Мал был, вот и не говорил.

– А теперь что, вырос? – смущённо спросил Алёша.

– Раз тебе такие сны стали сниться, значит, вырос, сынок. Правильно ты мне про коней над рекой рассказал. Думаю, что скоро возить мне по деревням два сундучка придётся. А сейчас иди спать, поздно уже.

– Я действительно поначалу думал, что Ларион нам секрет выложит, – сказал Дима, – медальон по-

кажет или слово сокровенное молвит. Я даже подумал: «Узнаю секрет и по всем предметам на пятёрки учиться буду». Только никакого слова таинственного он и не сказал, разве Михея на ум наставлял, да Алёшку воспитывал.

– Так разве это не секрет? – вопросом ответил Павел Петрович. – Ведь игрушечник Ларя секрета своего мастерства и удачливости не скрывает, с врагом делится секретом, только воспользоваться им сложно. Секрет, вот он на виду, а не воспользуешься. Здесь, Дима, до Иллариона Михею с Марфуткой надо душой дорасти. Сделать же это не просто. Потому и были игрушечники от бога, такие как Ларя и его предки, а были и такие как Михей. Понял?

– Если б своими глазами не увидел, то в жизнь бы не поверил, что так было? – сказал Дима. – Вот бы на всех уроках так. Раз, и посмотрел, что там Иван Грозный делал, а то одни версии.

– Так ты, понял теперь, как лепить глиняную игрушку? Сам слепишь? – спросил Павел Петрович.

– Я её теперь с закрытыми глазами слеплю, – весело ответил Дима.

– Хвастаешь, – сказал учитель.

– Есть немножко, Павел Петрович,.. настроение хорошее....

– Однако, нам пора, Дима, думай скорее о нашем клубе.

– Что-то не хочется, Павел Петрович, давайте ещё здесь побудем, на базар вместе с Анфисой схо-

дим, по деревням с Ларионом и Кузей поездим, игрушки попродаём, разве вам не интересно?

– Очень интересно, Дима, только надо и о времени думать. Тебя скоро родители искать начнут, в клуб звонить будут, а Ларя вон уже кисточки моет, спать собирается, Алёшка на полати залез, сон про коней досматривает.

– Жаль, – сказал Дима. – Только дайте слово, что мы обязательно сюда вернёмся, правда?

– Правда, Дима, правда...

Они вышли на крыльцо. Далеко в небе круглой льдинкой мерцает тусклая луна. Высокие сугробы серебристыми волнами покрывают всю деревенскую улицу. Фиолетовые тени прячутся в сугробах, желая напугать запоздавших прохожих, но их нет. Пуста деревенская улица. Поскрипывая, качается на петлях, отцепившийся от крючка, ставень. Под крыльцом, прикрыв нос пушистым хвостом, мирно дремлет Кузя, совершенно не подозревая, что над ним сверху стоят люди совершенно из другого века. Да, что там века, мира... Мира, с которым столько общего и всё же они такие разные. И только игрушки, что слеплены в кружке Павла Петровича и игрушки на столе у Иллариона говорят о том, что они одинаковые.

Содержание

Новогодние кролики	3
Горновица	10
Сказ о том, как скудельный петух Фомкиного петуха уму-разуму учил?	46
Глиняные шарик <i>и, или сказ о том, как игрушечник Африкант Наполеона воевал</i>	59
Фима	115
Как Илларион от барина вольную получил?.....	133
Как деду Андрияну сказка и игрушка жизнь спасли?	149
Розовое платье	154
Гуси	165
«МИ» второй октавы	176
Эксклюзив	202
Алёшкины скакуны	219
Содержание.....	262

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

РАССКАЗЫ
ОБ ИГРУШЕЧНИКАХ

Книга третья

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная верстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

Уважаемый читатель!

В четвёртой книге опубликованы пьесы для детей. Главными героями в пьесах являются глиняные игрушки. В книге дан выборочный обзор произведений автора, посвящённых Саратовской глиняной игрушке.

Е-mail автора: p.africkantov@yandex.ru